

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. А. Дробышевский
Т. В. Протопопова

**ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
В ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ
И ПРАВЕ**

Монография

Красноярск
ИПК СФУ
2009

УДК 347.1
ББК 67.404.021
Д75

Рецензенты:

Панченко В. Ю., канд. юрид. наук, доц. кафедры теории государства и права;

Пономарева В. В., д-р юрид. наук, проф.

Дробышевский, С. А.

Д75 **Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве : монография / С. А. Дробышевский, Т. В. Протопопова. – Красноярск : ИПК СФУ, 2009. – 160 с.**
ISBN 978-5-7638-1886-4

В монографии раскрыто многообразие трактовок феномена человеческого достоинства. Из них выделены теоретические представления, воплощение которых в политико-юридических доктринах и праве способно обеспечить самосохранение и прогресс государственной организации.

Издание адресовано всем интересующимся политологией и юриспруденцией. Оно будет особенно полезно лицам, изучающим правоведение, а также работникам государственных органов.

УДК 347.1
ББК 67.404.021

Печатается по решению
редакционно-издательского совета университета

Научное издание

Дробышевский Сергей Александрович
Протопопова Татьяна Витальевна

**ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
В ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ И ПРАВЕ**

Монография

Оформление обложки Л. М. Живило

Редактор Т. М. Пыжик

Корректор А. А. Быкова

Компьютерная верстка: М. В. Саблина

Подписано в печать 12.12.09. Печать плоская. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,7. Тираж 100 экз. Заказ № 1217

Издательско-полиграфический комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а

ISBN 978-5-7638-1886-4

© Сибирский федеральный университет, 2009
© Л. М. Живило, обложка, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Раздел I. Теоретические воззрения на человеческое достоинство и их воплощение в праве в процессе исторического развития 6	
Глава 1. Научные взгляды на достоинство личности и их юридическое закрепление с древнейших времен до нового времени	6
Глава 2. Доктрины человеческого достоинства и их отражение в праве в XVII–XX веках	46
Раздел II. Теоретические представления о достоинстве человека в современных учениях о правовой государственности и праве 81	
Глава 3. Идея человеческого достоинства в зарубежных политико-юридических доктринах и праве	81
Глава 4. Научные взгляды на человеческое достоинство в российской науке и проблемы их юридической регламентации	91
Заключение	121
Список использованной литературы	124
Российские нормативные акты и зарубежное законодательство	124
Монографии, статьи, учебники	126

ВВЕДЕНИЕ

Предусмотренное Конституцией Российской Федерации правовое государство должно строиться на главенстве в его конструкции идеи человеческого достоинства, ибо это государство существует для человека, а не наоборот. Причем указанная идея призвана служить для обоснования необходимости предоставления российскому гражданину всей совокупности юридических прав и обязанностей, позволяющих ему вести как можно более совершенную собственную жизнь и иметь возможность наилучшим образом удовлетворять потребности своих сограждан.

Такое положение глубоко закономерно. Дело в том, что на языке субъективных юридических прав и обязанностей в праве излагается именно сформулированная обществоведением идея человеческого достоинства, соответствующая закономерностям функционирования государства, в котором право действует.

Однако содержание идеи человеческого достоинства и в условиях государственно организованного общества вообще и при функционировании правового государства в частности пока представляется современным ученым в значительной степени неясным. В результате отечественный законодатель подчас не в состоянии сформулировать в праве юридические нормы, позволяющие обеспечить надлежащим образом человеческое достоинство граждан, так как не имеет достаточно конкретизированного представления о том, что это достоинство представляет собой. И отмеченная ситуация отнюдь не способствует успешной работе по наделению российских граждан совокупностью юридических прав, необходимых этим лицам для успешной реализации своей деятельности в правовом государстве. Равным образом недостаточная теоретическая определенность содержания идеи человеческого достоинства затрудняет в России законодательную деятельность по возложению на субъектов права юридических обязанностей, необходимых для выполнения ими своего долга перед обществом. Подобные проблемы существуют и в других странах.

Вот почему необходимо активизировать усилия для такой конкретизации существующих теоретических представлений о человеческом достоинстве в отечественной и зарубежной науке, которая достаточна для преодоления указанных негативных моментов. Однако, разумеется, это можно сделать лишь на базе знаний о человеческом достоинстве, достигнутых мировым обществоведением к настоящему времени.

Начиная с древних времен, идея человеческого достоинства становилась предметом исследования классиков обществоведения, государстве-

дения и юридической науки прошлого. Так, к ней обращались Гомер, Конфуций, Платон, Эпиктет, Марк Аврелий, Аристотель, Сенека, Фома Аквинский, Марсилий Падуанский, Джиаццо Монетти, Пико делла Мирандола, Н. Макиавелли, Ж. Боден, М. Монтень, Т. Гоббс, Б. Спиноза, С. Пуфендорф, Д. Локк, Х. Томазий, Ш. Монтескье, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Бентам, И. Г. Фихте, Б. Констан, Г. Гегель, А. Токвиль, Д. С. Милль, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Спенсер, Ф. Ницше, Л. Дюги, Е. Эрлих, Р. Паунд. Немалое место исследование человеческого достоинства занимает в трудах видных российских правоведов второй половины XIX – начала XX в. Б. Н. Чичерина и П. И. Новгородцева.

Над проблемой отражения в праве идеи достоинства личности работали и современные отечественные ученые. Это С. С. Алексеев, А. В. Белявский, М. Л. Гаскарова, В. Г. Графский, И. А. Исаев, Л. О. Красавчикова, О. Э. Лейст, Е. А. Лукашева, Д. И. Луковская, М. Н. Малеина, О. В. Мартышин, Н. И. Матузов, А. В. Малько, И. Д. Мишина, В. С. Нерсесянц, И. Л. Петрухин, А. В. Поляков, Н. А. Придворов, З. В. Ромовская, И. Л. Честнов, В. Е. Чиркин, В. М. Шафиров и др.

Анализу отражения категории человеческого достоинства в праве посвящены труды Н. А. Придворова. Речь идет о его монографии «Достоинство личности и социалистическое право», вышедшей в свет в 1977 г., и о главе «Достоинство человека как основа права и демократической государственности» в академическом трехтомном курсе общей теории государства и права, изданном в 2003 г. под редакцией М. Н. Марченко. Вместе с тем на сегодняшний день в российском правоведении отсутствуют общетеоретические монографические работы, которые рассматривают достоинство человека как идею, воплотившуюся в политико-юридических доктринах и праве на протяжении истории человечества.

Объектом исследования в монографии выступает развитие идеи человеческого достоинства в политико-юридических доктринах, а также ее отражение в праве, предметом же – теоретические воззрения на все это. Указанные феномены изучаются как в первобытных, так и в государственно организованных независимых политических обществах. Последний термин используется в понимании его, предложенном Д. Остином. Речь идет о человеческой общности, часть членов которой – подданные – «находится в привычном повиновении» остальной ее части – так называемому суверену. Последний – это индивид или коллектив, «никому привычно не подчиняющийся»¹.

¹ См. : Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М. : Норма, 2007. С. 187.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПРАВЕ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И ИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Идея достоинства человека как его ценности обязательно присутствует в любом человеческом коллективе. Каждый индивидуум хочет, чтобы его уважали. И эта человеческая претензия находит выражение в том, что коллективы людей рассматривают своих членов более или менее ценными или достойными для групп, где происходит оценка.

Однако следует признать, что в юридической науке нет единства мнений по этому вопросу. Так, И. Л. Петрухин считает, что в условиях первобытного общества вряд ли существовали такие ценности, как честь и достоинство личности¹. Указанная позиция представляется необоснованной. Нельзя согласиться и с такой точкой зрения: в условиях первобытнообщинного строя индивид еще не выделял себя из социального целого².

Чувство собственного достоинства как осознание своей ценности имеется у человека уже в первобытном обществе, где, как известно, присутствовали право и политическая организация. Основой такого чувства у отдельного члена коллектива является участие в совместном труде ряда людей и уважение с их стороны к индивидам, проявившим ум, силу и храбрость в добывании средств жизни и в столкновениях с враждебными социальными группами³.

Для подтверждения сказанного обратимся к достижениям науки, вызывающей в последние годы растущий интерес у этнографов и юристов. Речь идет о развивающейся в России юридической антропологии⁴. Именно

¹ Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. 1999. № 10. С. 90.

² См.: Диденко Н. Г. Право и свобода // Правоведение. 2001. № 3. С. 15.

³ См.: Кожин П. М. Традиции в системе этноса // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 3.

⁴ См.: Дамирли М. А. Право и История: эпистемологические проблемы. Опыт комплексного исследования проблем предмета и структуры историко-правового познания. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 242; Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991; он же: Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1995; Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов : пер. с фр. ; отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1999; Пучков О. А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999; Ковлер А. И. Юридическая антропология.

в исследованиях представителей этой науки имеется подтверждение существования идеи человеческого достоинства в первобытном обществе, например, об этом писал Ю. И. Семенов¹.

При исследовании категории достоинства в первобытном обществе выявляется важная черта: неравнозначность ценности соплеменника и чужака². Особенность воплощения категории человеческого достоинства в первобытном обществе – детерминация этого качества в зависимости от возраста и пола индивида. Наиболее уважали умелых и сильных мужчин зрелого возраста. Старики, женщины, дети и неумелые общинники считались менее ценными членами общества, это видно уже в локальных группах кочующих или низших охотников-собирателей.

При исследовании жизни последних ученые определили, что существовавшие уже тогда различия между людьми в мастерстве выполнения неодинаковых дел поднимали вопрос о достоинстве того или иного человека внутри локальных групп и в отношениях между последними. Изучение вопроса о роли харизматических лидеров локальных групп в первобытном обществе показывает, что таким лидером становился лучший по умению выполнять разнообразные дела среди равных ему семейных мужчин. Рядовые члены общины признавали за ним большее человеческое достоинство, чем их собственное, и, опираясь на свой авторитет, такой лидер руководил, действуя как катализатор в достижении группового единения³.

Можно констатировать, что в локальных группах низших охотников-собирателей лишь некоторые мужчины обладали знаниями и опытом, необходимыми для руководства общиной. Как правило, ими оказывались самые старые мужчины, которых издавна принято называть «старейшинами». Д. Ричиз отмечает, что, в частности, лидерство в изученных им общинах низших охотников-собирателей основано на способности некоторых членов сообщества осуществлять на постоянном уровне более высокой компетентности задачи, связанные с этой социальной деятельностью⁴. Описывая разновидности обменных операций австралийских аборигенов, Р. М. и К. Х. Берндты отмечали, что мужчина может пользоваться репутацией исключительного умельца в некоторых ви-

М., 2002; Поцелуев Е. Л. Современное состояние теории государства и права. Кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2004. № 2. С. 159.

¹ Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 5–6.

² См.: Ковалевский М. М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. 4. СПб., 1913. С. 90.

³ См.: Файнберг Л. А. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1986. С. 220–222; Mac Neish J. H. Leadership among the Northern Athabascans // *Anthropologica*, 1956. № 2. С. 151; Graburn N. Eskimo Law in the Light of Self – and Group – Interest // *Law Society Review*. 1969. № 4. С. 52–59.

⁴ См.: Riches D. Northern Nomadic Hunter-Gatherers. A Humanistic Approach. London: Academic Press, 1982. P. 132, 136.

дах работ – в изготовлении лодок, украшений из перьев, гарпунов для охоты на дюгоней и черепах¹.

Уже в общинах низших охотников-собирателей люди связывали понятие человеческого достоинства с неотчуждаемым личным правом на имя. Л. Д. Поспишил в своем фундаментальном труде «Антропология права», утверждая, что в первобытном обществе наказания «не физической» природы встречались гораздо чаще, чем предполагающие физическое воздействие на правонарушителя, приводит пример осознания индивидуумами разных степеней человеческого достоинства в праве на имя. Он пишет, что в некоторых локальных группах эскимосов нунамиут в качестве наказания за преступление правонарушителю могли дать унижающее имя. Если, скажем, человек крал каяк, то по решению совета старших мужчин локальной группы ее члены именовали преступника не иначе как «Каяк». Так что со временем его настоящее имя забывалось. «Каждый раз, когда использовалось унижающее имя, вору публичным и позорящим способом напоминалось о его преступлении»².

Научные исследования этнографов и правоведов неоспоримо доказывают, что существовавшие при первобытном строе социальные условия предполагали вопрос о достоинстве членов тогдашних политически организованных обществ и посторонних для таких структур индивидуумов и заставляли ценить первых больше, чем вторых³. И все это воплощалось в праве. В то же время общение членов различных политически организованных обществ было немыслимо и без уважения достоинства «чужаков», также отражавшегося в праве. Этот факт прослеживается в юридических правилах войн, обращения с военнопленными, принятия чужака в свою общину и обмена брачными партнерами⁴.

Изучение специфики первобытного общества позволяет утверждать, что человеческое достоинство здесь проявляется в самоуважении личности и снискании ею уважения других людей. К тому же человеческое достоинство воплощается в определенных правах и обязанностях, в том числе юридических.

Из закрепленной в праве разницы в достоинстве отдельных категорий лиц в этом обществе вытекает вполне определённое человеческое поведение. Например, в первобытных политических организациях общества, включавших так называемых «больших людей», последние, широко прак-

¹ См.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первобытных австралийцев. М.: Наука, 1981. С. 93.

² Pospisil L. J. Anthropology of Law. A Comparative Theory. N. Y. etc.: Harper and Row, 1971. P. 95.

³ См.: Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 141–147.

⁴ См.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 260; Man the Hunter. Ed. by R. B. Lee, and I. De Vore – Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. P. 246; Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 91.

тикуя полигинию, заставляли работать на себя не только своих многочисленных жен, но и их близких и дальних родственников. В вождествах после удачных набегов военным предводителям доставалась большая и лучшая часть добычи. При этом иногда обнаруживалось доминирование односторонних обязательств индивидов низшего статуса по отношению к индивидам высшего статуса¹.

Различия в достоинстве между людьми не исчезли и при складывании первых государств. В этот период социальной трансформации присутствуют, в частности, попытки поэтического осмысления отличий в достоинстве между человеческими индивидуумами.

Так, по Гомеру, причитающаяся каждому (богу или человеку) по справедливости и обычаю честь обозначена словом «тима». У каждого (бога или героя) своя честь (тима) и, следовательно, свое индивидуальное правопритязание².

Гесиод (VII в. до н. э.) в поэме «Теогония» указывает на признаки ценности политического лидера. Таковыми выступают ум, справедливость, способность обеспечить законность и мир. Отражение идеи человеческого достоинства можно проследить в описанных Гесиодом в поэме «Труды и дни» правилах примерной жизни в политически организованном обществе. Например, как на обязательный признак достойного человека здесь указывается на приверженность последнего труду. «Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно жизнь проживает»³. В этом произведении можно найти и призыв к уважению иноплеменников, и выявление связи между утратой достоинства (нечестивостью) правителей и тяжкими последствиями для народа. Гесиод заявляет, что «там..., где суд справедливый находят и житель туземный, и чужестранец, где правды никто никогда не преступит, процветают народы... И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод не посещают... Всякие блага у них в изобилии... Кто же в надменности злой и в делах нечестивых, ... тем воздаст по заслугам владыка – Кроноид дальнозоркий. ... Беды великие сводит им с неба: ... голод совместно с чумой». В таких случаях, отмечает Гесиод, «страдает целый народ за нечестие царей...»⁴.

По убеждению ряда ученых, в рассматриваемую эпоху закладываются идейно-теоретические предпосылки политических теорий индивиду-

¹ См.: Думанов Х. М., Першиц А. И. Мононорматика и начальное право (статья первая) // Государство и право. 2000. № 1. С. 102–103.

² См.: История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М.: Норма, 2001. С. 36–37. Гомеровский период (XI–IX вв. до н. э.) в полисном этапе истории Древней Греции характеризуется господством родоплеменных отношений, которые начинают распадаться к концу этого времени. Рассматриваемую социальную структуру можно отнести к типу, переходному к государству. В научной литературе этот период принято определять как военную демократию. См.: Всеобщая история государства и права / под ред. К. И. Батыра. М., 2001. С. 59–61.

³ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. М., 2007. С. 25.

⁴ Там же.

лизма и коллективизма. При этом под индивидуализмом понимается круг требований по устройству государства, предлагаемый, например, либеральной идеологией в лице таких ее представителей, как И. Бентам, Д. С. Милль, Г. Спенсер, Б. Н. Чичерин. Коллективизм же трактуется как система требований об устройстве государства, выдвигаемая, скажем, Платоном, Ж.-Ж. Руссо и сторонниками социалистических учений. Критерием такого разграничения является направленность государств прежде всего на реализацию либо общих задач, стоящих перед их населением, либо частных нужд отдельных индивидуумов и групп.

Согласно индивидуалистической доктрине, государство представляется органом, необходимым обществу для защиты субъективных юридических прав и свобод, которыми обладают его отдельные члены. В соответствии с коллективистскими учениями государство выступает как механизм ограничения индивидуальных волеизъявлений силой закона¹.

Отмеченные теории включают идею человеческого достоинства. Однако она понимается в индивидуалистических учениях иначе, чем в коллективистских.

Правовое регулирование в древнейших государствах осуществлялось на основе учета этой идеи как в правотворчестве, так и при реализации права. Например, подобным образом обстояли дела в древних Египте, Месопотамии, Индии и Китае.

Авторы учебника «Философия права» под редакцией О. Г. Данильяна выделяли следующие характерные признаки древневосточной цивилизации. Во-первых, ее экономической базой выступает мелиоративное земледелие. При этом земля и вода находятся в собственности государства. Во-вторых, государственная власть строится на принципах централизации с развитой бюрократией, возглавляемой правителем (царем, императором). В-третьих, большинство населения проживает в более или менее замкнутых и разрозненных сельских общинах, находясь в полной зависимости от государства. В-четвертых, человек не выделяет себя из природы и общества².

С такой позицией вряд ли можно согласиться. Прежде всего население никогда не может находиться в «полной» зависимости от государства. И в древневосточных государствах индивидуумы сохраняли определенную автономию, позволявшую проявлять достоинство.

Далее, необоснованно утверждение, что человек не выделял себя из природы и общества. Осознание человека как существа, обладающего дос-

¹ См.: Луковская Д. И., Козлихин И. Ю. Право, государство, политика (к разработке современной концепции правового государства // Политико-правовое устройство реформируемой России: Планы и реальность. Вып. 3. СПб., 1995. С. 115; Ромашов Р. А. Античный полис как форма социального устройства и государственного правления // Правоведение. 1999. № 2. С. 30.

² Философия права / под ред. О. Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2006. С. 53.

тоинством, определенной самодостаточностью и автономией, приводит к выводу о неизбежности такого выделения.

В. Г. Графский, исследуя историю государства и права Древнего Египта, отмечает следующие характерные черты устройства египетского общества: сосредоточение власти в центре, определение центральной властью прав и обязанностей общественных групп, слабую гарантированность властью принципа собственности, преобладание произвола над законом¹. Перечисленные признаки явно свидетельствуют о том, что представления о человеческом достоинстве в этот период определяла преимущественно коллективистская идеология². Более всего в древнеегипетском государстве ценилось достоинство фараона, далее иерархия значимости достоинства выглядела следующим образом: высшие вельможи, жрецы, стражи, воины, писцы, контролеры. Все перечисленные входили в главные сословия, чье достоинство ценилось достаточно высоко. К второстепенным сословиям относились земледельцы, ремесленники, пастухи, торговцы, толмачи, корабельщики. Н. И. Ильинский обоснованно замечает, что положение знатного человека (а следовательно, и его достоинство. – С. Д., Т. П.) определялось тремя условиями: древностью рода, величиной землевладения, значением занимаемой должности³.

Единственный документ эпохи Среднего царства, составленный в виде поучения сыну (так называемое «Почтение Ахтоя»), утверждает, что деление людей на «низших» и «высших» установлено самим Богом и поэтому противиться такому положению нельзя и богопротивно. Имея в виду частые волнения, доходившие до крупных восстаний, автор другого древнеегипетского документа («Почтения гераклеопольского царя своему сыну Мери-ка-Ра») призывает относиться к бедным людям как к врагам царя. Здесь оправдывалось социальное неравенство, существование рабовладельческого строя. Об одном из крупнейших восстаний рабов и бедного простого народа против государства рассказывается в «Речении Ипувера». Восстание 1700 г. до н. э. завершилось успешно, но положение людей не изменилось⁴.

¹ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М., 2003. С. 74–75.

² См.: Тураев Б. А. История Древнего Востока : в 2 т. Л., 1936; Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права. Памятники и исследования. М., 1960; Жидков О. А. История государства и права Древнего Востока. М., 1963; Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973; Редер Д. Г. Законодательство в Древнем Египте // Культура Древнего Египта. М., 1986; Васильев А. М. Египет и египтяне. М., 1986; Ковтунович О. В. Вечный Египет. М., 1989; Монтэ Пьер. Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / пер. с фр. Ф. Мендельсона. М., 1989; Большаков А. О., Сушевский А. Г. Герой и его общество в Древнем Египте // Вестник древней истории. 1991. № 197/2; Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г. Мачинцев. СПб., 1993; История Востока : в 5 т. / отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999. Т. 1. Восток в древности; Тураев Б. А. Древний Египет. СПб., 2000; Древний Египет. Сказания. Притчи / пер. с др.-египет. И. С. Кацнельсона, Ф. Л. Мендельсона. М., 2000; Древнеегипетская «Книга мертвых». Слово Устремленного к Свету / сост., пер., предисл. и коммент. А. К. Шапошникова; поэт. пер. И. Евсье. М., 2003; Зеленев Е. И. Египет. СПб., 2004.

³ Ильинский Н. И. История государства и права зарубежных стран. М., 2003. С. 29–30.

⁴ Там же.

Ряд исследователей в области истории Древнего Египта считали, что в этом государстве достоинство человека должным образом не оценивалось. Так, К. А. Неволин писал, что на всех иностранцев египтяне смотрели с презрением¹. Поэтому, мол, утверждал Ф. Ф. Мартенс, законы запрещали египтянам путешествовать, не допускали никаких иностранных обычаев в Египте, даже не признавали гостеприимства².

Однако анализ современной научной информации по рассматриваемому вопросу позволяет прийти совсем к другим выводам. Например, в 1272 г. до н. э. Древний Египет и Хеттское государство заключили мирный договор. Согласно этому акту перебежчиков выдавали другой стране при условии, что она обещала гуманное обращение с ними, их женами, близкими и неприкосновенность их имущества. Приводя эти сведения, О. В. Буткевич пишет, что пройдет не одно тысячелетие, когда данная норма международного права возродится в урезанном виде в европейской системе прав человека, по которой запрещается выдавать лицо (даже его государству) если индивидууму грозит в нем смертная казнь, пытки или бесчеловечное обращение³.

Идея человеческого достоинства нашла свое отражение и в законодательстве Месопотамии⁴. В частности, примеры признания неравного достоинства у разных классов людей можно обнаружить в законах царя Хаммурапи, правившего Вавилоном и объединенной Месопотамией (Вавилонией) в 1792–1750 гг. до н. э. Так, ст. 200 этого документа гласит: «Если (полноправный свободный. – С. Д., Т. П.) человек выбьет зуб человека, равного себе, то должно выбить ему зуб». В ст. 201 говорится: «Если он выбьет зуб у мушкенума (неполноправного свободного человека. – С. Д., Т. П.), то он должен отвесить 1/3 мины серебра». Статья 202 предусматривает, что «если человек ударит по щеке большего по положению, чем он сам, то должно в собрании ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи».

Последняя норма свидетельствует о значительной защите достоинства более знатного индивидуума. Кроме того, в ней следует обратить внимание на особенность наказания – публичность. В данном случае законодатель предусматривает особое, квалифицированное умаление достоинства провинившегося, которому должны будут прилюдно – в собрании – нанести телесные повреждения плетью.

¹ Неволин К. А. Полное собр. соч. Т. 11. СПб., 1857. С. 111; Цит. по: О. В. Буткевич. Международное право Древнего Египта // Государство и право. 2000. № 5. С. 82.

² Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1898. С. 39.

³ Буткевич О. В. Международное право Древнего Египта // Государство и право. 2000. № 5. С. 76.

⁴ См.: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959; Редер Д. Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965; Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991; Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992; Крашенинникова Н. А. История права Востока. М., 1994.

Статья 203 предусматривает, что «если кто-либо из людей ударит по щеке кого-либо из людей, кто подобен ему, то он должен отвесить 1 мину серебра». Данная норма свидетельствует о признании за людьми с определенным социальным статусом равного человеческого достоинства. Следующая же статья говорит о явно неравной ценности достоинства полностью свободного и мушкенума (частично свободного). Она гласит: «если мушкенум ударит по щеке мушкенума, то он должен отвесить 10 сикелей серебра», что гораздо меньше, чем 1 мина.

Далее можно увидеть свидетельство еще более низкого оценивания достоинства индивидуума. В ст. 205 речь идет о наказании раба, предусмотренном за то же деяние. «Если раб человека ударит по щеке кого-либо из людей, то должно отрезать ему ухо»¹.

В праве Древней Индии также нашла отражение идея человеческого достоинства². Здесь различная ценность людей выразилась в сословно-кастовом делении. Согласно ему государственно организованное общество включает четыре группы населения. Так, по законам Ману в государстве выделялись брахманы, кшатрии, вайшии и шудры. При этом наибольшим достоинством обладал брахман (гл. 1, ст. 88). По главе 1 ст. 99 он, «появляясь на свет, занимает высочайшее место на земле как владыка всех созданных существ для охранения сокровищницы закона»³. Наименьшее достоинство имел шудра, которому предписывалось лишь одно: беспрекословно служить трем высшим сословиям или варнам (глава 1, ст. 91).

Воплощение идеи человеческого достоинства можно увидеть в содержащейся в законах Ману характеристике добродетельных людей. Скажем, законодатель следующим образом описывает то, что достойно брахмана: его платье, речи и мысли должны соответствовать его возрасту, занятию, имущественному положению, священному знанию и семейству (ст. 18 главы IV); он должен ежедневно изучать науки (ст. 19 главы IV); размышлять о суетности желания наслаждений (ст. 16 главы IV); обуздывать свои страсти религиозными подвигами (ст. 35 главы IV). Брахману следует быть настойчивым, кротким, терпеливым (ст. 246 главы IV). Он должен находить удовольствие в истине, послушании священному закону и чистоте; обуздывать свои речи, руки и чрево (ст. 175 главы IV).

Законодатель говорит и о том, что недостойно брахмана. Это прежде всего безбожие, ненависть, недостаток скромности, гордость, гнев, рез-

¹ См.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М. : Юристъ, 2002. С. 21.

² См.: Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955; Чаттопадхья Д. История индийской философии. М., 1966; Бонгард-Левин Г. М. Индия в эпоху Маурьев. М., 1973; Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация, философия, наука, религия. М., 1980; Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. М., 1991.

³ Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М. : Юристъ, 2002. С. 25–26.

кость, чрезмерная привязанность к наслаждениям, вступление в бесполезную вражду или спор, а также в дело, успех которого зависит от других, беззаконие, склонность сердца к несправедливости (ст. ст. 16, 137, 138, 139, 159, 163, 171, 172 главы IV).

Законы Ману предписывали брахману и иные элементы достойного образа жизни. Так, брахману следовало добывать средства к существованию без причинения вреда другим людям (ст. 2 главы IV). Каждый гость в его доме должен быть почтен, по мере возможности, сиденьем, пищей, постелью, питьем... (ст. 29 главы IV). Брахман не должен обижать ни тех, у кого недостаток в членах..., ни лишенных знания, ни пожилых, ни лишенных красоты или имущества, ни людей низкого происхождения (ст. 141 главы IV).

Законы Ману определяют и достоинство царя, являющегося кшатрием. Ему надлежит защищать весь мир, быть милостивым, доблестным. В царском гневе должна обитать смерть, но наказания он обязан налагать после обдумывания. Царю следует быть правдивым, мудрым, поступать осмотрительно и понимать, как связаны между собой добродетель, удовольствие и богатство. Царь должен иметь хороших советников, но при этом сам быть чистым, верным слову, поступающим по правилам священного закона (ст. ст. 2, 3, 11, 19, 26, 31 главы VII).

Законодатель выделяет и качества, умаляющие достоинство царя. Речь идет об изнеженности, пристрастии, лукавстве, слабоумии, алчности, неопытности, привязанности к чувственным удовольствиям (ст. ст. 27, 30 главы VII). Причем это умаление в законах Ману названо бесчестием. Так, здесь сказано: при наказании тех, которые не заслуживают кары, и при прощении действительных преступников царь принимает на себя большое бесчестие и идет в ад (ст. 128 главы VII). Умалется достоинство царя и при притеснении своих подданных (ст. 111 главы VII)¹.

Идея человеческого достоинства воплощалась и в древнекитайском праве². Согласно нормам последней высшую ступень социальной иерархии в Древнем Китае занимал царь (ван). Затем шли шанская рабовладельческая аристократия и жречество. Следующую ступень занимала рабовладельческая аристократия покоренных племен. В зависимости от близости к царю аристократы наделялись титулами, которые давали право на определенные привилегии³. Основная масса простого народа в Древнем Китае не

¹ См.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М. : Юристъ, 2002. С. 28–32, 39.

² См.: Петров А. А. Очерк философии Китая // Китай. М. – Л., 1940; Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. – Л., 1950; Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957; Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960; Го Мо-жо. Философия Древнего Китая. М., 1961; Юань-Кэ Мифы Древнего Китая. М., 1965; Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966; Взгляды сторонников сочетания конфуцианского и легистского подходов к закону // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 1. Античный мир и восточные цивилизации. М., 1999. С. 515–524.

³ См.: Ильинский Н. И. История государства и права зарубежных стран. М., 2003. С. 109.

была однородной с сословной точки зрения. Различия между общественными слоями находили выражение в праве. «Благородные» противопоставлялись законом и традицией как «подлым» (бесправным рабам, крепостным, оброчным невольникам), так и «простонародью» (свободному крестьянству, ремесленникам)¹.

Древнекитайское государство в разные периоды своего существования проводило неодинаковую политику. В одни времена оно поддерживало индивидуалистические стремления к приумножению богатств у титулованной знати, ранжированного чиновничества, незнатных крупных землевладельцев и купцов. На других исторических этапах своего существования это государство поступало иначе. Так, когда рост крупного землевладения, сопровождаемый массовым обезземеливанием крестьян-общинников, начинал подтачивать основы существования податного крестьянства, катастрофическое сокращение числа налогоплательщиков вынуждало государство с помощью реформ, имевших преимущественно коллективистский характер, ограждать народные массы от разорения. Например, в 119 г. до н. э. ханский император Уди издал указ о конфискации у крупных землевладельцев (купцов и ростовщиков) частных земель и рабов. Им был введен большой налог на крупные состояния. Еще более радикальная попытка ограничить рост крупного землевладения была предпринята императором Ван Маном в 9 г. до н. э. Он попытался провести перераспределение земельного фонда. Вся земля была объявлена императорской собственностью, запрещалась ее купля-продажа. Однако этот запрет был снят под давлением его противников ровно через три года².

Охарактеризованные древнейшие государства в современной научной литературе весьма часто определяются как земледельческие или аграрные³. К этому историческому типу государств, существовавшему со времени появления государственной организации вплоть до перехода человечества к индустриальной или промышленной цивилизации, относятся также государственно организованные общества Древней Греции и Древнего Рима.

В праве древнегреческих государств, республиканского и имперского Рима идея человеческого достоинства воплощалась не в меньшей степени, чем на Древнем Востоке. Первые свидетельства этого уже были отмечены, когда давалась характеристика идеи человеческого достоинства в работах Гесиода. Ведь он жил в одном из древнегреческих полисов.

¹ См.: История государства и права зарубежных стран. Часть 1/ под ред. Н. П. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М. : 2001. С. 69–70.

² См.: Там же. С. 70.

³ См.: Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 127–132.

В этих государственных организациях существовали разные политические порядки. Однако все такие устройства объединяло деление людей на свободных полноправных и неполноправных индивидуумов. К последним, в частности, относились в каждом полисе переселенцы из других подобных организаций, еще не получившие полноты гражданских прав. К тому же в каждом полисе имелись рабы, за которыми не признавалось вообще никакого человеческого достоинства.

В полисах имели место как в основном коллективистские, так и преимущественно индивидуалистические порядки. Классическим примером преимущественно индивидуалистической организации в Древней Греции выступает Афинское государство. Здесь между свободными людьми уживались крайности богатства и бедности, соперничали различные политические идеологии. Государство оставляло в распоряжении граждан очень значительную часть заработанных ими средств, которую они могли тратить в соответствии с их индивидуальными желаниями. Г. Еллинек отмечал, что афинское гражданское право, включавшее многочисленные институты, реализовывало указанную цель достаточно успешно¹.

Классическим примером в основном коллективистских порядков в Древней Греции выступает Спарта. В ней законодательством поддерживалось имущественное равенство всех граждан, а также их единомыслие. Очень большая часть средств этих лиц тратилась на общегосударственные программы, например, на обеспечение военного могущества государства. Здесь порицались граждане, которые выказывали желание пренебрегать общегосударственными программами в личных интересах.

Как афинские, так и спартанские порядки вызывали у других полисов стремление к подражанию. Поэтому вся Греция была разделена на два лагеря, между которыми шел спор о наилучшей организации государственной жизни. Аргументы в эту дискуссию обильно поступали из произведений великих древнегреческих мыслителей, и прежде всего из работ Платона и Аристотеля.

Представителем преимущественно коллективистской идеологии был Платон². В диалоге «Государство», он, рисуя картину идеального общественного строя, обосновывает неизбежность сотрудничества людей, желающих удовлетворить свои потребности. Действующим совместно для достижения своих целей индивидам необходимо государство, которое бы служило всем, а не какой-либо группе или части населения. При этом Платон считал необходимой иерархию сословий, но осуждал крайности бедности и богатства. Говоря об аристократии как о предпоч-

¹ Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб., 2003. Гл. 10.

² Так, Фридрих Ницше писал, что Платон развил идеи Сократа до уровня социалистических. См.: Горячева М. В. Критика Фридрихом Ницше генезиса и идеалов демократического государства // *Правоведение*. 2000. № 1. С. 249.

тительной форме государства, Платон утверждал, что в таком сообществе властвовать должны самые лучшие, то есть достойные люди. Их он называл философами. Они по своей природе стремятся к овладению всеми видами знаний, существующих в государстве, а также способны к абстрактному мышлению. Благодаря перечисленным качествам философы понимают гораздо яснее, чем остальные люди, то, в чем заключается общее благо для всех граждан государства.

Как считал Платон, философам должны помогать проводить идеи общего блага в жизнь представители второго по достоинству сословия в государстве. Его Платон именовал воинами. Из членов этого сословия нужно комплектовать костяк всего государственного аппарата. Отличительной чертой воинов является беспрекословное подчинение философам. К тому же воины способны в высшей степени эффективно проводить в жизнь адресованные им распоряжения членов высшего сословия.

Наконец, Платон выделял еще и сословие граждан государства, обладавшее меньшим достоинством, чем воины. В эту социальную группу входят разнообразные производители материальных благ, равно как и лица, выступающие посредниками в обменах такими ценностями. По Платону, членам данного сословия надлежит находиться под властью философов и воинов. В противном случае члены третьего сословия не могли бы надлежащим образом удовлетворять собственные потребности.

По мнению Платона, все формы государства, кроме аристократии, хуже ее. Дело в том, что только при аристократии власть принадлежит самым достойным людям. В результате этого государство способно процветать. При всякой другой форме государства этого не происходит. Так, правление олигархов приводит к усилению раскола на богатых и бедных. Народ запугивают и подавляют. В итоге указанной политики происходит государственный переворот и устанавливается демократия. Ее недостатками являются уравнивание людей разного достоинства, некомпетентность, пренебрежение к знанию, к заслугам; применение жребия при замещении государственных должностей¹.

Основатель политической науки Аристотель определял ее как науку о высшем благе человека и государства. Цель ее – благосостояние человека и полиса. В своих трудах Аристотель воплотил постулаты преимущественно индивидуалистической идеологии. Считая политическую организацию общества сферой распределяющей и уравнивающей справедливости, он предлагал для обеспечения справедливого распределения власти, почестей, прав и обязанностей учитывать вклад каждого в общее благо. Таковой Аристотель определял не только траты лица на общественные нужды, но и его участием в управлении и обладанием такими качествами, как образо-

¹ См.: История политических учений / под ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 45–49.

ванность, интеллект, опыт¹. Иными словами, Аристотель считал, что самыми достойными членами человеческого общества являются образованные, умные и опытные люди.

Однако управлять государством, по Аристотелю, должны не только они. Вопреки теоретической позиции Платона, исключавшего наименее достойных граждан из участия в управлении государством, Аристотель придерживался другой точки зрения. Государство включает массу людей, не отличающихся резко какими-либо достоинствами, и немного людей, достойных руководства и способных к нему. Если всю власть отдать последним, то массы в государстве будут лишены почета и станут бедны, а вследствие этого «государство наполнится враждебными элементами»². Если отдать всю власть массе, то руководство окажется неквалифицированным, что также нанесет ущерб государству. Лучше всего на руководящие должности рекомендовать способных людей, достойных руководить. А массе простых граждан предоставить право избирать правительственных лиц и контролировать их, но ни одного из них в отдельности к власти не допускать. Люди без достоинства, полагал Аристотель, пусть имеют власть лишь как члены народа³.

Разнообразные представления о человеческом достоинстве, сформулированные древними греками, восприняли римляне. Эти воззрения отразились в двух основных направлениях древнеримской политической идеологии, имеющих греческое происхождение: стоицизме и эпикурействе. Объединяло их общее теоретическое положение. Оно заключалось в том, что достойная человека жизнь состоит из поступков, согласных с природой. Однако соответствие ей человеческого поведения эпикурейцы и стоики понимали по-разному.

Для римских стоиков достойная человека жизнь состоит в служении государству, понимаемому как сообщество индивидуумов. Человек должен приобрести профессию, завести семью, иметь детей и всячески стараться помочь своим согражданам наилучшим образом удовлетворять их потребности. Как писал Сенека, если ты сделал благо своему ближнему, то принес пользу самому себе, ибо интересы отдельного лица и государства в конечном счете совпадают. Из этого же убеждения исходил и Марк Аврелий Антонин. В частности, он призывал каждого государственного служа-

¹ См.: История политических учений / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 53–55; Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М. – Л., 1947; Нерсесянц В. С. Право и закон: Из истории правовых учений. М., 1983. С. 105–120; Разумович Н. Н. Политическая и правовая культура: идеи и институты Древней Греции. М., 1989. С. 204–220; Луковская Д. И. Философия и политика: взаимосвязь теории и практики (Древняя Греция). Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984; Кравцов Н. А. Учение Аристотеля о политике и праве // Правоведение. 2001. № 5. С. 250.

² Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. М.: Норма, 2007. С. 44.

³ См.: Там же. С. 44–45.

щего, работающего с правонарушителями, убеждать их: причинив зло своему ближнему, человек вредит самому себе. Поэтому ради личного блага гражданин должен воздерживаться от совершения правонарушений.

Марк Туллий Цицерон, близкий по своим политическим убеждениям к римским стоикам, полагал, что государства – это объединения людей, связанные правом. С его точки зрения, «мы по природе своей склонны любить людей, а это и есть основа права», обеспечивающая единство и устойчивость существующих в человеческом обществе государств. Олицетворяющий же право закон представляет собой «решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего – природой».

По убеждению Марка Туллия Цицерона, именно с последней «соображаются человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных». Причем лучших людей «отпугивает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами, сколько чувство стыда, данное человеку природой и как бы заставляющее его бояться вполне справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и доводит до полной силы установлениями и философскими учениями – дабы совесть не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления¹.

В суждениях Цицерона о законах можно выделить определение достоинства крупных социальных общностей. В частности, он рассматривал достойными честные и стойкие духом народы².

Действительно, так как каждый человек имеет достоинство, то можно говорить и о достоинстве человеческих коллективов, в которые люди входят. И среди них о достоинстве главного объединения, интересующего юристов, – государства. При этом чем больше в государстве достойных людей, тем выше достоинство самого государства.

С точки зрения эпикурейцев, достойная жизнь человека состоит в отстранении от государственной деятельности и занятии своими частными делами. Индивидууму не следует бороться с другими людьми за жизненные блага. Ему должно довольствоваться малым: немного еды, скромная одежда, кров над головой, защищающий от непогоды, наконец, дружба с аналогичным образом живущими людьми составляют в сумме все, что требуется для достойной жизни. При этом никогда не нужно откладывать радость от пользования такими скромными благами. В противном случае жизнь человеческая не имеет смысла. Что же касается общения с людьми,

¹ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. С. 62–63.

² См.: История политических учений / под общ. ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2002. С. 67–68.

которые не являются друзьями, то от него надлежит воздерживаться независимо от того, в состоянии ты помочь этим лицам стать лучше или нет.

В классическом римском праве в основном отразились идеи стоиков. Имея в виду именно их представления о достойной жизни, римский юрист Ульпиан определял суть предписаний права Рима следующим образом: жить честно, не чинить вреда другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит¹. Не случайно, по верному замечанию В. Г. Ульянищева, индивидуализм не являлся принципом римского права².

Вот почему в Риме большую часть его истории самыми достойными считались люди стоического образа жизни, отличающиеся военной доблестью. Причем лучшей в государстве наградой за воинскую доблесть признавались даруемые народом почести достойным гражданам.

Как писал Полибий, в указанный период исторического развития в римском государстве увековечивали «славу граждан, совершивших что-либо достойное, а имена благодетелей отечества становились известными народу»³. Тем самым молодежь поощряли «ко всевозможным испытаниям на благо государства для достижения славы, сопутствующей доблестным гражданам»⁴.

Более того, в Риме ни один мужчина не мог занять государственную должность, не совершив до этого в рядах действующей армии десяти годичных походов⁵. К тому же для римлян не было ничего постыднее, чем поддаться подкупу или обогащаться непристойными средствами. «Сколь высоко они ценили честное обогащение, столь же презирали стяжание недозволенными путями»⁶.

В рассматриваемый исторический период в Риме человеческим достоинством считалась политическая и правовая активность⁷. И право предоставляло широкие возможности для ее проявления. В частности, свободный человек для достижения совокупности личных и государственных целей мог соединяться с себе подобными в четырех разнообразных видах корпораций. Если же эти организационные формы не подходили для проявляемой людьми активности, то они могли воспользоваться и предусмотренным римским правом объединением, не являющимся корпорацией⁸.

¹ См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 52.

² Ульянищев В. Г. О значении римского права и совершенствовании методологии его преподавания в современных условиях // Правоведение. 2000. № 1. С. 277–278.

³ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. С. 54.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Так, Цицерон всемерно восхвалял политическую и правовую активность граждан и подчеркивал, что «при защите свободы граждан нет частных лиц». См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 52.

⁸ См.: Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М. : Норма, 1996. С. 228–278; Любимов Ю. С. Квазисубъектное образование в гражданском праве //

Из закрепленных в классическом римском праве стоических представлений вытекал существовавший здесь институт бесчестья. Предметом его выступали те виды поведения, которые рассматривались недостойными в соответствии со взглядами стоиков. Например, сюда относились позорная отставка солдата, проституция, ростовщичество и т. п.

В формально-правовом отношении упомянутое бесчестье оказывалось ограничением юридических прав того, кто ему подвергался. Индивидуум, характеризующийся как *turpitude*, устранялся из числа возможных свидетелей, от решения общественно-нравственных вопросов, из круга возможных опекунов, кандидатов в должностные лица. Признание лица *turpitude* выступало и вполне достаточным основанием для лишения этого человека прав наследства.

Законное бесчестье наступало в силу конкретного распоряжения юридической нормы. Оно могло быть непосредственным или опосредованным. Непосредственное законное бесчестье (*infamia juris immediata*) следовало в случае причастности индивидуума к образу жизни или поведению, осужденных законом. Оно не требовало никаких индивидуально-правовых постановлений. Опосредованное законное бесчестье наступало в качестве индивидуального акта по приговору суда вследствие совершения некоторых уголовных преступлений (как сопутствующее основному наказанию) или вследствие неисполнения ряда частноправовых обязательств (договоры поручения, товарищества, поклажи), а также обязанностей по опеке. Результатом бесчестья (вне зависимости от его конкретного вида) была потеря публичных прав на занятие почетных должностей, на место при играх или религиозных церемониях, а также ряда частных прав, например, наследственных. Умаление чести могло быть пожизненным или временным. В любом случае восстановление ее могло быть реализовано либо только тем же властным органом, который наложил в свое время бесчестье, либо верховной властью от имени римского народа. Причем восстановление чести могло происходить и в случае фактического бесчестья, когда верховная власть декларацией запрещала распространение впредь позорящих слухов и соответствующего им отношения к ходатайствующему о том лицу¹.

В эпоху упадка римского государства стоическая идеология в нем все в большей степени вытеснялась эпикурейскими воззрениями. По этой причине в поздней Римской империи именно эпикурейские представления о человеческом достоинстве были самыми влиятельными.

Естественно, что такое положение способствовало дальнейшему разложению государства, уже находящегося в кризисе. Ведь зачастую

Правоведение. 2000. № 6. С. 103; Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М. : Норма, 2000. С. 201–202.

¹ См.: Омельченко О. А. Римское право. М. : Остожье, 2000. С. 43, 45–46.

лучшие люди, руководствуясь идеями эпикурейцев, предпочитали воздерживаться от участия в государственных делах, предоставляя возможность активно действовать в политике посредственным индивидуумам.

Именно об этом периоде римской истории Аврелий Августин, оправдывая установление недемократических порядков в Риме, писал: «Если люди имеют чувство умеренности и ответственности и являются самыми внимательными стражами общего блага, то представляется правильным принятие нормы права, позволяющей им избирать своих собственных магистратов для управления государством. Но если с течением времени те же самые люди становятся настолько испорченными, что продают свои голоса и доверяют политическое управление подлецам и преступникам, то в этом случае необходимо лишить таких людей права выбора должностных лиц и передать его немногим добродетельным гражданам»¹.

Эту же эпоху характеризовал и римский историк Аммиан Марцелин. Он высказывался таким образом: «Людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных... Немногие дома, славившиеся в прошлые времена вниманием к наукам, погружены теперь в забавы позорной праздности... Вместо философа приглашают певца, вместо оратора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек... Когда ввиду опасения нехватки продовольствия принимались меры к быстрому удалению из Рима всех чужеземцев, первым делом выслали представителей образованности и науки, хотя число их было незначительно; но были оставлены в городе... три тысячи танцовщиц со своими музыкантами...»² Иными словами, достойными людьми в период упадка римской империи во многих случаях считались бездельники, посвящавшие свои жизни разнообразным наслаждениям.

Как известно, предложенное Аврелием Августином лекарство не излечило римское государство от смертельной болезни. Она проявлялась в том, что достойным здесь считался образ жизни людей, не совместимый с самим существованием политически организованного общества. Ведь зачастую римляне эпохи упадка, как только что отмечалось, предпочитали безделье работе, отрешенность от государственных дел – активному участию в них, низкие развлечения – развитию ума и тела человека.

Поэтому римская история вскоре печально завершилась. Рим был завоеван народами менее испорченными, чем большинство его граждан.

В научной литературе нередко признают политические идеологии, существовавшие в древневосточных государствах, несопоставимыми с по-

¹ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. С. 69.

² Всеобщая история государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / под ред. К. И. Батыра. М. : Проспект, 2001. С. 98.

литическими идеологиями греко-римской античности. Например, утверждается, что правовое по своей сути миропонимание древневосточным государствам не свойственно¹.

Едва ли такое воззрение верно с теоретических позиций относительно права, принятых в данной работе. Здесь право понимается как совокупность приказов суверена в независимом политическом обществе. Последним же признается объединение упомянутого суверена и подданных.

Вот почему в предшествующем изложении о древневосточных государствах имеется в виду закрепление идеи человеческого достоинства именно в праве. Ведь в этих социальных организмах присутствуют как суверен и подданные, так и его приказы последним.

Античная идея человеческого достоинства была воспринята светскими и религиозными мыслителями средневековья. Речь идет о почти тысячелетней эпохе.

В ее ходе западноевропейские страны сначала опустились в своем развитии во многих случаях до примитивных вождей и даже независимых деревень. Но затем в рассматриваемом регионе вновь возникли земледельческие государства. Они в течение нескольких веков прогрессивного развития в конце концов достигли той эволюционной ступени, на которой находился греко-римский мир в момент его наибольшего рассвета.

Эту ступень специалисты обычно именуют эпохой Возрождения или Ренессанса. Она уже выходит за рамки эпохи Средневековья.

На содержание идеи человеческого достоинства в средневековое время оказали влияние многочисленные факторы. Из них главными являются экономический строй и классовые противоречия общества².

В современной научной литературе есть мнение, что переход западноевропейского общества к средневековью имел прогрессивное значение.

¹ См.: Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 5, 11.

² См. об этом: Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. СПб., 1999; Владимиров Г. В. О смысле одного средневекового наказания // Государство и право. 2002. № 2. С. 90–92; Hejdensztejna R. Dzieńje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594 / Ksiąg XII. SPb., 1957. Т. 11. S 119; Лунев Ю. Ф. Проблема государственного устройства в Польше после прекращения династии Ягеллонов // Правоведение. 2000. № 4. С. 196–203.

Особенностью средневекового сознания было преобладание устных форм заключения сделок. При этом сохранение верности своему слову было фактически равнозначно обеспечению достоинства. Даже слово простолюдина считалось, как правило, надежным. Неверие же на слово рыцарю считалось для него смертельным оскорблением. Даже ключевой для феодальной эпохи договор о передаче феода оформлялся в большинстве случаев устно. Как правило, заключение такого договора производилось следующим образом. Сначала воин, получавший феодал, приносил сеньору клятву верности (оммаж). При этом рыцарь становился перед сеньором на одно колено и, вложив свои руки в руки сеньора, произносил слова клятвы. Сеньор вручал воину символ его власти над феодалом (меч светскому феодалу и жезл духовному). После этого договор считался заключенным. Подобным образом могли передаваться огромные территории с баснословными доходами. См.: Бражников М. Ю. К вопросу об отражении средневекового менталитета в нормах обычного средневекового права // Государство и право. 2002. № 10. С. 65–66.

Так что Средние века не были эпохой темноты и невежества¹. Едва ли это теоретическое положение верно. Ведя речь о начальном этапе средневековья в Западной Европе, можно говорить о явном регрессе. В самом деле, степень профессионального мастерства человеческих индивидуумов во многих областях их деятельности уменьшилась, были забыты некоторые научные открытия и технические изобретения античных времен. В результате люди в гораздо меньшей степени господствовали над окружающей их природой, чем раньше. Скажем, урожайность зерновых культур в пределах Италии в период средневековья была значительно ниже, чем в эпоху расцвета древнеримского государства, и снова достигла уровня последнего указанного времени лишь в период Возрождения².

Средневековье являлось эпохой, когда в обществе большую роль играли нормы родоплеменной морали. Характерные для этой нравственности представления о чести и славе считались весомыми ценностями в вождествах и независимых деревнях того времени. В частности, они присутствовали в исландских и ирландских сагах, а также в песнях викингов. Отстаивание чести часто вело к вражде³.

В конце XII – начале XIII в. в Западной Европе происходит прогрессивное изменение, сравнимое с неолитической революцией. Например,

¹ См.: Конрад Н. И. «Средние века» в исторической науке // Запад и Восток. М., 1966. С. 97. А. Я. Гуревич показал, что бытующее мнение о том, что Средние века были эпохой господства «кулачного права», где всё вершили не закон и обычай, а сила и произвол, односторонне. Это мнение возникло в период становления буржуазного права и сопровождавшей его критики права средневековья. См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 195.

² See: Jones E. L. Growth Recurring. Economic Change in World History. Oxford : Clarendon Press, 1988. Passim.

³ Гибель отца, сына, брата, оскорбление матери или сестры требовали воздаяния по принципу – жизнь за жизнь. Так, в «Песне Креки», сложенной по преданию женой Рагнара Ладброка, чтобы воодушевить своих детей на месть за отца, убитого королем Нортумбрии Эллой (IX в.), прославлялись кровавые деяния норманнов в Ирландии. См.: Иванов В. Г. Синергетическая природа социальных модернизаций. Тверь, 1995. С. 393. Допустимость отстаивания чести самому обесчещенному можно увидеть в средневековом праве. В ст. 15 судебного Этельберта (560–616) находим такую норму: «Если кто-нибудь в течение трех ночей предоставляет в своем собственном доме приют гостю (купцу или другому человеку, пришедшему из-за границы) и будет кормить его у себя, а тот причинит кому-нибудь зло, то пусть тот (домохозяин) привлечет его к суду или (сам) исполнит закон. См.: Хрестоматия по истории Средних веков. Т. 1. М., 1961.

В средневековый период категория человеческого достоинства неоднозначно проявлялась в соотношении «свой – чужой». Мир человека средневековья был пронизан двойственностью, он делился на «свое» и «чужое». Образно говоря, эта двойственность воплощалась в противопоставлении возделанной земли и леса. Особенно наглядно это видно по трактовке различных духов. Так, домовый является наиболее дружелюбным, дух двора уже в меньшей степени, духи же леса и воды и вовсе могут быть враждебными, а помогают людям крайне редко. Мир средневекового человека был очень ограниченным; деревни и города отделялись друг от друга бескрайними лесными массивами, реками, горами. Даже в пределах одного независимого политического общества «человек из другого города воспринимался почти иностранцем, а житель другой страны казался выходцем из иного мира. В области права это восприятие мира способствовало развитию партикуляризма». Скажем, наследием средневековья во Франции являлось то, что здесь «каждая провинция имела свою систему обычного права, отличающуюся от других. Окончательно преодолеть этот партикуляризм удалось только Наполеону». См.: Бражников М. Ю. К вопросу об отражении средневекового менталитета в нормах обычного средневекового права // Государство и право. 2002. № 10. С. 65.

ссылаясь на работу Ж. Ле Гоффа¹, И. Л. Честнов отмечал, что в этот период происходят кардинальные изменения в обществе, в том числе в духовном мире людей. В частности, трансформируется вся система ценностей: экономических, социальных, политических, религиозных, художественных. Общей чертой обновления системы ценностей в этот период было перемещение центра внимания «с небес на землю», преодоление прежнего «презрения к миру» и обращение к земному (правда, в пределах, совместимых с христианской религией). В труде видят теперь не наказание за первородный грех, а позитивную ценность, участие в творческом деянии Бога. Сама история уже рассматривается не как движение к концу, а как восхождение².

Важное свидетельство отражения категории человеческого достоинства в средневековом законодательстве содержит раздел XXX Салической правды. В нем записано, что «если кто назовет другого уродом, присуждается к уплате 3 сол. Если кто – мужчина или женщина – назовет свободную женщину блудницей и не докажет этого, присуждается к уплате 45 сол. Если кто назовет другого волком, присуждается к уплате 3 сол. Если кто назовет другого зайцем, присуждается к уплате 3 сол. Если кто обвинит другого в том, что он бросил в сражении свой щит, и не сможет доказать, присуждается к уплате 3 сол. Если кто назовет другого доносчиком или лжецом и не сможет доказать, присуждается к уплате 15 сол.»³. Споры между людьми по поводу их человеческого достоинства нашли выражение и в судебнике англосаксонского короля Этельберта (560–616)⁴.

По мере прогресса средневекового общества постепенно формировались политические организации со все более сложной иерархической структурой управления⁵. Причем средневековые политические организации имели сословное деление.

В систему сословий входили светские собственники земельных владений (феодалы, связанные между собой вассальными отношениями); хри-

¹ См.: Ле Гофф Ж. С небес на землю : Перемены в системе ценностных ориентаций на Христианском Западе XII–XIII вв. // Одиссей. М., 1994. С. 165–173.

² См.: Честнов И. Л. Природа и этапы развития государственности // Правоведение. 1998. № 3. С. 10.

³ См.: Салическая правда / рус. пер. Н. П. Грацианского, А. Г. Муравьева. Казань, 1913; Цит. по: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права : в 2 т. Т. 1. М. : Юристъ, 2002. С. 246; См. также: Салическая правда (Lex Salica): Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 8–25.

⁴ В ст. 8 этого документа указано: «Если кто-нибудь обвинит другого в каком-либо преступлении и встретит этого человека в народном собрании или в суде, то этот (обвиняемый) должен представить другому (истцу) поручителя и дать совершиться правосудию...». В ст. 11 записано: «Если какой-либо человек назовет другого в чьем-нибудь доме клятвопреступником или набросится на него с грубыми словами, то он должен уплатить 1 шиллинг тому, кто является собственником дома, 6 шиллингов тому, кого он оскорбил, и 12 шиллингов королю».

⁵ См.: Аннерс Э. История европейского права. М., 1999. С. 136; Малько А. В. Правовые иммунитеты // Правоведение. 2000. № 6. С. 11.

стианское духовенство (которое было организовано во многом аналогичным образом), а также простолюдины (крестьяне и горожане).

Политическая власть в средневековом обществе осуществлялась прежде всего королями, князьями, баронами и также рыцарями. Взаимоотношения между ними были строго ритуализированы и регулировались нормами рыцарского кодекса чести, а также некоторыми христианскими заповедями¹.

Человеческое достоинство в эпоху средневековья было дифференцировано в зависимости от сословной принадлежности его носителя². Такое положение закреплялось в праве.

В светском общественном сознании средневековья понятие о достоинстве человека сливается с представлением о сословной чести. Она здесь зачастую фактически перерастает в социальную гордыню, становится предметом крупных раздоров и поводом для грабежа, насилия и братоубийства³.

В привилегированных сословиях порядок поведения строго распisan, и его нарушение является оскорблением для чести. Рыцарские сражения затеваются ради защиты чести, если кому-либо из рыцарей не было оказано должное уважение. Честь требует общения и заключения браков только в определенном кругу. Выход за его пределы оказывается потерей достоинства.

Изложение правил рыцарской морали, выражающей человеческое достоинство рыцарей, содержалось в разнообразных средневековых «Зерцалах», прототипом которых послужило «Зерцало воина», составленное в VI в. Как правило, в «Зерцалах» сочетались христианская мораль и нравственные представления воина, служившего своему сюзеру. К VIII–IX вв. широкое распространение получил кодекс рыцарской чести, а со времен первых крестовых походов XII–XIII вв. – уставы рыцарских орденов. Здесь подробно изложены нравы и обычаи рыцарей, где определяющими нормами были защита рыцарской чести, клятва верности своему сюзеру, а также перечислялись умения, какими должен был овладеть будущий рыцарь до своего посвящения: плавать, ездить верхом, владеть копьем и ме-

¹ См.: Иванов В. Г. История этики средних веков. СПб. : Лань, 2002. С. 388.

² Как писал М. Ю. Бражников, «в средние века деление на сословия мыслилось как функциональное разделение общества. Оно считалось богоустановленным. По мнению людей средневековья, Бог после грехопадения Адама и Евы разделил их потомков на три категории: одни должны были отрабатывать первородный грех кровью (так появились воины), другие – молитвой (духовенство), третьи – потом (третье сословие). Поскольку противостояние физическим и духовным врагам христианского сообщества воспринималось как более тяжёлое покаяние за первородный грех, чем его «отработка» обычным физическим трудом, то средневековому обществу казалось совершенно естественным, что «воюющие» и «молящиеся» обладают большими привилегиями, чем «работающие». То есть феодальная сословная система воспринималась большинством людей того времени не только как достаточно справедливая, но и единственно возможная. Прошли века, прежде чем народ задался вопросом: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был дворянином?». См.: Бражников М. Ю. К вопросу об отражении средневекового менталитета в нормах обычного средневекового права // Государство и право. 2002. № 10. С. 64.

³ См.: Золотухина-Аболина Е. А. Современная этика. Ростов-н/Д, 2003. С. 325–327.

чом, слагать стихи в честь прекрасной дамы, играть в шахматы. Последние два умения – следствие влияния арабоязычной культуры, оказанного на рыцарей в ходе крестовых походов¹.

Предписания, касающиеся признания человеческого достоинства духовенства, оформились, в частности, в монастырских уставах. Развитие средневековых городов, ремесленной деятельности и торговли обусловили появление уставов ремесленных цехов и купеческих гильдий. Здесь отражена специфика человеческого достоинства членов этих объединений.

В документах подобного рода правовые и моральные нормы соединялись с профессионально-производственными правилами и иной регламентацией. Но воплощение идеи человеческого достоинства во взаимоотношениях сословий прослеживается и в правовых нормативных актах в собственном смысле этого слова².

В средневековье болезненно воспринималось уязвление людьми чести друг друга. В частности, речь идет о непочтительных высказываниях о женщинах, об оскорбительных намеках, о «поносных стихах» («нидах»), просто об острых словах. Причем для отстаивания человеческого достоинства могла рассматриваться приемлемой даже кровная месть³, в чем, конечно, проявля-

¹ См.: Бессмертный Ю. Л. Мир глазами знатной женщины IX в. // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 83–107; Кардини Ф. *История средневекового рыцарства*. М., 1987; Король Артур и рыцари Круглого стола: *Рыцарская энциклопедия*. М., 1994; Руа Ж. Ж. *История рыцарства*. М., 1996; Иванов К. Ф. *Многоликое средневековье*. М., 1996; Оссовская М. *Рыцарь и буржуа*. М., 1987; Мелори Т. *Смерть Артура*. М., 1978.

² Так, п. 8 ст. 16 Книги первой Земского права Саксонского зеркала гласит: «Если кого-либо побьют без кровавых ран или обругают лжецом, тому должны дать возмещение сообразно его рождению»: *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы* / под ред. В. М. Корецкого. М., 1961.

³ И. А. Краснова обращается к особенностям института кровной мести во Флоренции в XIV–XV вв., подчеркивая ее связь с традициями крупных и сплоченных феодальных семейных кланов – консортерий. Последние активно стали заявлять о себе в городе с XII в. Они выбирали капитанов фамилии и должностных лиц, управляющих кланом по внутрисемейным кодексам частного права, опираясь на собственную автономную стражу. Правосудие по законам и обычаям консортерий, исключая обращение к коммунальному суду, предусматривало необходимость вендетты (кровной мести), осуществляемой в очень жестоких формах. Причем этому обычаю следовали и фамилии, не имеющие знатного происхождения. Коммунальным органам власти приходилось считаться с силой и влиянием консортерий, хотя вендетты полностью противоречили нормам флорентийского права. Со временем кровная месть начинала становиться фактором, подрывающим единство семейных кланов. В конце XIV в. стали происходить случаи распада больших семей из-за нежелания части родственников участвовать в кровной мести. В среде богатых флорентийских граждан во второй половине XIV–XV вв. появляются тенденции к отказу от обычаев кровной мести, хотя сама вендетта сохранилась и в XVI–XVII вв. См.: Краснова И. А. Обычай вендетты и коммунальная политика в записках купцов Флоренции XIV–XV вв. // *Право в средневековом мире* / отв. ред. О. И. Варьяш. СПб., 2001. Вып. 2. С. 58–68. См. также: Савенко Г. В. Традиции и новаторство в изучении историками проблем средневекового государства и права // *Правоведение*. 2004. № 2. С. 241.

Альтернативу кровной мести ряд ученых видят в таком способе отстаивания человеческого достоинства, как дуэль. В своей статье, посвященной дуэли во Франции, В. Р. Новоселов пишет, что со второй половины XVI в. она приобретает характер массовой эпидемии. См.: Новоселов В. Р. Право на дуэль и социальная репутация во Франции XVI в. // *Право в средневековом мире* / отв. ред. О. И. Варьяш. СПб., 2001. Вып. 3. С. 240–252. Дуэль была реальной альтернативой кровной мести. Причем считалось, что на дуэли защищалась честь, а честь – это духовное качество, и «у короля нет юрисдикции над духом» См.: Там же. С. 248. О кровной мести см. также: Глебов А. Г. Обычай

лись пережитки первобытной морали. Так, автор «Саги о названных братьях» описывает месть пятнадцатилетнего Торгейра за убийство отца. Мальчик убил доблестного воина Хевдинга Ёдура. Однако это не было удивительным, ибо творец мира создал и вложил в грудь Торгейра такое твердое сердце, что он ничего не боялся и был бесстрашен во всех испытаниях как лев. Поскольку же (согласно средневековому мировоззрению) все хорошее создано Богом, то и бесстрашие создано им и вложено в грудь храбрецам вместе со свободой делать добро или зло. Ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не своими рабами, и он награждает всех по заслугам¹.

В этом примере видны усилия по соединению христианства и языческой морали. Но следует отметить и борьбу деятелей христианской церкви с живучестью героических идеалов «варварской эпохи»².

Во Франкском государстве вскоре после завоевания салическими франками бывшей римской провинции Галлии и принятия ими христианства на рубеже V–VI вв. была составлена уже упомянутая Салическая правда. В прологе этого документа нашло выражение понимание франками достоинства своего политически организованного общества. В частности, здесь отмечено следующее: «Народ Франков славный, Творцом Богом созданный, сильный в оружии, непоколебимый в мирном договоре, мудрый в совете..., смелый, быстрый и неутомимый, обращенный в католическую веру, свободный от ереси». Этот народ, «когда еще держался варварства, по внушению Божию искал ключ к знанию, согласно со своими обычаями, желая справедливости, сохраняя благочестие...»³.

В средневековом праве можно найти многочисленные примеры влияния церкви на формирование содержащихся здесь представлений о человеческом достоинстве⁴. Причем христианство как мировая религия

кровной мести и пережитки родового строя в раннесредневековой Англии // Вестник Воронеж. ун-та. Сер. I. «Гуманитарные науки». 1996. № I. С. 150–157; Никольский С. Л. Кровная месть и наследование в раннесредневековой Скандинавии // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии : тез. докл. / ИВИ РАН ; Петрозаводский гос. ун-т. М. ; Петрозаводск, 1997. С. 112–113; Савенко Г. В. Об особенностях кровной мести в муниципальном праве Кастилии в XII – начале XIV в. // Российское право в период социальных реформ : сб. науч. труд, аспирантов, соискателей и молодых ученых. Нижний Новгород, 1998. С. 57–63.

¹ См.: Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971. С. 91–92.

² Известный исследователь средневековой культуры А. Я. Гуревич пишет: «Воинственному конунгу, бесстрашному герою, побеждающему и погибающему на поле битвы, верному дружиннику, который служит своему господину за подаренные ему оружие и запястья, клирики должны были противопоставить святого – праведника, воплощающего иные, прямо противоположные эталоны поведения... святой выступает в качестве идеального образцового христианина, носителя всех моральных достоинств: доброты и бескорыстия, милосердия и любви к ближнему, всепрощения и смирения... В конечном счете благочестивый облик святого восходил к евангельскому образцу – жизнь святого так или иначе, всегда есть «подражание Христу». См.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 91, 94.

³ См.: Салическая правда / рус. пер. Н. П. Грацианского, А. Г. Муравьева. Казань, 1913. Цит. по: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. I. М. : Юристъ, 2002. С. 239.

⁴ По мнению Д. Р. Погосбеяна, под термином «закон» в средние века понималось божественное веление, сформулированное пророческой харизматической личностью. В силу характерной для средневековья нерасчлененности теологических и юридических категорий понятие божественного

распространяло идею человеческого достоинства на всех людей без исключения. И христианская идеология приводила верующего к пробуждению интереса к самому себе, к развитию чувства собственного достоинства, к мысли: «Я человек»¹.

Следует признать, что христианская доктрина при своем возникновении и в раннем периоде может быть отчасти отнесена к идеологии, близкой к коммунистической². Так, в Евангелии от Луки звучит критика богатых и явно видны симпатии к бедным: «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь... Напротив, горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение». В раннехристианских общинах, как об этом сообщается в «Деяниях святых апостолов», никто не имел своего имущества, а средства для жизни члены общины делили между всеми, «смотря по нужде каждого»³. В своем подходе к вопросам собственности, труда и распределения ранние христиане проповедовали принципы всеобщей обязанности трудиться и вознаграждения каждого по его труду, считая именно трудовую жизнь достойной человека. Это звучит в таких положениях учения христиан: «Каждый получает свою награду по своему труду»; «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»⁴. Однако в более поздний период христианская доктрина приобретает иной характер⁵. Впрочем, эта идеология и в данную эпоху не признавала в качестве достойной жизнь бездельника.

закона не исключает, а напротив, предполагает и его юридическое содержание. См.: Погосбемян Д. Р. Проблемы права и нравственности в первом русском политическом трактате «Слово о законе и благодати» (XI в.) // Государство и право. 2002. № 6. С. 99.

¹ См. также: Кубланов М. М. Возникновение христианства: Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974; Ренан Э. История первых веков христианства. Жизнь Иисуса. Апостолы. М., 1991; Куприянов А. Библейские корни правосознания россиян // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 59–62; Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право. М.: МНЭПУ, 2000; Борисов А. Десять заповедей – свод божественных законов для человека // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 43–45; Тер-Акопов А. А., Толкаченко А. Библейские заповеди: христианство как метаправо современных правовых систем // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 60–63; Хеффнер Й. Христианское социальное учение. М., 2001; Каневский К. Социальная доктрина католической церкви. Институт государства глазами католиков // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 69–72; Тер-Акопов А. А. Законодательство Моисея: источники и применение // Российская юстиция. 2003. № 9, 2003. № 10. С. 39–43; Тер-Акопов А. А. Законодательство Моисея: система правонарушений // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 40–42, 2004. № 2. С. 40–42; Куприянов А. Церковное право и его рецепция в российском законодательстве // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 68–69.

² Русский философ С. Н. Булгаков считал церковь одним из важнейших средств осознания человеком сложных вопросов бытия. В частности, она содействует осознанию единства рода человеческого, пониманию того, что люди едины во Христе. Вне Церкви для человека видима лишь раздробленность человеческого рода, в которой каждый индивид ведет свою обособленную себялюбивую жизнь. Люди не видят и не осознают своего многоединства, которое открывается в любви и существует в причастности единой божественной жизни в церкви. См.: Бармашова Т. И. Диалектика сознательного и бессознательного в учении о Софии, Церкви и соборности С. Н. Булгакова // Теория и история. 2004. № 1. С. 40.

³ См.: Нерсесянц В. С. Политико-правовые идеи раннего христианства // История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 57.

⁴ См.: Там же.

⁵ Фридрих Ницше считал, что именно нищие сословия ищут в христианстве спасения, что христианство есть «ненависть к уму, гордости, мужеству, свободе; это *libertinage* ума...». См.: Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. № 21. С. 646. Затаенную обиду черни на знатных,

Обратимся непосредственно к тексту Библии, в котором нашла воплощение рассматриваемая концепция человеческого достоинства. Тем более что Библия в ряде случаев выступала материальным источником средневекового европейского права.

Закрепление этой концепции содержится в следующих библейских положениях. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, (и над зверями), и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле ... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил. ... И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею), и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

Новый Завет, как и только что цитированный Ветхий, иллюстрирует служение Бога людям. Милость, исцеления, воскрешения, прощения, любовь – это предоставление человеку того, чего он достоин. И Бог вступает за того человека, чье достоинство попирают.

В этике христианства есть тенденция раскрепощения человека («ты уже не раб, а сын Божий»), утверждения в каждом человеческого достоинства и, в частности, признания за женщиной права иметь духовные запросты¹. Не случайно Папа Иоанн Павел II заявил: «В Евангелии мы найдем последовательную декларацию всех прав человека»².

проявившуюся в демократических и христианских идеалах, Ф. Ницше обозначил французским словом *ressentiment* (рессенжизмент). См.: Горячева М. В. Критика Фридрихом Ницше генезиса и идеалов демократического государства // Правоведение. 2000. № 1. С. 251.

¹ См.: Мень А. Сын человеческий. М., 1991. С. 115.

² См.: Папа Иоанн Павел II. Переступить порог надежды. М., 1995. С. 246–247. См. также текст проповеди Иоанна Павла II от 05.11.2000 г. Подготовила Смолененкова В. // Российская юстиция 2001. № 3. С. 57–58. Папа Иоанн Павел II считал, что современная политическая интеграция государств есть материализация «всеобщего братства рода человеческого». По классической доктрине церкви, она «является проявлением соглашения с радикальной взаимозависимостью». С этой точки зрения, интеграция никогда не может быть орудием разделения или противостояния. Иоанн Павел II очень точно определил идею интеграции в проповеди, произнесенной в Сикстинской Капелле 17 декабря 1980 г. в честь 150-летней годовщины со дня смерти Симона Боливара: «Действительно, невозможно отказываться от необходимости укрепления мира во имя эффективного экономического развития, что, несомненно, способствует культурному и духовному обогащению, а также тому, чтобы народы смогли сыграть свою роль, проявить, движимые импульсом солидарности, способность к объединению». Говоря о признании и уважении прав человека, Папа Иоанн Павел II однозначно утверждал, что уже можно указать как на позитивную и моральную ценность на возрастающее сознание взаимозависимости людей и государств; прежде всего речь идет о взаимозависимости, понимаемой как система, определяющая отношения в существующем мире: в его экономических, культурных, политических и религиозных аспектах, и принимаемой как моральная категория. Когда взаимозависимость признана всеми, ее соответствующий результат, ее моральное и социальное проявление, – это солидарность. См.: Juan Pablo II. *Enchclica Sollicitudo Socialis*, N. 26, Storni F. *Libertad e Integraciyn Latinoamericana*. Buenos Aires: P. 22i Cid Editor, 1982. P. 29. Цит. по: Диас-Мелиан де Ханиш М. В. Основа и природа правовой интеграции // Правоведение. 2001. № 6. С. 178.

С точки зрения ряда правоведов, христианство выдвинуло идею отделения церковной власти от светской и оспорило принадлежность личности государству. В результате этого появилась идея ее автономии. У человека возникло первое неотъемлемое право – право на бессмертие, а образовавшаяся сфера автономии могла расширяться¹.

Однако когда христианская церковь стала официальной религией в государствах, в ее учении появились черты корыстного интереса и расчета. Христиане с помощью государственного аппарата стали преследовать представителей других религий и еретиков. Свобода личности уменьшилась при сближении церкви и государства. Причем практика средневековой церкви имела мало общего с ранее охарактеризованным библейским христианским идеалом о достоинстве человека как сына Божия. Церковь запятнала себя корыстью, жестокостью, нетерпимостью по отношению к разнообразным проявлениям достоинства личности.

Идея человеческого достоинства в Средние века продолжала развиваться в разных формах в творчестве светских и религиозных авторов. Так, Юстин Мученик проповедовал учение о божественном достоинстве души человека. Климент Александрийский в книге «Педагог» отдельно характеризовал достоинство мужчин и женщин. Содержание достоинства женщин, по его мнению, заключается в добродетельности, богобоязненности и благоупорядоченном внешнем виде². Содержание достоинства мужчин определяется им как богобоязливость, скромность, степенность и благопристойность³. Монах Пелагий (ок. 360 – ок. 418) отмечал, что достоинство человеческой природы состоит «в свободе воли»⁴. Ритор Фемистий (ок. 317–390) считал, что особым человеческим достоинством обладает сельский труженик. По мнению Ритора Фемистия, «земледелец прост и благороден, он знает только те блага, которые старательно получает от земли, сообразуясь со временами года; он убежден, что суетность – источник неправды, и держится подальше от нее. По своей натуре он совершенно чужд несправедливости»⁵.

¹ В частности, христианство содействовало гуманизации политической мысли, пропитало ее идеями нравственной ответственности. Греко-римское понимание уравнивающей справедливости было обогащено призывом к милосердию и любви к ближнему. См.: История политических учений. М.: Норма, 2002. С. 76.

² См.: Климент Александрийский. Педагог. М., 1996. С. 272.

³ См.: Там же.

⁴ Убежденность Пелагия в том, что человек по собственной воле способен принимать нравственные решения, выразилась в исполненных гордости и человеческого достоинства словах, адресованных Богу: «Ты сделал нас людьми, но праведниками мы сделаем себя сами». Цит. по: Проблемы социальной культуры и идеологии средневекового общества. С. 108. См. также: Лейн Т. Христианские мыслители. С. 55; Мережковский Д. С. Лица святых. От Иисуса к нам. М., 1997. С. 111.

⁵ «Если зародится несправедливость, там сейчас же возникают войны, раздоры, и гибнет земледелие, а где господствует справедливость и благозаконие, там и земля дает здоровый плод... Всякое человеческое умение от земледелия, да и не только умение – от земледелия зависит и образ жизни... нет никого, кто не нуждался бы в земледелии. Когда оно налажено, оно ведет за собой благосостоя-

Более того, как верно указал В. Г. Иванов, «средневековая литература способствовала становлению морального самосознания личности. Следствием этого было возрастание у людей чувства собственного достоинства»¹.

Средневековый философ-богослов Фома Аквинский считал, что человеческая личность есть «самое благородное» во всей разумной природе. Основываясь на античных идеях естественного права, Фома Аквинский утверждал, что цель государства – это обеспечение условий для достойной жизни человеческих индивидуумов. При этом Фома полагал, что естественный закон предписывает уважать достоинство людей², а каждый из них не только имеет божественное по своему первоисточнику достоинство, но и естественное право на достоинство³. Можно говорить и о важном вкладе Фомы Аквинского в концепцию человеческого достоинства, имея в виду признание Фомой Аквинским за народом «права на неповиновение» по отношению к умоляющей его достоинство тиранической власти.

В средневековье при воплощении идеи человеческого достоинства в правовых документах создавались нормативные гарантии защиты достоинства разных групп населения соответствующих стран. Это проявилось в ряде юридических актов о правах и свободах граждан государства. Такие документы были приняты в Англии (1215 г.)⁴, в Дании (1282 г.),

ние и любое дело процветает у каждого, а преуспевание ведет к еще большему благу» (Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 636).

¹ См.: Иванов В. Г. История этики средних веков. С. 420. По мнению специалистов в области истории этики, стихи ученой монахини Касии (ок. 810 г. – конец IX в.) были пронизаны чувством человеческого достоинства. Она осуждала невежество, глупость, лицемерие и предательство, считала недостойными суемудрствующих глупцов, всегда готовых поддакивать, нецеломудренных в речах, доносчиков на своих друзей. Так она оценивала и представителей знати, проводивших жизнь в интригах, в стремлении достичь высших постов в административном аппарате, занятых только собственным благополучием и готовых оклеветать любого действительного или предполагаемого соперника. Ученый-книжник Феодор Метохит (1260/61–1332) утверждал, что сцена жизни, на которой распоряжается богиня судьбы Тихе, требует от человека готовности к исполнению любой роли. Образование и сознание собственного достоинства способны защитить человека от жизненных невзгод. В светской политической идеологии XI–XV вв. пробивали себе дорогу гуманистические идеи, проявившиеся в попытках разрешить проблему свободы воли без вмешательства бога (Михаил Пселл, Плифон), в характеристике конкретных добродетелей мудрости, мужества, скромности, достоинства или уважения к себе, справедливости, долга. См.: Там же. С. 320–329.

² См.: История политических и правовых учений. М.: Норма, 2001. С. 116.

³ См.: Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2002. С. 60.

⁴ Королевский судья Г. Бракто́н, чей трактат «О законах и обычаях Англии» вышел в период правления Генриха III, приблизительно в 1254–1256 гг. утверждал, что королю нет равных внутри его королевства, поскольку равный не может иметь власть над равными. См.: Bracton H. On the laws and customs of England. London, 1968. P. 33. Цит. по: Святовец О. А. Проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» // Правоведение. 1997. № 4. С. 43. Оценка достоинства прослеживается и в том, что, по мнению Г. Брактона, ограничить волю короля разрешалось только графам и баронам. Всем остальным в случае нарушения королем закона следовало просить помощи у Бога и ждать, пока он накажет виновного. См.: Святовец О. А. Проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии». С. 45.

Спустя семь веков правовые постулаты Г. Брактона продолжают вызывать споры ученых. Так, Э. Канторович даже ввел термин «диалектика Брактона» утверждая, что, по Брактону, «подлинные привилегии» короля невозможны без повиновения закону. См.: Канторович Э. Два тела короля: Очерк политической теологии Средневековья : пер. на рус. // История ментальностей. Историческая

в швейцарских землях (1291 г.), в Тироле (1342 г.)¹. Так, в английской Великой Хартии вольностей 1215 г. в ст. 39 записано: «Ни один свободный человек не может быть арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен вне закона, или изгнан, или каким-либо иным образом обездолен ... иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны»².

При детальном исследовании можно обнаружить в средневековом праве элементы современного каталога прав человека. Например, обратясь к Законнику короля Альфреда (871–899), составленному в конце IX в., можно увидеть прообраз права на достойное существование. В частности, в ст. 43 этого акта записано: «У всех свободных людей должны быть свободны (от работы) следующие дни (однако не для рабов и эснов): 12 дней на рождество и день, когда Христос одолел дьявола, и годовщина св. Григория, и 7 дней до Пасхи, и 7 дней после нее, и день св. Петра и св. Павла, и осенью вся неделя перед св. Марией, и в честь всех святых один день; и 4 среды в 4 поста должны быть даны всем несвободным людям для того, чтобы тому, кто им наиболее дорог, что-нибудь дать из того, что им кто-нибудь подаст во имя Бога, либо из того, что они смогут заработать в немногие (свободные) минуты»³.

антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. 1996. С. 142–154. Другой исследователь трактата Брактона (В. М. Корецкий) делал вывод, что либо Брактон себе противоречит, утверждая, что король сам создает законы и в то же время подчиняется им, либо король находится, по Брактону, в двойственном положении: «над законом» и «под законом» одновременно. См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 159. Следует присоединиться к точке зрения современного исследователя О. А. Святовец, которая, не соглашаясь с позициями В. Корецкого и Э. Канторовича, утверждает, что, по Брактону, король – судья от Бога, а его повиновение Богу составляло условие для подчинения ему подданных См.: Святовец О. А. Проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии». С. 44, 46.

¹ Одна из наиболее древних городских хартий во Франции – Хартия вольностей города Лорриса 1155 г. – прямо говорила о личных и имущественных правах горожан и о сеньориальных правах. В этом документе явственно прослеживается усиление индивидуалистических настроений в обществе и представлен довольно значительный для того времени перечень прав и свобод: «5. Всякий, владеющий имуществом в Лоррисском приходе, не будет ничего лишен (нами) из своего имущества ни за какой проступок, за исключением того случая, когда проступок его направлен против нас или против кого-либо из наших людей... 16. Никто не будет задержан в тюрьме, если только представит поручительство, что явится в суд. 17. Каждый, кто захочет продать свое имущество, волен это сделать и, получив плату за продажу, может по желанию свободно и спокойно уйти из города, если только не совершил в городе никакого проступка. 18. Если кто-нибудь проживет год и один день в Лоррисском приходе, не будучи преследуем никаким иском, и если он будет согласен подчиниться юрисдикции нашей или нашему праву, он может впредь оставаться там свободно и спокойно». См.: Социальная история средневековья / под ред. Е. А. Косминского, Н. А. Удальцова. М., 1927.

² См.: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1. С. 373.

³ См.: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1. С. 351. В записи Магдебургского права можно увидеть нормы, следующим образом воплощавшие категорию человеческого достоинства. Так, ст. 2 «О правах мелких торговцев» гласила: «Если торговцы в чем-либо провинились или не внесли возложенный на них штраф (бусу), нарушив клятву, данную городу или советникам (ратманам), ... то нарушителя остригают и избивают плетью (*hut und har*). Подвергшийся же стрижке и избиванию (плетью) или откупившийся деньгами становится бесправным и не может перепродавать съестные припасы, разве только ратманы ему (это) позволят. Такой же приговор распространяется и на других людей, которых уличили в торговле недоброкачественными съестными припасами, и они

По мнению ряда историков, в отличие от средневековых независимых политических обществ Западной Европы, которые в своем становлении унаследовали государственные и правовые традиции античности, Восточная Европа восприняла последние в меньшей степени. Этим, по видимому, можно объяснить сравнительно медленные темпы «вызревания» здесь государственных институтов, их архаичность и специфику¹. Конечно, следует признать факт определенного своеобразия политических идей и государственных институтов Древней Руси. Но категорически нельзя согласиться с тем, что античность не оказала влияния на древнерусское государство.

Как известно, Византия имела тесные связи с населением территорий, вошедших в Киевскую Русь. Причем древние русичи восприняли из Восточной Римской империи очень многое для своих политических институтов, права и идеологии.

Северо-западные и западные русские земли контактировали и со странами средневековой Европы, обогащенными культурными заимствованиями от Западной Римской империи. Естественно, что при посредничестве этих средневековых государственных образований указанная культура также укоренялась и на российской почве.

В частности, наличие античного влияния на русские политические организмы, сосуществовавшие со средневековой Западной Европой, прослеживается в области идеологии и отражения последней в праве. Самый значительный факт здесь – это утверждение и развитие христианства на Руси и воплощение христианских ценностей в русском праве. Речь идет и об уже отмеченных идеях о человеческом достоинстве, содержащихся в христианском вероучении.

Нельзя не согласиться с А. В. Корневым и А. В. Борисовым в том, что правовая и политическая мысль России периода Средневековья мало чем отличалась от западной в том смысле, что она испытывала сильное влияние богословия². На протяжении всего русского средневековья высоко ценились идеи авторов поучений и проповедей, разделяющих ценности христианства. Их творения не только помогали формировать у читателей нравственные идеалы христианского мира, но одновременно заставляли таких людей задуматься над сущностью человеческого достоинства. Исследователь этико-политических ценностей русского средневековья

не могут больше иметь лавки без разрешения ратманов». См.: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2. С. 296. Как видим, в приведенном отрывке можно обнаружить зачатки защиты прав потребителей.

¹ См.: Кобрин В. Б. Образование древнерусского государства и его социальный и политический строй // История России с древнейших времен до 1861 года : учебник для вузов / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. В. Кобрин, В. А. Федоров ; под ред. Н. И. Павленко. М. : Высш. шк., 2000. С. 41.

² См.: Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль в дореволюционной России. М. : Эксмо, 2005. С. 8.

Ю. В. Ячменев писал, что в результате воздействия этих поучений и проповедей духовная жизнь Киевской Руси была значительно обогащена¹.

В средневековой Руси идея человеческого достоинства воплощалась и в основном коллективистских, и в преимущественно индивидуалистических доктринах. Так, например, теории первого вида из отмеченных подчас включали мысль о признании особого достоинства праведников – святых людей, живших для других и обходившихся самыми минимальными благами для себя.

Весьма показательно в этом смысле «Житие Феодосия Печерского». Интересен образ его самого (общероссийская канонизация в 1108 г.), который благодаря подробному и впечатляющему житию, написанному монахом Нестором, был одним из самых популярных на Руси. Феодосий, терпимый к человеческим слабостям, не терпит нарушения законов божеских и человеческих. Он максималист, поскольку пытается по мере сил строить жизнь по моральным заповедям Нового Завета. Бедность монастырской жизни, которая изображена в «Житии Феодосия Печерского», драгоценнее всякого земного богатства, потому-то она подробно описывается².

Идея человеческого достоинства нашла выражение в первом русском политическом трактате «Слове о законе и благодати» (1057 г.) Киевского митрополита Иллариона³. По мнению исследователей, здесь получили отражение наиболее острые и злободневные вопросы той эпохи и был сформулирован определенный политический идеал⁴. Илларион впервые в русской политической литературе поставил вопрос об ответственности князя перед подданными и сформулировал представление о моральном облике идеального правителя, разработав нравственные критерии, которым он должен соответствовать, то есть дал определение достоинства князя. Илларион считал, что великий киевский князь как верховный правитель должен быть ответствен «за труд паствы людей его». Владимира I он характеризует как «правдой облеченного, крепостью препоясанного, истиной обутого, смыслом венчанного», то есть правившего мудро, по закону.

По мнению Иллариона, фактический правитель должен быть признан «злочестивым» и ему правомерно оказывать сопротивление в случае несоответствия такого властителя нравственным и правовым критериям деятельности государя⁵. О негодных правителях, в соответствии с этими критериями, Илларион писал, что, во-первых, царь не ходит в «заповедях и правдах», своих подданных «мучит» и даже «смертью претит» им («не

¹ Ячменев Ю. В. Этико-политические ценности русского средневековья // Правоведение. 2001. № 3. С. 208–209.

² См.: Там же. С. 214–215.

³ Илларион. Слово о законе и благодати. М., 1994.

⁴ См.: Исаев И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995. С. 10; История политических учений. М., 1960. С. 134.

⁵ См.: Погосбемян Д. Р. Проблемы права и нравственности в первом русском политическом трактате «Слово о законе и благодати» (XI в.) // Государство и право. 2002. № 6. С. 102.

царь, но мучитель»); во-вторых, царь, над человеком царствуя, над собой же имеет царствующие скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейше же всех – неверие и хулу.

Как и в средневековой Западной Европе, в Древней Руси идея человеческого достоинства проявлялась в иерархии групп населения в социальной структуре по их юридическому положению. Сословия здесь имели разные правовые статусы¹.

Исследуя право во всяком сословном обществе, О. Э. Лейст отмечал, что среди сословий обязательно выделялись прежде всего сословие, занятое земледелием и (или) ремеслом, затем сословие, отправляющее культурную деятельность и, наконец, административное сословие, состоящее из лиц, чьей профессией являлось управление². Именно так обстояли дела и в средневековой Руси.

При этом первое из упомянутых сословий в любом сословном обществе считалось низшим по достоинству. Причем ему предписывается уплачивать налоги, выполнять трудовые повинности, не покидать постоянного места жительства. Остальные же сословия рассматриваются высшими по достоинству. Их обязанности сводятся к несению государственной службы, к занятиям культурными делами и наукой. Все эти характеристики также были присущи средневековому русскому обществу.

Для членов низшего сословия в средневековой Руси их происхождение не имело большого значения. Поэтому обычно они не вели своих родословных с целью поиска достойных предков для возвеличивания собственного достоинства.

По-другому обстояли дела с происхождением и достоинством членов высших сословий русского общества. Здесь каждый индивидуум включал-

¹ Отражение категории человеческого достоинства, например, проявляется в дифференциации дружины князя на «старшую» и «младшую» (и по возрасту, и по социальному положению). С особым статусом дружинника связаны две важнейшие его привилегии – повышенная защита его жизни (закон устанавливал за убийство дружинника двойную «виру», штраф) и особый порядок наследования недвижимости (при отсутствии сыновей землю наследовали дочери, что было исключено для простых людей). Дружина составляла особую корпорацию воинов-профессионалов, подобно рыцарскому сословию живущую по своим обычаям, законам, правилам. Отношения сюзеренитета-вассалитета ставили всех подчиняющихся князю феодалов в положение служилых людей. В наибольшей зависимости от князя находились младшая дружина и «слуги под дворским». Крупные феодалы-землевладельцы пользовались большей автономией.

Неравное достоинство различных групп людей проявляется и в организации народного собрания (веча), выполнявшего важную государственную и политическую функцию в раннефеодальной монархии. Так, исполнительным органом вече был совет, состоявший из «лучших людей» (городского патрициата, старейшин). Невозможно не говорить о достоинстве, когда речь идет о юрисдикции вече. Она распространялась прежде всего на постоянных членов общины. Все пришлые элементы или люди, потерявшие связи с общинной организацией (изгои, кабальные холопы и др.), попадали под правовую защиту князя. Вечевая регламентация не распространялась также на княжеских людей: его двор, дружину, челядь; для них устанавливался особый правовой режим. См.: Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004. С. 26–28.

² См.: Лейст О. Э. Сущность права. М.: Зерцало, 2002. С. 108.

ся в привилегированную группу лиц, доступ в которую весьма часто обусловливался происхождением от людей, уже сюда входивших.

В XI–XII вв. на Руси происходит оформление боярства как особого сословия и закрепление его правового статуса. На начальном этапе своего становления боярство прежде всего было элитной частью дружинного войска, получая за это служение лучшую часть военной добычи¹.

В научной литературе не ставится под сомнение постулат о различии правового положения сословий во включающем их отдельном независимом политическом обществе. Действительно, в таком социальном организме даже нарушения общих для всех запретов влекли разные юридические санкции по отношению к членам различных сословий. Однако до сих пор для некоторых специалистов встает вопрос: не означает ли это, что в сословном независимом политическом обществе нет единой правовой системы, а для каждого сословия действует свое право?²

Ответ здесь может быть лишь следующим. В независимом политическом обществе, включающем ряд сословий, функционирует всего одна система права, ибо указанный социальный организм с несколькими системами права немыслим. Именно входящие в упомянутую систему нормы определяют разное юридическое положение сословий³.

Сказанное означает наличие в каждом средневековом русском независимом политическом обществе единой системы права. В соответствии с ее предписаниями и различались юридические статусы отдельных сословий, входивших в рассматриваемый социальный организм.

Идея человеческого достоинства в средневековой Руси воплотилась в юридических нормах, определяющих порядок княжения. В частности, Киевский престол должен был занимать старший член княжеского рода. В последнем каждый член обладал собственным местом среди родичей на лестнице старшинства⁴.

¹ Закрепление вотчинного принципа землевладения вело к возвышению человеческого достоинства боярства: расширялись иммунитетные права отдельных боярских семей, боярские вотчины превращались в родовые аристократические гнезда со своим особым укладом жизни, оборонительными сооружениями, собственным войском, хозяйством, подданным населением и т. п. Одним из важнейших способов обеспечения рабочей силой боярского вотчинного хозяйства стало «закупничество», использование труда кабально (по займу, по долгам) зависимых людей. Достоинство их подвергалось все большему умалению. Со временем усиливающаяся власть вотчинников над кабальными людьми доведет унижение их достоинства до такой стадии, что выведет кабальных людей из круга общего права и княжеской юрисдикции. См.: Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004. С. 28–28.

² См.: Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925; Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. V. Россия конец XIX–XX вв. М., 1999. С. 660; Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 111 (речь идет о работе «Общая теория права и марксизм», впервые изданной в 1924 г.); Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. М.: Юристъ, 1999. С. 218, 236, 293.

³ О. Э. Лейст писал по этому поводу, что при всей кажущейся рыхлости права Средних веков оно было во многом прочнее и стабильнее, чем современное право, зависящее от капризов законодателя. См.: Лейст О. Э. Сущность права. М.: Зерцало, 2002. С. 111.

⁴ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004. С. 26–28.

Идеи о человеческом достоинстве закреплялись в формальных источниках права, функционировавших в независимых политических обществах Древней Руси. Речь идет, в частности, о юридическом обычае, о правовом нормативном акте, а также о содержащих юридические нормы договорах, в том числе международных. Так, в договоре Руси с Византией (911 г. ст. 9, 11 договора) имеются положения о взаимном выкупе пленников, а в договоре Новгорода с соседним с ним одним из германских независимых политических обществ (1195 г.) содержатся нормы, регламентирующие наказания за оскорбление. В этом же договоре предусмотрено наказание за насилие над рабой, что можно расценить как некое признание за таким человеком определенного достоинства¹. Далее, в церковном уставе князя Владимира Святославовича была определена церковная юрисдикция над всеми христианами по делам, связанным с защитой достоинства: об оскорблении словом, о необоснованном обвинении в блуде, отравлении, ереси, о покушениях на женскую честь. Упомянутый устав выделял среди людей группу так называемых «богодетельных» как обладавших особым достоинством. На последних юрисдикция церковных судов распространялась не только по указанным категориям дел, но и по всем остальным. В круг «богодетельных», скажем, включалось белое и черное духовенство².

Основным источником законодательства Древней Руси принято считать Русскую правду. Этот нормативный акт включал нормы, закреплявшие разную степень человеческого достоинства конкретных слоев русского общества. Например, о привилегированном положении правящей верхушки свидетельствуют нормы о повышенной уголовной ответственности за убийства людей из окружения князя и нормы о порядке наследования земли. Эти нормы распространялись на такие категории служилого населения, как князья, бояре, князьи мужи, тиуны, огнищане. В Русской правде выделена и категория людей, обладавших более низким человеческим достоинством: смерды, закупы, холопы. Имущество холопа, как и он сам, принадлежало господину. Личность холопа не защищалась законом³.

Интересно, что право средневековых германских независимых политических обществ также защищало представителей суверенной власти в большей мере, чем остальных людей. И это закономерно. Ведь любое подобное сообщество, стремясь обеспечить свое самосохранение, вынуждено так поступать. В самом деле, государственные служащие при осуществлении публичных политических функций должны им оцениваться более высоко, чем частные лица, реализовывавшие лишь собственные интересы. Не случайно поэтому ст. 1 Устава Ярослава (1036 г.) предусматривала огром-

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 34–35.

² См.: Там же. С. 36–39.

³ См.: Ячменев Ю. В. Указ. соч. С. 209–210.

ный по тем временам штраф в 40 гривен за убийство членов младшего и среднего звена аппарата княжеской власти¹.

Защита человеческого достоинства регламентируется и в более поздних формальных источниках права средневековой Руси. Так, в правовом памятнике конца XVI в. «Правосудье митрополичье» в ст. 1 отмечено: «За бесчестье князя Великого глав(у) снять». При этом слово «бесчестье» означает не только личное оскорбление князя, но позор вообще (как преступление), ибо князь представлен здесь как вершащий суд. Ведь в этой же статье Великому князю противопоставляются другие должностные лица (например, «меньшой князь», «тысячник», «боярин», «игумен», «поп» и т. п.), которые «по службе бесчестье судят», то есть согласно существующим нормам права. В ст. 2 отдельно указывается, что за личное бесчестье высших должностных лиц (княжеского тиуна и наместника) взимается штраф в пользу потерпевших в размере гривны золотом: «Тивуну кн(я)жю бесчестье гривна злат(а), так и наместник(у)». В остальных статьях Правосудья за конкретные преступления указаны конкретные наказания, исходя из социального статуса потерпевших².

Во второй половине XIV в. в Северо-Восточной Руси усилилась тенденция к объединению земель вокруг Московского княжества. В это время создаются новые социальные группы служилого боярства и дворянства. Причем суверенная власть закрепляет в праве достоинство их членов посредством установления иерархии придворных чинов, даваемых за службу: введенный боярин, окольничий, дворецкий, казначей, чины думных дворян, думных дьяков и т. д.

В рассматриваемый период достоинство членов высших сословий русского общества во многих случаях определяется их родовитостью. Это подтверждается фактом существования местничества. Речь идет о принципе подбора руководящих сановников, основанном на критериях знатности происхождения: чем выше происхождение претендента, тем более высокий пост в государственной иерархии он может занять. Местничество превращало боярство в замкнутую корпорацию.

Однако во время правления в Московском государстве Ивана Грозного суверенная власть подчас назначала руководить различными сферами государственной жизни людей, способных это делать эффективно, независимо от их родовитости. Так, в земские избы выбирали наиболее деловитых, авторитетных «лучших людей». Об этом свидетельствует уставная

¹ См.: Чучаев А. И., Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI–XVII вв. // Государство и право. 2001. № 6. С. 89.

² См.: Правосудье митрополичье // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. М., 1964. № 8. С. 22–23; Цит. по: Жильцов С. В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Правоведение. 1997. № 4. С. 51; см. также: Памятники русского права. М., 1952. Вып. 3. С. 426, 429, 440–441; Юшков С. В. Правосудье митрополичье // Избранные труды: К 100-летию со дня рождения / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1989.

грамота, данная в 1556 г. жителям Двинской земли. В этом документе отмечается, что в станах и волостях нужно выбрать сотских, пятидесятских и десятских таких, «которые были бы добры и прямы и всем крестьянам любы». Грамота показывает, что управлять делами общины могли не обязательно богатые и зажиточные, а прежде всего авторитетные, пользующиеся доверием крестьян люди¹.

Подобного рода политика продолжалась в Московском государстве и после смерти Ивана Грозного. В частности, среди жителей городов и крестьян в земские соборы выбирали людей, «крепких разумом, добрых и постоянных»². Причем суверенная власть нередко оказывала протекцию способным хундордным людям из незнатных родов, которые претендовали на занятие высоких должностей.

Идеологи суверенной власти оправдывали такую практику. Например, Иван Пересветов утверждал, что при организации армии необходимо отказаться от принципа местничества, назначая командиров по заслугам и умениям³.

Но подобная политика не нравилась врагам Московского государства. Они прекрасно понимали, что если здесь все дела, в том числе политические, будут осуществляться самыми способными людьми, то следствием окажется прогресс этой страны. У недругов были совсем иные цели. Поэтому они всячески стремились расширить на русской территории уже упоминавшуюся практику местничества. Скажем, польские оккупанты навязали русскому государству международный договор, где отсутствовала статья, включения которой в этот документ русские настоятельно добивались. В ней говорилось о «непременном возвышении незнатных людей по заслугам» на территории Московского государства⁴.

В XVI–XVII вв. многие развивавшиеся в Московском государстве идеи о человеческом достоинстве последовательно воплощались в нормативно-правовых актах. Например, в судебнике 1550 г. отмеченные представления нашли выражение в такой своеобразной форме судебного процесса, как «облихование» (ст. 52 Судебника 1550 г.). Если подозреваемого обвиняли в том, что он «ведомо лихой человек», то этого было достаточно для применения к нему пытки. Обвинение предъявляли 15–20 человек: «лучшие люди», дети боярские, дворяне, представители верхушки посада

¹ См.: Иловайский Д. И. История России. Царская Русь. М. : Чарли, 1996. С. 384–386. Цит. по: Калашников В. Д. Советы и их власть в Московском государстве // Теория и история. Красноярск, 2004. № 1. С. 21.

² См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 123.

³ См.: Томсинов В. А. Политическая и правовая мысль Московского государства // История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2002. С. 200–202.

⁴ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 137; см. также: Андреев Л. И. Тушинский вор // История России с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н. И. Павленко. М. : Высш. шк., 2000. С. 183–185.

или крестьянской общины. Согласно ст. 26 Судебника 1550 г. в случаях оскорбления и бесчестия применялся штраф, варьировавшийся в зависимости от статуса потерпевшего.

В судебниках XVI в. чётко прослеживается тенденция усиления защиты достоинства представителей власти. Скажем, ст. 26 Судебника 1550 г. устанавливала привилегированную охрану достоинства государственных служащих, отнесенных к высшему разряду бюрократического аппарата, – дворцовых и палатных дьяков. Привилегированность заключалась в особом порядке определения компенсации за бесчестье. Ее размер устанавливался царем. Компенсация должностным лицам, осуществляющим управленческие функции на местном уровне, – детям боярским, тиунам, доводчикам – выплачивалась в двойном размере от оклада либо от установленного корма. Притом на основе выделенных норм защищалось и достоинство жен указанных чиновников, чего прежде не было в отечественном праве. Судебник 1589 г. еще более усилил защиту неприкосновенности служащих государства, включив в круг лиц, пользующихся защитой, военных – стрельцов, ратных людей, казаков¹.

Разумеется, не все представления о человеческом достоинстве, имевшие место в Московском государстве рассматриваемого времени, отразились в праве. Например, здесь не закреплялись идеи, авторитетные для разнообразных групп еретиков².

Подобные воззрения развивал, в частности, Феодосий Косой. Он требовал восстановления раннехристианского равенства между членами религиозной общины, а также признания принципа равноправия в качестве нормы и для отношений между гражданами государства. Феодосий Косой выступал и против с его точки зрения несправедливого порядка вещей, обеспечивающего одним бедность и несвободу, а другим – богатство и свободу³.

В период, когда в Московском государстве идеи о человеческом достоинстве воплощались в охарактеризованных нормативно-правовых актах XVI в., а также существовали в еретических движениях, в Западной Европе эти представления развивались теоретиками Возрождения. Они, стремясь преодолеть религиозные и сословные ограничения человека, делают тему его достоинства центральной в научной мысли⁴.

¹ См.: Чучаев А. И., Кизилев А. Ю. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI–XVII вв. // Государство и право. 2001. № 6. С. 94.

² См. подробнее: Григоренко А. Ю. Свободомыслие на Руси конца XV – начала XVI века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 6–13; Казакова П. А. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV–XVI вв. Источники. М. – Л., 1955.

³ Н. М. Азаркин, исследуя творчество Феодосия Косого, пишет, что его социально-политические позиции представляют собой плебейский вариант утопического социализма в несостоявшейся русской Реформации. См.: Азаркин Н. М. Политическая мысль Киевской и Московской Руси // История политических учений / под общ. ред. О. В. Мартышина. М. : Норма, 2002. С. 143–144.

⁴ См.: Эльфонд И. Я. Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция). Саратов, 1991. В частности, в эпоху Возрождения проблема достоинства становится одной из основных тем

Мыслители западноевропейского Возрождения связывают человеческое достоинство с многообразием способностей людей и полагают, что люди не должны чувствовать себя униженными и грешными, а могут гордиться своими науками и искусствами, завоеваниями и открытиями. Человеческие индивидуумы должны утверждать свое достоинство не только в аскетических подвигах и духовном служении, но и в плотских радостях, в полноценном переживании жизни.

Правда, теоретики Возрождения признавали, что людям присущи и недостатки: неумеренные и необузданные страсти, оголтелая жестокость, фантастическая жадность, кровожадная ненависть. Но все это не роняет достоинства человека как смелого, творческого и активного существа. Впрочем, в общественном сознании эпохи Возрождения еще постулируется необходимость сословных различий людей. И само человеческое достоинство и в теории, и на практике обыкновенно в большей мере признается учеными за родовитыми, богатыми и знатными лицами, чем за иными гражданами государства.

Основопологающей идеей политических и правовых учений Возрождения стала мысль о необходимости утверждения в общественном сознании самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья. Так что можно говорить о гуманистическом настрое политических идей в этот период. Причем значительное число мыслителей эпохи Возрождения отстаивали теоретическую позицию, согласно которой судьба человека должна предопределяться не его знатностью, происхождением, конфессиональным статусом, а исключительно его личной доблестью, проявляемой в активности, в благородстве дел и помыслов. Получил распространение в рассматриваемую эпоху и теоретический тезис о том, что одно из главных слагаемых достоинства индивида – гражданственность, то есть бескорыстное и инициативное служение общему благу¹.

Типичным по содержанию сочинением этого времени была книга Пико делла Мирандола «О достоинстве человека». Он с пафосом писал: «Не небесным, не земным, не смертным, не бессмертным создан ты, человек! Ибо ты сам должен, согласно твоей воле и твоей чести, быть своим собственным художником и зодчим и создать себя из свойственного тебе

философских трактатов. Джианоццо Монетти (1396–1459) в трактате «О достоинстве и превосходстве человека» провозглашал принцип высокого призвания человека. Человек сам творец своей собственной формы. От его воли и желания зависит, будет ли он высшим существом, превосходящим все другие существа, либо же он выродится в низменное существо. Человек опирается не на Бога, не на свое происхождение, а исключительно на самого себя, на свое достоинство. См.: Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / под ред. С. М. Стама. Саратов, 1988. См. также: Ревякина Н. В. Вступительная статья // Образ человека в зеркале гуманизма. М. : УРАО, 1999. С. 5–38.

¹ См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 161–163.

материала. Ты свободен спуститься на самую низкую ступень животности. Но ты можешь и подняться к высшим сферам божественного. Ты можешь быть тем, чем хочешь»¹.

Некоторые мыслители эпохи Возрождения высмеивали средневековое понятие достоинства, основанное на знатности и происхождении. Так, Эразм Роттердамский в сатире «Похвала Глупости» писал о феодалах: «Как ни тороплюсь я, не могу, однако, обойти молчанием тех, которые хоть и не отличаются ничем от простого поденщика, однако кичатся благородством своего происхождения... Но еще находятся дураки, готовые приравнять этих родовитых скотов к богам!»²

В политико-правовых теориях эпохи Возрождения можно увидеть отражение разных идеологий. Так, развернувшееся в Западной и Центральной Европе в первой половине XVI в. широкое общественное антифеодальное, антикатолицистское движение – реформация – на начальном этапе содержало в себе даже некоторые коммунистические идеи. Его идеологи желали радикального упрощения и демократизации церковного устройства, осуждали погоню церкви за земными богатствами, были против ее зависимости от римской курии.

Например, один из идеологов этого движения Т. Мюнцер стремился к практическому воплощению на земле «царства Божьего» – общественно-го строя, в котором не будет существовать частной собственности. Кроме него английский ученый Томас Мор и итальянский мыслитель Томазо Кампанелла задавались вопросом: какими должны быть политико-юридические институты, способные адекватно воплотить строй, основанный на общности имущества, покончивший с частной собственностью на средства производства, с материальным неравенством между людьми?

Чертой учений перечисленных мыслителей следует признать стремление рассматривать личные качества индивидуума (особенно нравственные и интеллектуальные) как фактор, призванный определять его положение в обществе³. Вдобавок, согласно этим учениям, достоинство человека определяется свойствами, приобретаемыми и проявляемыми им в течение жизни⁴.

Виднейший идеолог и влиятельный деятель Реформации Жан Кальвин, автор богословского трактата «Наставление в христианской вере» (1536 г.), считал, что Бог заранее разделил всех людей по их достоинствам, твердо определив одних к спасению и блаженству, а других – к гибели. Люди бессильны изменить волю Бога, но могут догадываться о ней по тому, как складывается у них жизнь на земле. Если их профессиональная

¹ См.: Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Neptapulus. De ente et uno. A cura di E. Garin. Firenze, 1942; Дживелегов А. К. Возрождение : собрание текстов. М. – Л., 1925.

² Роттердамский Эразм. Похвала Глупости. М. : Сов. Россия, 1991. С. 88.

³ См.: История политических и правовых учений. М., 2001. С. 173–174, 185–186.

⁴ Там же. С. 187.

деятельность (ее предуказывает Бог) идет успешно, если они набожны и добродетельны, трудолюбивы и покорны властям (установленным Богом), то Бог благоволит к ним. Для истинного кальвиниста является долгом целиком посвящать себя своей профессии, быть максимально бережливым и рачительным хозяином, презирать наслаждения и расточительность. При чем не благородством происхождения и сословными привилегиями обуславливаются предызбранность и спасение человека Богом¹.

Ж. Кальвин дал мощный импульс развитию буржуазной идеологии. Более того, по мнению ряда авторов, опорой европейской правовой традиции, где личность предстает в почти сакральном положении, является именно сформулированная Ж. Кальвином протестантская этика с ее индивидуализмом и рационализмом².

В эпоху Возрождения и Реформации идея человеческого достоинства стала освобождаться от религиозных догм. С этого времени все основательнее утверждается представление о формальном равенстве людей перед законом как о способе обеспечения их достоинства.

Для выражения такого воззрения очень часто используется концепция имеющего божественное происхождение естественного права. В его предписаниях многие теоретики рассматриваемой эпохи видят гарантии равенства людей.

Вместе с тем в практическую плоскость ставится вопрос о воплощении естественного права в позитивном, о государстве как о гаранте реализации первого. Правда, при этом признание самоценности человека и закрепление такого признания в законодательстве идет неравномерно в разных регионах.

Может быть, так обстояли дела в силу того, что в разных странах в общественном сознании не одновременно утверждалась следующая политическая идея: государство должно заботиться о всех составляющих его людях уже потому, что они являются человеческими индивидами. Скажем, в Англии Закон о благотворительности, выражающий понимание этого суждения, был принят уже в 1601 г., тогда как во многих других странах подобные акты были приняты гораздо позже. Посредством этого законодательства организовывалась помощь престарелым, немощным и бедным, обучение в бесплатных школах, а также в университетах, содержание исправительных домов и т. д.³

Изложенное разнообразие представлений о человеческом достоинстве с древнейших времен до конца XVI в. позволяет выделить несколько

¹ См.: История политических и правовых учений. М.: Норма, 2001. С. 173–175.

² Как заметил известный правовед Р. Паниккар, европейскую концепцию достоинства человека и его прав создали «Бог, Церковь, цивилизация, наука и современные технологии...». См.: Panikkar R. Is the Notion of Human Rights a Western Concept? // Alston Ph. (ed.) Human Rights Law. N. Y., 1996. P. 76–77; Цит. по: Хованская А. В. Достоинство человека: международный опыт правового понимания // Государство и право. 2002. № 3. С. 49.

³ См.: Черникова В. В. Регулирование деятельности благотворительных организаций Великобритании: историко-правовые аспекты // Государство и право. 1999. № 8. С. 102.

аспектов этих идей. Прежде всего, любое независимое политическое общество не может не оценивать своих членов иначе, чем людей из других подобных социальных организмов. Так, обычно всякое государство ценит своих граждан выше, чем иностранцев, и поэтому предоставляет первым больший круг субъективных юридических прав, чем вторым.

Однако независимое политическое общество, по-видимому, никогда не ценит всех своих членов одинаково. Ведь изученный материал показывает, что, по существу, в каждом подобном организме одни его члены ценятся выше, чем другие. Так что вторым подчас предоставляется меньше юридических возможностей, чем первым.

Что касается критериев такой дифференциации членов любого независимого политического общества по достоинству, то здесь очевидно следующее. Подчас людей ценят в силу их личных способностей более или менее эффективно осуществлять конкретные дела. Но нередко человеческих индивидуумов оценивают не по критериям подобного рода, а в зависимости от того, каковы их предки по достоинству, каким богатством они владеют, хотя оно не является результатом их личных усилий; к какой этнической группе эти люди принадлежат, а также в зависимости от их пола, возраста, мировоззрения и иных качеств, присущих человеку независимо от его личной активности и способностей. Причем в независимом политическом обществе обычно сочетаются критерии обоих отмеченных родов. Правда, в таких сочетаниях нередко можно заметить превалирование одной из этих групп критериев.

Как известно, наилучшая ситуация в независимом политическом обществе есть положение, когда каждый человек занимается такими делами, к которым он больше всего способен. Причем лицо осуществляет их не только для себя, но и для других людей, с кем связан узами разделения и кооперации труда и иной деятельности в независимом политическом обществе. Такой вывод, в частности, делал ранее упоминавшийся Платон.

Указанное положение может быть достигнуто, если люди в независимом политическом обществе ценятся по способности эффективно осуществлять конкретные дела. Отсюда вытекает, что независимые политические общества, где поступают именно так, добьются больших результатов в материальном и духовном производстве, чем подобные социальные организмы, в которых люди ценятся по другим критериям. Речь идет об их качествах, не обусловленных личными активностью и способностями. В частности, понимание последнего факта присутствует в ранее отмеченном эпизоде из русско-польских отношений, когда вторгшиеся в Московское государство поляки силой навязали русским соглашение, откуда было исключено отстаивавшееся москвитами требование о недопустимости местничества на территории своей страны.

ГЛАВА 2. ДОКТРИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРАВЕ В XVII–XX ВЕКАХ

В Новое время, охватившее XVII и XVIII вв., в европейских странах за всеми человеческими индивидуумами, по крайней мере, формально обычно признавалось право быть людьми и уважать себя в качестве таковых. Причем ученые во многих случаях стремились подойти к оценке достоинства человеческой личности с точки зрения разума и вели борьбу против теологии и религиозной догматики, противившихся такому подходу.

В частности, великий голландский политический мыслитель Б. Спиноза отстаивал светскую трактовку достоинства людей. Он считал: с человеческим достоинством основной массы граждан государства дела обстоят так, что «государству всегда грозит большая опасность со стороны граждан, чем со стороны врагов; хорошие граждане редки»¹. Причем каждый из граждан государства «с величайшим жаром ищет своей личной пользы ... Чужой же интерес защищает лишь постольку, поскольку рассчитывает тем самым упрочить свой собственный»². То же самое верно и в межгосударственных отношениях, субъектами которых выступают государства. Здесь для любого из последних «свое собственное благоденствие есть наивысший закон»³. Это закономерно, ведь государства состоят из граждан.

Б. Спиноза свое понимание человеческого достоинства отразил в сформулированной им трактовке демократического правления, ибо считал таковую этому достоинству соответствующей. В демократии, по его мнению, все без исключения граждане обладают правом голоса в верховном

¹ См.: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. М.: Норма, 2007. С. 94.

² См.: Там же.

³ В подобной ситуации, отмечал Б. Спиноза, государство, благополучие которого «зависит от чьей-либо совестливости и дела которого могут вестись надлежащим образом только при том условии, что занимающиеся ими захотят действовать добросовестно, будет наименее устойчивым; но для того, чтобы оно могло устоять, его дела должны быть упорядочены ... так, «чтобы те, кто направляет их, не могли быть склонены к недобросовестности или дурным поступкам, все равно руководствуются ли они разумом или аффектами». Поэтому «необходимо установить верховную власть таким образом, чтобы все, как правители, так и управляемые, действовали в соответствии с общим благом, хотят ли они этого или нет, то есть, чтобы все понуждались (добровольно ли или под давлением силы или необходимости) жить по предписанию разума... Ведь никто не является столь бдительным, чтобы никогда не забываться сном, и не было еще человека такой силы и чистоты душевной, чтобы не поддаться когда-либо искушению и не быть побежденным». Стремление к общему благу граждан государства будет превалировать среди иных мотивов их поведения, если сама государственная организация будет построена согласно нескольким принципам. Во-первых, на высшие государственные должности «нужно выбирать тех, чье личное достояние и польза зависит от общего благоденствия и мира», учитывая, что «тот, кто не смог управиться со своими частными делами, тем менее сможет быть полезным для государственных». Причем «необходимо устроить так, чтобы наибольшая личная выгода чиновников, попечению которых вверены дела правления, зависела от наибольшей заботы об общем благе». См.: Дробышевский С. А. Указ. соч. С. 94–96.

совете и правом поступления на государственную службу. Однако, согласно представлениям Спинозы, в демократическом государстве из числа лиц, допускаемых к управлению страной, должны быть исключены иностранцы, женщины, рабы и несовершеннолетние, а также те, кто подвергся бесчестию вследствие преступления или позорного образа жизни¹. В таком понимании, бесспорно, нашли выражение пережитки сословности эпохи, охарактеризованной в предшествующем изложении. Вместе с тем здесь отражено отношение к категориям чести и бесчестия как к составным частям понятия человеческого достоинства.

Последнее довольно подробно характеризуется Т. Гоббсом, английским ученым XVII в. По представлениям этого мыслителя, «достоинство человека есть вещь, отличная от его стоимости или ценности, а также заслуг, и состоит в человеческом даровании или способности к тому, достойным чего его считают»². Вместе с тем «публичная ценность человека, то есть цена, которую придает ему государство, есть то, что люди обычно называют достоинством. И эта цена, положенная ему государством, выражается в пожаловании должностей военных, судейских, по государственному управлению или пожаловании имен и титулов, введенных для выявления такой цены»³.

Среди личных качеств человека, которые позволяют считать его достойным, Т. Гоббс называл беспрекословное повиновение этого индивидуума суверенной власти. Ведь при любой форме государства большие беды причиняет людям то, что они не повинуются власти или повинуются ей частично и с трудом. Причем естественное право в описании Т. Гоббса предполагает безусловное повиновение подданных суверену.

Совсем иначе толкует содержание идеи человеческого достоинства другой английский мыслитель XVII в. – Джон Локк. В его описании естественное право выступает препятствием для суверена, желающего править своевольно. Причём, с точки зрения Д. Локка, достойным человеком является не тот, который беспрекословно повинуетя приказам суверенной власти, а способный выделить среди этих приказов акты, посягающие на неотъемлемые естественные права индивидуума, и не повиноваться таким предписаниям, подчас даже оказывая сопротивление суверенной власти.

По Д. Локку, право на жизнь и владение имуществом, свободу и равенство человек не отчуждает никому и ни при каких обстоятельствах. Эти неотчуждаемые ценности – окончательные границы власти и действий государства, преступать которые ему запрещено⁴. Что же касается Т. Гоббса,

¹ См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 252.

² Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. С. 67.

³ Там же.

⁴ Главная цель политического сообщества – возможность для всех (и каждого) обеспечивать, сохранять и реализовывать свои гражданские интересы: жизнь, здоровье, свободу и «владение такими

то, по его мнению, у достойных людей непременно имеется суверенная власть, которой позволено при необходимости не останавливаться перед этими ограничениями.

Концепции человеческого достоинства Гоббса и Локка являются классическими образцами в Новое время ранее рассматривавшихся доктрин коллективизма и индивидуализма в государстве. Уже указывалось, что каждая из последних включает в себя воззрения на человеческое достоинство. Только что описанные представления Гоббса служат теоретическим вкладом в разработку коллективистской доктрины человеческого достоинства. Идеи же Локка представляют собой развитие в Новое время существующего с давних пор индивидуалистического учения о человеческом достоинстве.

По-видимому, главное противоречие этих доктрин таково. Достойные люди имеют сильное государство, обладающее неограниченной властью, утверждают коллективисты. С позиции же индивидуалистов, достойным людям противостоит слабое государство, действия которого они могут остановить при необходимости. Причем у индивидуалистов государственный аппарат есть зло, хотя и неизбежное, становящееся благом при его ограничении. А у коллективистов государственный аппарат есть благо, способное ко злу, если его неверно организовать.

По мнению В. С. Нерсесянца, представители политических и правовых учений Нового времени стремились внедрить в сознание народных масс ценности, базирующиеся на уважении человеческого достоинства¹. При этом они зачастую полагали, что последнее неотделимо от людей. В самом деле, по мнению великого французского мыслителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, для человека отказаться от своей свободы – это значит отказаться от своего высшего достоинства, от прав человека, даже от обязанностей. Такой отказ несовместим с человеческой природой².

внешними благами, как деньги, земли, дома, домашняя утварь и т. д.» (Локк Д. Избранные философские произведения : в 2 т. М., 1960. Т. 2 . с. 16). Дж. Локк предвосхитил идею правового государства, утверждая, что закон – решающий инструмент сохранения и расширения свободы личности, который также гарантирует защиту индивида от произвола и деспотической воли других лиц. По Дж. Локку, функция индивидуальной свободы не исчерпывается ее значимостью для жизни отдельно взятого человека, ибо она является еще и неотъемлемой частью общего блага целостного политического организма. Вот почему нельзя достичь блага всех, если не обеспечивать посредством законов свободу каждому, а желаемое тиранами спокойствие есть вовсе не мир, а ужаснейшее состояние насилия и грабежа, выгодное единственно разбойникам и угнетателям. См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 271–273, 276.

¹ Нерсесянц В. С. Политические и правовые учения европейского Просвещения // История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 277. Ряд ученых считают, что лишь в рамках философии Нового времени складываются элементы концепции гражданского общества, включая уважение достоинства человека, которые отвечают условиям современности, хотя само понятие гражданского общества использовалось в разных семантических модификациях задолго до того. См.: Капустин Б. Г. Выступление на «круглом столе» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» на тему «Гражданское общество, правовое государство и право» // Государство и право. 2002. № 1. С. 25.

² См.: Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре. М., 1938. С. 8.

В произведениях Руссо прослеживается озабоченность правом каждого человека на достойное существование. Не отрицая самой частной собственности на средства производства, Руссо выступал за относительное выравнивание имущественного положения граждан и с этих позиций критиковал роскошь и излишки, поляризацию богатства и бедности¹. В государстве, считал Руссо, «ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один – быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать; это предполагает в том, что касается до знатных и богатых, ограничение размеров их имущества и влияния, что же касается до людей малых – умерение скарденности и алчности»².

Идея человеческого достоинства нашла выражение в политических и правовых учениях в США в XVIII–XIX вв. Более того, она выразилась в праве этого государства.

Первоначально американский конституционализм находился под влиянием английской юриспруденции, где теоретические представления о человеческом достоинстве оказались сформулированными в виде целого ряда юридических прав личности. Так, в 1641 г. в Массачусетсе при участии Натаниэля Уорда, большого знатока английского права, был составлен Свод свобод, в котором зафиксированы многие гарантии прав личности³. В частности, в этом Своде свобод предусмотрена гарантия от жестоких и варварских наказаний⁴. Наиболее значительными конституционными установлениями рассматриваемого периода, отразившими идею человеческого достоинства, также стали «Основные уложения», провозглашенные в Коннектикуте в 1639 г., и особенно так называемая Массачусетская хартия вольностей (1648 г.).

Однако в дальнейшем на территориях штатов Северной Америки все более распространяется влияние идей французского Просвещения о человеческом достоинстве. Причем незадолго до торжественного объявления

¹ Негодование Руссо было направлено против такой культуры, которая оторвана от народа и которая освящает общественное неравенство. Руссо различал два вида неравенства: физическое, происходящее из разницы в возрасте, здоровье, даровании и т. п., и политическое, выражающееся в различных привилегиях. Второму Руссо противопоставлял простоту и невинность первобытных людей. Руссо – сторонник естественного права. Его идеалом было далекое прошлое, когда все люди были равны: да и какие раздоры могли быть у людей, которые ничем не владеют! Между Руссо и Вольтером происходили острые споры. Вольтер был в корне не согласен с идеей Руссо о том, что идеалы пребывают в далеком прошлом. В своей поэме «Светский человек» Вольтер писал: «Наши предки жили в неведении понятий «мое» и «твое». Откуда им было знать это? Они были наги. А когда ничего нет, то нечего и делить. Но хорошо ли это?» Обращаясь к Руссо, он говорит: «Отец мой, не прикидывайтесь простачком, не называйте нищету добродетелью». См.: Спиркин А. Г. Философия. М.: Гардарики, 1998. С. 136–137).

² См.: История политических и правовых учений. М.: Норма, 2001. С. 294.

³ Они известны английской юридической практике со времен Великой хартии вольностей, а также закреплены в более поздних законодательных актах и прецедентах.

⁴ Отмеченная гарантия стала нормой права в Соединенном королевстве только после принятия Билля о правах 1689 г.

Декларации независимости США (4 июля 1776 г.) французские теоретические представления о человеческом достоинстве получили признание не только в публицистике, но также и в политических и конституционных документах¹. Например, в Декларации прав Виргинии от 12 июня 1776 г., написанной Джорджем Мейсоном и отредактированной Джеймсом Мэдисоном, впервые было официально закреплено, что все люди от природы свободны, независимы и обладают некоторыми неотчуждаемыми правами, от которых они не могут отречься, вступая в общество, и которых они не могут лишиться свое потомство, а именно – правами на жизнь и свободу, а также на стремление к достижению счастья и безопасности (ст. 1). Далее говорилось о том, что народ имеет право сменять такое правительство, которое не отвечает своему назначению обеспечивать достижение всеобщего блага и безопасности².

В редакции Т. Джефферсона³ обоснование неотчуждаемых прав было дано в таком виде: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди созданы равными; они наделены их Творцом определенными... неотчуждаемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, свободу и стремление к счастью; для обеспечения этих прав люди создают правительства, ...право народа состоит в том, чтобы ...установить новую правительственную власть, закладываящую в свое основание такие принципы и организующую свои полномочия в такой форме, какие, по мнению народа, кажутся более всего подходящими для обеспечения его безопасности и счастья»⁴.

Во Франции просветительские идеи о человеческом достоинстве воплотились в праве позднее, чем в США. Причем в XVIII–XIX вв. на государственное развитие Франции оказали влияние разные политические идеологии, учившие тому, что люди обладают достоинством. Что касается якобинских теоретиков, то Ж.-П. Марат считал необходимым рассматривать права людей, вытекающие из их достоинства, священными. Это мо-

¹ Рассматривая данный вопрос, следует помнить, что американская цивилизация сложилась в результате достаточно необычного сочетания историко-культурных, географических, политических, идеологических факторов. Стремление освободиться от прессы и контроля со стороны любой власти, будь то светская или духовная, лежало в основе «идеальной», внеэкономической части мотивации действий как первых, так и последующих поколений колонистов. См.: Оболонский А. В. Государственная служба США: история и современность // Государство и право. 1999. № 4. С. 103.

² Последнее теоретическое положение частично отражало идеи американского просветителя Б. Франклина, отстаивавшего мысль о независимом и гармоничном развитии своей страны как «страны труда», в которой отсутствует резкая поляризация между богатыми и бедными, между роскошью одних и аскетизмом других, где люди живут в состоянии «счастливой уверенности», где простота республиканских нравов определяет все материальные предпочтения и политические навыки. При этом Франклин делал оговорку о праве индивида на привилегию самому определять, что есть доблестное.

³ Томас Джефферсон. О демократии. СПб. : Рес. Гумана ; Лениздат, 1992; а также см.: Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1996.

⁴ Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права : в 2 т. Т. 2 / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. М. : Юристъ, 2002. С. 53.

жет быть сделано, полагал М. Робеспьер, при наличии добродетелей, в частности честности и чистоты у тех, кто держит в своих руках бразды государственного правления. И посредством карательных мер священные права людей могут быть защищены¹.

Эти идеи якобинцев отразились в их законодательстве. Так, Конституция 24 июня 1793 г. содержала Декларацию прав человека и гражданина, где было записано, что правительство установлено для обеспечения человеку пользования его естественными и неотъемлемыми правами. Эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность. Все люди равны перед законом. Каждый гражданин, вызванный или задержанный именем закона, обязан немедленно повиноваться; в случае сопротивления он подлежит ответственности².

Более умеренные, чем у якобинцев, политико-правовые доктрины французских мыслителей XVIII в. и заключенная в этих умеренных учениях идея человеческого достоинства также нашли отражение в законодательстве Франции. Например, в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. записано: «Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Все, что не воспрещено законом, дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом»³. В Конституции 3 сентября 1791 г. обеспечивались следующие естественные и гражданские права: доступ всех граждан к местам и должностям без каких-либо иных отличий, кроме истекающих из их добродетелей и способностей; расклад налогов между всеми гражданами равномерно, сообразно их состоятельности; кара правонарушений одними и теми же наказаниями, независимо от каких-либо личных различий; свобода каждого передвигаться, оставаться на месте или покидать его без опасения подвергнуться задержанию или заключению иначе как в порядке, предусмотренном в конституции; свобода каждого выражать словесно и письменно, печатать и предавать гласности свои мысли, не подвергаясь никакой предварительной цензуре или проверке до их опубликования, а также отправлять обряды того вероисповедания, к которому он принадлежит; свобода граждан собираться в общественных местах, сохраняя спокойствие и без оружия, с соблюдением полицейских законов; свобода обращаться к установленным органам власти с петициями, подписанными отдельными гражданами⁴.

Отмеченные идеи западноевропейских мыслителей Нового времени уже тогда частично были восприняты в России в виде осознания всео-

¹ См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 300–308.

² См.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 2. С. 110–111.

³ Там же. С. 85.

⁴ См.: Там же. С. 94–95.

словного характера государственной власти. Почва, на которой они начали укореняться, заключала в себе представления о человеческом достоинстве, воплотившиеся в Соборном Уложении 1649 г. Оно перечисляет 72 случая бесчестья. К оскорблению действием здесь добавляются побои, совершенные умышленно, после подготовительных действий, а не в простой драке. Следует отметить, что впервые особо выделяется «обида» священнослужителя и формулируется понятие «богохульство», включающее в себя, в частности, поношение и оскорбление святынь.

В Соборном Уложении впервые появились бесчестящие наказания, начиная с самых мягких (выговор в присутствии понятых) и кончая «выдачей головой». Сюда входило «отнятие чести», то есть лишение званий или понижение в чине (например, перевод из бояр в дворяне). Исполняемое наказание регистрировалось в Разрядной книге.

Человеческое достоинство попирали членовредительные наказания. В данном случае нарушалось право на внешний облик, являющееся важной составной частью человеческого достоинства. Увечашие наказания (кроме устрашения) выполняли функцию выделения преступника из окружающей массы людей. Так, Соборное Уложение предусматривало в качестве членовредительных наказаний отсечение руки, ноги, урезание носа, уха, губы, вырывание глаза, ноздрей¹.

Глава X Соборного Уложения в 74 случаях устанавливала градацию штрафов «за бесчестье» в зависимости от социального положения потерпевшего. Статья 92 гл. X Соборного Уложения содержала запрет оскорбления бояр, окольных, думных людей, являющихся членами Боярской Думы².

Как известно, в России в конце XVII в. была установлена абсолютная монархия. Для нее характерно наличие сильного, разветвленного профессионального бюрократического аппарата, включая постоянную армию; ликвидация сословно-представительных органов и учреждений; тщательная регламентация всех сторон общественной и частной жизни³. Этому государству потребовалось закрепить в праве отчасти иные представления о человеческом достоинстве, чем те, которые были отражены в упомянутом Соборном Уложении 1649 г.

Привилегии феодальной аристократии (боярства) уже в конце XVII в. резко ограничиваются, а затем и ликвидируются. Важный шаг

¹ См.: Ключевский В. О. История сословий в России. Минск : Харвест, 2004. С. 168–169.

² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 378–380; Цит. по: Чучаев А. И., Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI–XVII вв. // Государство и право. 2001. № 6. С. 94.

³ См.: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. Редакции и проекты законов. Заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М. – Л., 1945; Огарев Н. П. «Что бы сделал Петр Великий» // Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 2. М., 1956. С. 24–30; Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М. : Юрид. лит., 1997; Жильцов С. В. Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I // Правоведение. 2002. № 1. С. 206–219.

в этом направлении – подписание Акта об отмене местничества (1682). Аристократическое происхождение утрачивает свои позиции при назначении на руководящие государственные посты. Его заменяют выслуга, квалификация и личная преданность государю и системе правления. Нормы «Табели о рангах» перевернули старую идею местничества: титул и звание из оснований для получения должности превратились в результат продвижения по службе. Достигнув определенного чина, можно было из недворянина превратиться в дворянина, то есть получить личное или потомственное дворянство. После ликвидации системы местничества в соответствии с принципом выслуги с 1686 г. составлялись новые родословные книги с фамилиями, представители которых поднялись из «нижних чинов».

Служилые землевладельцы были объединены в сословие Указом о единонаследии (1714) и Табелью о рангах (1722). Официально титул дворянства был утвержден только Манифестом 1762 г., актами Комиссии 1767 г. и Жалованной грамотой этому сословию 1785 г. Дворянство представляло собой высшую по достоинству социальную группу населения Российской империи. Согласно Грамоте на права и преимущества благородного российского дворянства (Жалованная грамота дворянству 1785 г.) дворянское достоинство определялось как особое состояние личных качеств человека, которые послужили основанием для приобретения дворянского звания. Дворянское звание рассматривалось как потомственное и наследственное, распространялось на всех членов семьи дворянина. Основаниями для лишения дворянского звания могли стать лишь преступления, в которых проявились моральное падение преступника и нечестность. Перечень этих преступлений был исчерпывающим. Личные права дворян включали право на дворянское достоинство, право на защиту чести, личности и жизни, освобождение от телесных наказаний, от обязательной государственной службы¹.

Постепенно дворянское сословие становится все более закрытой элитарной корпорацией, проникнуть в которую для неродовитых людей все труднее. Потомственное дворянство приобрело права на недвижимость, сословную монополию на крепостных, широкие административно-полицейские права на крестьян, право на дешёвый государственный кредит. С 1771 г. был запрещен приём на гражданскую службу лиц податных сословий, к которым дворянство не относилось. С 1790 г. на государственной службе устанавливается ускоренный, по сравнению с недворянами, срок производства в высшие чины для дворян (в 1798 г. введен прямой запрет на производство в высшие чины лиц недворянского происхождения)².

¹ См.: История России / под ред. Н. И. Павленко. М., 2000. С. 351–353.

² См.: Рогов В. А. История государства и права России. М., 2008. С. 73, 75.

Для политической идеологии абсолютизма в России было характерно стремление к четкой классификации социальных групп и индивидов по достоинству: личность растворяется в таких понятиях, как «солдат», «заключенный», «чиновник» и т. п. На достоинство крестьян в этот период оказывала влияние дифференциация их статуса: черносошные, государственные, частновладельческие, экономические, приписные (посессионные). Различия в человеческом достоинстве проявлялись и в юридической классификации городских жителей. По регламенту Главного магистрата 1721 г. они делились на регулярных граждан и «подлых» людей. Регулярные, в свою очередь, подразделялись на две гильдии: первую (банкиры, купцы, доктора, аптекари, шкиперы купеческих судов, живописцы, иконописцы и серебряных дел мастера) и вторую (ремесленники, столяры, портные, сапожники, мелкие торговцы)¹.

В 1769 г. был разработан проект положения «О среднем роде людей», то есть о правовом статусе мещанства. При этом все городское население делилось на шесть категорий: настоящие городские обыватели, записанные в гильдии купцы, состоящие в цехах ремесленники, иногородние и иностранные купцы, именитые граждане, прочее посадское население. Особо следует отметить, что личные права мещан включали полномочия на охрану чести и достоинства, в частности права на жизнь, на перемещение и выезд за границу².

Существует и несколько иная точка зрения. Так, М. В. Брянцев, проанализировав законодательные источники, сделал вывод, что оформившееся городское сословие было представлено купечеством и мещанством. Причем купцы были богаче мещан и в отличие от последних занимались предпринимательской деятельностью³. Однако приведенный проект положения все же свидетельствует о более сложной социальной структуре и, следовательно, о более детальной дифференциации человеческого достоинства городского населения, чем предполагает М. В. Брянцев.

В то же время нельзя не признать верной другую идею этого автора. В статье, написанной не только на основе Полного собрания Законов Российской империи, но и на базе архивных данных, М. В. Брянцев, исследовав правовые аспекты взаимоотношений между купечеством и дворянством в конце XVIII – начале XIX в., подчеркнул, что «российское законодательство постепенно эволюционировало в сторону сближения дворянства и крупного купечества». Однако движение это было непоследовательным и правительство постоянно колебалось, отдавая предпочтение дворянству⁴.

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 226.

² См.: Там же. С. 338–341.

³ См.: Брянцев М. В. «Третье сословие» в российском законодательстве конца XVIII первой половины XIX в. // Право: история, теория, практика / отв. ред. И. А. Тарасова. Брянск : Изд-во Брян. пед. ун-та, 1997. Вып. 1. С. 108.

⁴ См.: Брянцев М. В. Дворянство и купечество (правовые аспекты отношений) // Право: история, теория, практика / отв. ред. И. А. Тарасова. Брянск : Изд-во Брян. пед. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 120.

Рассмотренные перемены в российском праве возникли не на пустом месте. Скажем, дьяк посольского приказа Иван Тихонович Посошков послал в 1724 г. на императорское имя проект реформ, затрагивавших все стороны государственно-правовой жизни страны («Книга о скудости и богатстве»). Он, в частности, предлагал комплектовать чиновничий аппарат, используя критерии профессиональной способности и выслуги. И. Т. Посошков говорил и о том, что чиновникам, а особенно судьям, следует быть честными и справедливыми и, если «судья поведет суд самый правдивый, нелицеприятный по самой истине яко на богатого, так и на самого убогого и бесславного, то от царя будет ему честь, а от Бога милость и царство небесное»¹.

Инициатором немалою числа из отмеченных правовых нововведений в XVIII в. была Екатерина Вторая, развивавшая, как известно, идеи «просвещенного абсолютизма». Во многом они обусловили ранее указанные представления о всеобщем характере государственной власти. Вместе с тем идеология просвещенного абсолютизма, как свидетельствуют приведенные акты, не помешала принять юридические нормы, согласно которым человеческое достоинство определялось не личными достижениями индивидуума, а его происхождением.

Впрочем, такая политика просматривалась уже на уровне проектов соответствующего законодательства. Так, с 1754 г. начала работу Уложенная комиссия, задачей которой была признана существенная переработка старых юридических установлений, то есть по сути трансформация системы права. Во второй части проекта нового Уложения содержались нормы, модифицировавшие правовое положение подданных: их статус в государстве, семье. Здесь перечислялись права и привилегии сословий и отмечалось: «Все подданные в государстве не могут быть одного состояния. Природа, заслуги, науки, промыслы и художества разделяют их на разные в государстве «чины», каждый из которых имеет свои преимущества и права». В этом проекте на различие прав (на оценку достоинства) влияли различия в происхождении и званиях.

Вот, например, что говорилось в проекте Уложения по поводу достоинства дворян: «Во всех благоучрежденных государствах премудрые правители на разные чины разделили свой народ, не без причины первое место благородному дворянству определили, присовокупив к сей чести и особливые некоторые преимущества». В то же время проект подчеркнул малую ценность достоинства крестьянина. Правовой статус крестьянского сословия был производным от прав дворянства: последнему предоставлялись все права над крестьянами, кроме «отнятия жизни», проведения пыток, наказания кнутом².

¹ Посошков И. Книга о скудости и богатстве. М., 1842. С. 45 (цит. по: Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль в дореволюционной России. С. 20–21).

² См.: История России / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1998. С. 201–203.

Вероисповедание также влияло на содержание прав. Православные подданные имели привилегии в области брачно-семейного права. В то же время градация разных групп населения по человеческому достоинству проявлялась в делении граждан и по другим признакам. Так, в юридической литературе отмечено, что в Российской империи ограничения на образование были не только в силу его сословной ориентации, но и по признакам пола, национальности, вероисповедания¹. Скажем, мужчины и женщины считались достойными разного образования.

Правда, в конце XVIII в. имелись исключения из правила, по которому достоинство человека определялось отнюдь не его личными способностями и заслугами. Скажем, на территории Донского казачьего войска должности, на которые на остальной территории России назначались лишь дворяне, подлежали замещению людьми, не имевшими дворянского происхождения².

Значительно обогатили научные представления о человеческом достоинстве политические и правовые учения Германии XVII – начала XIX в.³ В частности, великий философ Иммануил Кант писал: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁴. Причем «в царстве целей все имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством». И только «человечество ... обладает достоинством»⁵.

Содержательная сторона человеческого достоинства, по И. Канту, – в том, что оно есть присущая личности внутренняя абсолютная ценность, которой нет эквивалента⁶. Исходя из этого представления, И. Кант развивал идеи о необходимости уничтожения всех форм личной зависимости членов общества, утверждения личной свободы и равенства всех людей перед законом, ликвидации всех юридических привилегий.

Можно утверждать, что в немецкой классической философии принцип достоинства личности наиболее отчетливо был провозглашен именно И. Кантом. При этом он рассматривал идеи человеческого достоинства с естественно-правовых позиций.

¹ См.: Волохова Е. Д. Формирование права на образование в истории России // Правоведение. 2002. № 3. С. 249–257.

² См.: Небратенко Г. Г. Становление службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX в.) // Государство и право. 2003. № 5. С. 86.

³ См.: Жучков В. А. Немецкая философия эпохи раннего Просвещения (конец XVII – первая четверть XVIII в.). М., 1989.

⁴ См.: История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М.: Зерцало, 2002. С. 390.

⁵ См.: История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2001. С. 400.

⁶ См.: Кант И. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1965. С. 270–277.

История политических и правовых учений Германии обсуждаемой эпохи дает пример и иного подхода к рассматриваемой проблеме, который свойствен Г. Гегелю. Он писал: «В государстве дух народа – нравы, законы – являются господствующим началом. Здесь человека признают и с ним общаются как с разумным существом, как со свободным, как с личностью; и каждый отдельный человек со своей стороны делает себя достойным этого признания...; по отношению к другим ведет себя так, как надлежит вести себя всем, – признает их за то, чем сам хотел бы быть признанным, то есть за свободного человека, за личность. В государстве гражданин получает подобающую ему честь благодаря должности, на которую он поставлен, благодаря профессии, которой он занимается, и благодаря ... трудовой деятельности. Его честь получает вследствие этого... объективное, от пустой субъективности уже не зависящее, содержание»¹.

Рассуждая о человеческом достоинстве в иной связи, Г. Гегель также отмечал, что не следует отделять судьбу народа от судьбы отдельного человека, развитие государства – от совершенствования каждого из тех, на ком строится государство, кем оно подпирается и из кого в конечном счете состоит, ибо достоинство государства зависит от достоинства образующих его личностей. Вместе с тем высокое достоинство человека состоит в том, чтобы быть свободным.

Это, по Г. Гегелю, залог того, что исчезнет ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов. Философы более детально определяют так понимаемое человеческое достоинство. В свою очередь народы научатся его ощущать и тогда уже не станут требовать свое растоптанное в грязь право, а просто возьмут его обратно, присвоят его².

Немецкие философы анализируемой эпохи рассматривали понятие человеческого достоинства в связи с проблемой свободы и иначе. Она трактовалась как свобода духа. Вдобавок человеческое достоинство проявлялось в наделении людей свободой по праву³.

Отмеченные доктрины немецких мыслителей, содержащие в себе идею человеческого достоинства, нашли отражение в законодательстве. Так, Конституционная Хартия Пруссии (31.01.1850 г.) в Титуле II «О правах пруссаков» закрепляла обширный комплекс отражающих человеческое достоинство прав. В соответствии с ним все пруссаки равны перед законом. Сословные преимущества уничтожаются. Общественные должности доступны всем способным занять их при условиях, указанных в законе. Личная свобода гаран-

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 11. М., 1936. С. 222–223.

² Гегель писал, что веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц. См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 98.

³ См.: Фихте И. Г. О достоинстве человека. Избранные философские сочинения. Т. 1. М., 1916. Фридрих Шиллер писал о человеческом достоинстве так: «Господство моральной силы над инстинктами есть свобода духа, и выражение ее называется ... достоинством». См.: Шиллер Ф. Собр. соч. Т. 6. М., 1957. С. 156.

тируется. Закон определяет условия и формы, при которых допустимы ее ограничения, особенно личное задержание. Жилище неприкосновенно. Вторжение в него, домашние обыски, арест писем и бумаг могут производиться лишь в случаях и формах, указанных законом. Никто не может быть изъят от подсудности своим законным судьям. Нельзя учреждать исключительных судов или чрезвычайных комиссий. Наказания могут предписываться и налагаться лишь согласно закону. Собственность неприкосновенна. Полная или частичная экспроприация может применяться только в интересах общественного блага при условии предварительной уплаты «стоимости конфискуемого имущества собственнику». Гражданская смерть и наказание конфискацией не могут применяться. Свобода религии, образования религиозных обществ, домашнего и публичного отправления религиозных церемоний неприкосновенна. Пользование гражданскими и гражданско-политическими правами не зависит от вероисповедания. Однако пользование религиозной свободой не должно стоять в противоречии с гражданскими и гражданско-политическими обязанностями. Каждый пруссак имеет право свободно выражать свои мнения словом, письмом, печатью и изображениями. Цензура не может быть введена; всякого рода другое ограничение свободы прессы возможно только законодательным порядком¹.

В первой половине XIX в. в западно-европейских странах распространялась либеральная политико-правовая идеология. Она имела в качестве одной из своих тем идею человеческого достоинства. Например, заложивший основы либеральной политической теории² английский ученый Иеремия Бентам, отстаивая достоинство личности, утверждал, что человек сам должен заботиться о себе, о своем благополучии и не полагаться на чью-либо внешнюю помощь. Только он сам должен определять, в чем заключается его интерес, в чем состоит его польза.

Много внимания И. Бентам уделял обоснованию необходимости уважения со стороны государства собственности граждан как одной из гарантий их достойного существования. Он писал: «Руководствуясь великим принципом безопасности, законодатель обязан охранять существующее в государстве распределение собственности, независимо от характера последнего». Отступления от этой нормы, по мнению И. Бентама, негативно сказываются на материальном и духовном производстве жителей страны, ибо «когда я не надеюсь пользоваться плодами моего труда, то забочусь только о дневном существовании и не стану работать ради будущего»³.

¹ См.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 2. С. 155.

² С. С. Алексеев пишет, что магистральный путь развития человеческого общества – движение всего человечества от традиционных цивилизаций, в которых господствуют власть и ритуальная идеология, к либеральным цивилизациям, центром и смыслом существования которых становятся человек, его свобода, высокий статус личности, его достоинство и неотъемлемые права. См.: Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1998. С. 302–303.

³ См.: Дробышевский С. А. Указ. соч. С. 141–142, 148.

Английский мыслитель Джон Стюарт Милль полагал, что человеческое достоинство уважается в государстве в большей мере в условиях демократии, а не автократии. Но, по убеждению Д. С. Милля, и при демократии достоинству человека угрожает деспотизм общественного мнения, чреватый нивелированием личности, «усреднением» человека, подавлением индивидуальности.

По мнению Д. С. Милля, главное условие существования достойного государства – самосовершенствование народа. При этом характерная для демократии индивидуальная свобода есть мощный генератор всяких улучшений в обществе, ибо «там, где существует свобода, ... может быть столько же независимых центров улучшения, сколько индивидов». А исторический прогресс имеет место благодаря энергии, конструктивным усилиям всех их. Вместе с тем повиновение граждан власти и порядок в государстве выступают, по представлениям Д. С. Милля, неизменным условием прогресса как постепенного совершенствования, улучшения человечества в умственном, нравственном и социальном отношениях. И «лучшим правительством для всякого народа будет то, которое сможет помочь народу идти вперед»¹.

Французский ученый Б. Констан, так же как и Д. С. Милль, был озабочен идеей отстаивания достоинства личности. Б. Констан утверждал, что гарантированию человеческого достоинства способствует свобода европейца XIX в., то есть личная независимость последнего, его самостоятельность, безопасность, право влиять на управление государством.

С точки зрения Б. Констан, этим ценностям должны быть подчинены цели и устройство государства. Поэтому естественным ему кажется такой порядок организации политической жизни, при котором институты государства образуют пирамиду, вырастающую на фундаменте индивидуальной свободы, неотчуждаемых прав личности.

Подобно Б. Констану, высоко ценил человеческое достоинство французский ученый XIX в. Алексис де Токвиль. Причем он сформулировал закономерности организации государства, способствующие упрочению человеческого достоинства граждан этого политического сообщества. Сюда относятся разделение властей, местное самоуправление, свобода печати, религиозная свобода, суд присяжных, независимость суда, реальные возможности для граждан по собственной инициативе организовываться, чтобы действовать сообща².

Представитель немецкого либерализма Вильгельм фон Гумбольдт в своем научном творчестве также уделял внимание вопросам обеспечения

¹ См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 474; см. также: Милль Дж. Ст. Представительное правление. СПб., 1907; Милль Дж. Ст. О свободе. СПб., 1900.

² Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994; см. также: Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1911; История политических и правовых учений. М. : Норма, 2001. С. 479–482.

достоинства людей. При этом он обосновал модель наиболее благоприятного для человека положения в государстве. Таковым, по мнению ученого, может быть включенность всесторонне развитой индивидуальности, самобытнейшего «я» человека в разнообразные и притом тесные связи между людьми. Лишь в таком положении, считал В. Гумбольдт, человеческое достоинство проявляется наиболее полно. Он полагал, что достоинство принижается при государственном попечении о положительном благе граждан, то есть об их хозяйственном преуспевании и общественной карьере, об их нравственности, физическом здоровье, образе жизни, личном счастье. Однако В. Гумбольдт понимал полезность и нужность при известных обстоятельствах некоторых социально-охранительных функций, выполняемых политико-юридическими институтами, для обеспечения человеческого достоинства составляющих государство людей¹.

Очерченные либеральные представления о человеческом достоинстве отнюдь не сразу воплотились в праве западноевропейских стран, где жили их авторы. И в гораздо меньшей мере эти представления отразились в законодательстве остальных государств мира².

Примером может служить, в частности, первая Конституция Японии, принятая 1889 г. В ней у подданных императора признаются только те права, которые пожаловал властелин: за ними не признаны права и свободы природные или врожденные. Хотя в Конституции перечислены свобода выбора и перемены местожительства (ст. 22), свобода вероисповедания (ст. 28), свобода слова, печати, публичных собраний и образования союзов (ст. 29), в формулировках всех этих статей наличествуют ограничения, например, предусматривающие осуществление права «в границах закона». Интересно, что в этой Конституции в первую очередь указаны обязанности подданных, как то: военная служба (ст. 20), уплата налогов (ст. 21), а лишь затем перечислены их права³.

В России в первой половине XIX в. господствующие представления о человеческом достоинстве базировались отнюдь не на либерализме с его идеей о формально-юридическом равенстве всех людей. Хотя здесь в указанную эпоху в немалой степени сформировались предпосылки для либе-

¹ См.: История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Норма, 2001. С. 484–486.

² См.: Штатина М. А. Развитие административного права в Латинской Америке // Правоведение. 2000. № 7. С. 30; Алексеева Т. А. Байонский статут 1808 года в Испании // Правоведение. 2000. № 4. С. 189; Алексеева Т. А. Политическая конституция испанской монархии (1812 г.) // Правоведение. 2002. № 2. С. 183–184; Эурипидес Вальдес Лобан. Демократический идеал Хосе Марти и романо-латинская конституционная модель // Правоведение. 2001. № 2. С. 212, 214; Козьменко И. В. Петербургский проект Тырновской конституции 1879 г. (с Приложением протокольных записей и документов) // Исторический архив. М. – Л., 1949. Т. IV. С. 322–323; Графский В. Г. Тырновская конституция 1879 года: участие русских юристов в подготовке первой болгарской конституции // Государство и право. 1999. № 11. С. 65.

³ См.: Тадагава С. Конституция Японии 1889 г. и «модернизация страны» // Правоведение. 2002. № 4. С. 198.

ральных реформ, многое препятствовало реализации последних, в том числе существовавшее крепостное право.

Государственный аппарат, поддерживавший несвободу крестьянства, отчасти подобным образом действовал и по отношению к национальным меньшинствам. Так, торговцам еврейского происхождения запрещалось содержать в деревнях кабаки и постоянные дворы, вести торговлю и заключать договоры аренды¹.

В это время в России пользовались немалым влиянием идеи о человеческом достоинстве М. М. Сперанского, который констатировал, что лицо составляют жизнь, честь и способности как силы душевные и телесные². Выступая апологетом деления общества на сословия, он вместе с тем писал, что достоинство лица предполагает уважение к власти, навык повиновения, доброе имя, отличное воспитание, силу доброго племени и т. д. Государство должно уважать достоинство составляющих его сословий ради памяти заслуг, чувства благодарности, пользы и нужды опытности и добрых советов, а также в силу трудности новых избраний, сопровождающихся страстями и заблуждениями. М. М. Сперанский считал, что достоинство звания должно соединить с достоинством лица и утвердить его в потомстве. Таким образом, звание обращается в достояние рода. В результате образуются привилегии, то есть изъятия из общего личного права. М. М. Сперанский подчеркивал, что каждый разряд государственных сословий имеет свою честь³.

Она понимается как внутреннее чувство нравственного закона, заставляющее человека защищать добрую волю и истинное достоинство, не щадя жизни⁴. Рассуждая о таком понятии, как сила чести, М. М. Сперанский писал, что «непрестанные связи нужд и польз заставляют нас искать доверия других и доброго их мнения. Сие мнение есть честь. Побудительная сила, отсюда возникающая, суть двояка: награда и наказание. Награда состоит в одобрении и доверии и во всех выгодах, от сего проистекающих; наказание – в бесчестии и подозрении, со всеми вредными для нас их последствиями»⁵.

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юрист, 2004. С. 361; О существовавших в России до 1863 г. сословных ограничениях на занятие торговой и иной предпринимательской деятельностью см. также: Запрудный С. Торговое уложение Итальянского королевства и русские торговые законы. СПб., 1870. С. 4–5; Архипов И. В. Конкурсный процесс в системе торгового права России XIX века // Правоведение. 1999. № 1. С. 114.

² Сперанский М. М. Основания российского права // Правоведение. 2001. № 4. С. 231.

³ Сперанский М. М. Основания российского права // Правоведение. 2001. № 4. С. 232; см. также: Сперанский М. М. Обзор исторических сведений о Своде Законов. СПб., 1833. С. 118–119; Тимошина Е. В. Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2001. № 3. С. 224; Кудинов О. А. Официальные конституционные проекты Российской империи XIX в. // Государство и право. 2002. № 5. С. 70–78.

⁴ См.: Сперанский М. М. Четыре беседы с наследником престола // Правоведение. 1997. № 4. С. 70.

⁵ Сперанский М. М. Основания российского права (После 1822 г.). Публикация и комментарии Е. В. Тимошиной // Правоведение. 2001. № 3. С. 226.

По М. М. Сперанскому, теснейшим образом с силой чести связано влияние совести. «Внутреннее наше сознание о достоинстве наших деяний о вреде или пользе их для нас и для других – сознание, независимое от мнения других, – есть совесть»¹.

Он поднял проблему уважения человеческого достоинства людей, сосланных в Сибирь. В 1822 г., разрабатывая идею сибирской реформы, М. М. Сперанский отмечал, что к этому времени отсутствовали какие-либо гражданские и политические права ссыльных. В списки ссыльных, составлявшиеся на границе сибирского края, включались без различия в правовом и имущественном положении каторжане и поселенцы, мужчины и женщины, взрослые и дети. Судьба сосланных полностью находилась в руках смотрителей. Каждый ссыльный оставался там, куда попадал по случайному стечению обстоятельств².

Представления М. М. Сперанского и других отечественных мыслителей о градации человеческого достоинства в зависимости от сословной принадлежности людей претворялись в жизнь в российском праве. Так, законодательный акт, принятый в период правления Николая I и называвшийся «Наказ губернаторам», в разделе «Охранение прав» обращал особое внимание губернатора на обеспечение сословных прав граждан³. Правда, им защищались и иные права людей.

Так обстояли дела и в отечественном уголовно-исправительном праве. В частности, инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. прямо предписывала уважать достоинство человека. Предусматривалось, что смотритель обходится с находящимися под его надзором арестантами кротко и человеколюбиво: «...он старается приобрести их к себе доверенность расспрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами, но в исполнении своих обязанностей поступает со всей точностью и твердостью... При назначении наказаний смотритель должен соблюдать спокойствие духа и отнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы тем самым удостоверить виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости»

¹ «Но сознание не есть сила; оно не может само по себе преклонять воли без страха и надежды. Где же найти внутренний страх и надежду вне общества, вне пользы настоящего бытия, вне человеческих мнений? – В понятии Бога, Судии и Мздовоздаятеля, коего неизменяемое бытие удостоверяет человека и ручается ему в непрерывности бытия его; указывает ему другие пользы, другие мнения, другой суд, другой мир, – указывает вечность. Следовательно, 1) сила совести есть сила Религии; 2) чем возвышеннее чувство Религии, чем чище ее понятия, тем действительнее сила совести; 3) без Религии суд совести есть мнение, но не сила». См.: Сперанский М. М. Основания российского права (После 1822 г.). Публикация и комментарии Е. В. Тимошиной // Правоведение. 2001. № 3. С. 226.

² Сперанский С. И. Практика регионального управления М. М. Сперанского (1816–1821 гг.) // Государство и право. 2003. № 5. С. 82.

³ Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 12. Отд. 1. 1837. № 10303. СПб., 1838; Бельский К. С. О реформе губернаторской должности // Государство и право. 2001. № 1. С. 6.

(ст. 205)¹. Согласно ст. ст. 32–35 Инструкции смотрителю губернского тюремного замка предписывалось не только раздельное содержание преступников «по роду и важности их преступлений», женщин и мужчин, взрослых и несовершеннолетних, осужденных и следственных, но не разрешалось «смешивать» чиновников и разночинцев с «чернью». К тому же в ст. ст. 203–204 этого документа предписывалось давать арестантам пищу разного качества в зависимости от того, являются ли они чиновными лицами или людьми простого состояния².

Начиная со второй половины XIX в. в западноевропейских странах идет мощное развитие сложной инфраструктуры рыночной экономики и процесс демократизации, в политический процесс включаются все более широкие слои населения. Это выразилось в обогащении теоретических представлений о человеческом достоинстве, которые постепенно получали закрепление в виде юридических прав граждан.

Либеральная политическая идеология в отмеченную эпоху зачастую ставит знак равенства между человеческим достоинством и личной инициативой, а также и умением извлекать прибыль. Скажем, с точки зрения ряда либералов, наибольшим достоинством обладает тот индивидуум, который не довольствуется положением наемного рабочего – очень тяжелым и унижительным, – кто не мечтает вечно «ехать» на увядающем аристократическом авторитете, а проявляет смекалку, сообразительность, храбрость, чтобы утвердить себя как буржуа-предпринимателя. Громадное достоинство приобретает человек, способный не просто получить по наследству богатство, которое будет таять с каждым днем, но умеющий многократно приумножить имеющееся. Стяжание богатства, «делание денег», преобразование мира, дающее славу и прибыль – вот добродетели капиталистического сознания, его расшифровка слова «достоинство».

Лень, вялость, самоуспокоенность и даже стоическое хладнокровие, столь ценное в античности, не составляют достоинств человека буржуазного общества. Он должен быть стремительным при проявлении инициативы, активным, страстным, и не сердце его, а голова должна быть холодной, чтобы быстро и четко скалькулировать вероятные выгоды и убытки от возможного предприятия.

Формально равное право на человеческое достоинство в рыночном обществе имеют, конечно, все люди. Этим капитализм в корне отличается от предшествовавших ему социальных структур. Но наибольшим фактическим достоинством при капитализме обладают экономически преуспев-

¹ См.: Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т. М. Лопато. Пермь, 1903; Рассказов Л. П., Упоров И. В. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. как исток уголовно-исполнительного права России // Правоведение. 2000. № 2. С. 245.

² См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Указ. соч. С. 246.

шие. Предпринимательский и финансовый успех – та «волшебная сила», которая делает человека достойным в глазах других и позволяет ему ценить себя и гордиться собой.

Не случайно буржуазная эпоха устраняет сословной характер человеческого достоинства, свойственный феодализму, и утверждает совсем другой. Честь человека становится не наследственной, родовой, а индивидуальной и профессиональной: честью мастера своего дела, специалиста, преуспевающего предпринимателя. Хороший специалист или «профи» в условиях капитализма всегда пользуется спросом. Ученый же и организатор-финансист – важнейшие и уважаемые фигуры. Индивидуальная инициатива, богатство, успех – вот составные части «достоинства» человека в буржуазную эпоху¹.

Идея человеческого достоинства при капитализме признана приоритетной ценностью, смыслообразующим ядром идеологии либерализма. И это достоинство в процессе развития рыночной экономики увеличивалось в связи с усилением господства людей над природой.

Столь высокая оценка идеи человеческого достоинства в рассматриваемую эпоху обусловила признание защиты интересов личности, содействия росту индивидуального благосостояния и увеличения положительных социальных качеств в индивиде целями государственной политики в ряде буржуазных стран. Притом в общественном сознании этих государств усиливалось понимание следующего обстоятельства. Достоинство человека предполагает, что он должен быть приобщен к достижениям цивилизации и достичь определенного уровня нравственного и правового развития. Отсюда среди народных масс необходимо распространение образованности, преодоление невежества. Иными словами, в государстве требуется организованное органами публичной власти всестороннее воспитание и обучение человеческого индивида, привитие ему потребности стремиться к добру, истине, красоте, вырабатывать активную гражданскую позицию.

Во второй половине XIX в. было установлено, что в некоторых социальных условиях достоинство людей подрывается. Так обстоят дела, во-первых, когда под влиянием политической идеологии человеческие индивиды оказываются изолированными друг от друга и разобщенными; во-вторых, при наличии в социальной структуре деспотизма общественного мнения, ведущего к нивелированию личности; в-третьих, при чрезмерной опеке государства над индивидом, которая ведет к пассивности, иждивенчеству, лишает человека честолюбия и потребности быть деятельным.

В этот исторический период стало ясно и другое. Человеческое достоинство все больше уважается при обеспечении выравнивания экономических, социальных и политических возможностей индивидов в государст-

¹ См.: Золотухина-Аболина Е. В. Современная этика. Ростов н/Д : Март, 2003. С. 328–329.

ве, их юридической защищенности, права влиять на управление государством, неприкосновенности частной жизнедеятельности. Вот почему развитие идеи человеческого достоинства в рассматриваемую эпоху привело к формированию современного каталога прав человека.

Однако он вырабатывался в ходе тяжелой борьбы сторонников капитализма с многообразными социальными силами, противившимися капиталистическим отношениям. В ходе этой борьбы возникают и разрешаются многочисленные проблемы, связанные с признанием человеческого достоинства за иностранцами, женщинами, детьми, людьми с небелым цветом кожи, индивидуумами, подвергшимися бесчестию вследствие преступления или позорного образа жизни, и т. д.

Содержание категории человеческого достоинства и каталога прав человека при капитализме формировалось и под влиянием социалистической политической идеологии. Она, особенно учение марксизма, проповедовала идею о необходимости обеспечить каждому человеческому индивидууму достойное существование более высокого качества в смысле материальных условий жизнеобеспечения, чем представляемое капитализмом самым униженным людям¹. При этом классики марксизма утверждали, что при капитализме «чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства»².

Они не сомневались в том, что с обобществлением средств производства станет непреложным возвышение человеческого достоинства. «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие»³.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России разные идейные течения общественной мысли выдвигали собственные представления о че-

¹ В «Манифесте Коммунистической партии» подчеркнута, что добившийся своего политического господства пролетариат осуществит (наряду с другими мерами) деспотическое вмешательство в право собственности и в буржуазные производственные отношения, сосредоточит все орудия производства в руках государства, централизует транспорт и кредит, введет одинаковую обязательность труда для всех и создаст промышленные армии. Милитаризация труда рисовалась тогда авторами «Манифеста» одним из способов его организации. Пролетариат «в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения». До тех пор пока все производство не сосредоточится в руках «ассоциации индивидов», публичная власть сохраняет свой политический характер. «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 562.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 294.

ловеческом достоинстве. При этом их выразителями предпринимались усилия по закреплению выдвинутых идей о человеческом достоинстве в праве.

Еще в 1847 г. П. Я. Чаадаев в письме П. Вяземскому отмечал ряд положительных качеств всех русских людей: бескорыстие сердца и скромность, совестливость и самоотречение, светлый ум¹. При этом он подчеркивал, что настоящая история русского народа «начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить, и когда начнет выполнять её с тем настойчивым, хотя и скрытым, инстинктом, который ведет народы к их предназначению»².

Представления П. Я. Чаадаева о высоких личных качествах русского народа разделяли представители славянофилов и западников как направлений российской общественной мысли рассматриваемого периода. Другое дело, что славянофилы и западники предлагали развивать указанные высокие личные качества русских людей разными путями.

Идея славянофилов, определявшая их взгляды на возвышение человеческого достоинства россиян, заключалась в необходимости следования русского народа по самобытной дороге социального прогресса. Причем этот путь должен вытекать из всей предыдущей российской истории, позволившей создать великие материальные и духовные ценности.

Так, славянофил А. С. Хомяков в своих трудах отдавал должное достойной жизни в Древней Руси, когда, по его мнению, еще не было корыстолюбия судей, честолюбия бояр и властолюбия духовенства. Возврат к достойной жизни, по его мнению, возможен через характерную для русского общества общину, где присутствует моральная связь между людьми и их нравственное воспитание³.

При этом славянофилы противопоставляли путь возвышения человеческого достоинства россиян и подобную дорогу, по которой развивались западноевропейские общества. Так обстояли дела именно в силу господства в жизни россиян общинных начал, чего, по мнению славянофилов, не наблюдалось в Западной Европе. Например, И. В. Киреевский отмечал среди достоинств русского народа стремление к цельности бытия внешнего и внутреннего, общественного и частного, умозрительного и житейского и утверждал, что европейская жизнь сложилась на почве индивидуализма, исторической основой которого было независимое существование каждого отдельного рыцаря⁴.

Сильное влияние общины на жизнь русских людей подчеркивали и западники. В частности, виднейший их представитель А. И. Герцен писал,

¹ См.: История политических и правовых учений. М. : Норма, 2005. С 569–570.

² См.: Там же. С 568–569.

³ См.: Там же. С 571–574.

⁴ См.: Там же. С. 575.

что русский мужик, даже в крепостном состоянии более личность, чем западный буржуа, поскольку соединяет в себе личное начало с общинным¹.

Другое дело, что в России рассматриваемого периода весьма часто звучала и критика в адрес характерной для России общины. Так, М. А. Бакунин писал о недостатках общинного быта. Во-первых, это «безобразное принижение женщины, абсолютное отрицание и непонимание женского права и женской чести». Во-вторых, в общине присутствует «совершенное бесправие... лица перед миром и всеподавляющая тягость этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, отсутствие права не только юридического, но простой справедливости в решениях того же мира...»².

Западники полагали, что своё человеческое достоинство российский народ возвысит, восприняв лучшие достижения западной цивилизации, в частности, высокоразвитую машинную промышленность, а также либеральную идеологию. Правда, последняя нередко подвергалась критике видными представителями российской общественной мысли. Так, Н. Г. Чернышевский, критикуя западноевропейские либеральные теории, писал: «Все конституционные приятности имеют очень мало цены для человека, не имеющего ни физических средств, ни умственного развития для этих десертов политического рода»³.

В западной политической культуре, о заимствовании которой Россией шла речь, отечественных общественных деятелей особенно привлекала достигнутая степень политической свободы личности. Например, рассуждая о свободе как об одном из выражений достоинства человека, А. И. Желябов писал: «Личная свобода человека, то есть свобода мнений, исследований и всей деятельности, снимет с человеческого ума оковы и даст ему полный простор». Более того, «свобода... не допустит того, чтобы безнравственные люди забрали в свои руки страну, разорили ее...»⁴.

Причем российские теоретики, даже не относящиеся к западникам, считали русский народ способным применить ценности западной свободы для возвышения собственного достоинства. Скажем, Н. Я. Данилевский писал: «Едва ли существовал и существует народ, способный вынести и большую долю свободы, чем народ русский». Основу для такой уверенности он находил в привычках русского человека к повиновению, в его до-

¹ См.: Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Московский сборник. 1852. Т. 1. С. 27; Акчурина Н. В. Идея органического развития в русском правоведении XIX века // Правоведение. 2000. № 3. С. 77; Тарнас Р. История западного мышления / пер. с англ. Т. А. Азаркович. М., 1995.

² История политических и правовых учений. М. : Норма, 2005. С. 591.

³ История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2002. С. 529.

⁴ История политических и правовых учений. М. : Норма, 2005. С. 606.

верчивости к власти, в отсутствии властолюбия, в его «непритязательности, умеренности в пользовании свободой»¹.

Западниками являлись русские либералы. Они особенно сильно выступали за утверждение в России характерной для западноевропейского общества свободы и других его ценностей. Притом отечественные либералы второй половины XIX – начала XX в. в основной своей массе были патриотами. Посредством утверждения в России либерализма они стремились сделать ее процветающей страной и тем самым возвысить достоинство русского народа. В частности, исходя из этой теоретической позиции, П. Б. Струве утверждал, что «либерализм, в чистой его форме, то есть как признание неотъемлемых прав личности... и есть единственный вид истинного национализма, подлинного уважения и самоуважения национального духа, то есть признания прав его живых носителей и творцов на свободное творчество и искание...»².

Борьба охарактеризованных течений общественной мысли постепенно сказывалась на российском законодательстве. Правящие в стране круги понимали: отсталость России по сравнению с западными державами дальше не может быть терпима. Ведь она не только принижала достоинство всех россиян вместе и каждого из них в отдельности перед лицом процветающих государств, но и в отдалённой перспективе грозила России полным проигрышем в геополитическом соревновании с мощными странами на ее западных и восточных границах.

В этих условиях в России были предприняты реформы, которые модернизировали основные сферы жизни русского общества. В частности, крестьяне получили освобождение от крепостной зависимости, право заниматься торговлей, открывать предприятия, вступать в гильдии, обращаться в суд на равных основаниях с представителями других сословий, поступать на службу, отлучаться с места жительства³. В законодательстве наблюдается тенденция к уравниванию в статусе удельных, государственных и помещичьих крестьян и объединению их в сословие крестьян с единой юрисдикцией⁴.

Для облегчения крестьянского малоземелья был учрежден Крестьянский банк. По закону о переселенцах 1889 г. им предоставлялись значительные льготы: на три года они освобождались от податей и воинской повинности, следующие три года подати взимались с них в половинном размере⁵.

¹ История политических и правовых учений. М. : Норма, 2005. С. 607.

² Цит. по: Жуков В. Н. Возрождённое естественное право в России конца XIX – начала XX в.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. 2001. № 4. С. 102.

³ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М. : Юрист, 2004. С. 466–467.

⁴ См.: Ялбулганов А. А. Развитие законодательства о налогообложении земли в дореволюционной России // Государство и право. 1999. № 12. С. 96.

⁵ См.: История России XIX – начала XX в. / под ред. В. А. Федорова. М., 2000. С. 350–351.

Проведение крестьянской реформы требовало неотложной перестройки системы местного управления. Нужно было создавать всеобщее самоуправление. Реформы в этой сфере сопровождались политической борьбой. И если наиболее консервативные представители дворянства настаивали на создании открытых и существенных привилегий для своего класса в проектируемых земских органах, то группы либералов, ориентирующиеся на капиталистический путь развития России, требовали всеобщих земских организаций. Так, радикально настроенное тверское дворянство в своём постановлении заявляло о необходимости независимо от правительства создать «собрания выборных от всего народа без различия сословий», в адресе к императору они требовали снятия с дворянства сословных привилегий¹.

Устроители земской реформы не решились открыто провести сословный принцип формирования новых местных органов². Однако для российских правящих кругов было неприемлемым и всеобщее избирательное право. Поэтому для выборов земских учреждений предполагалось разделить все уездное население на три части – курии, в каждой из которых «преобладает одно из главных исторически сложившихся сословий». Вдобавок избирательная система должна была комбинировать сословное начало с началом имущественного ценза.

Получившаяся куриальная система позволяла правительству заранее планировать число выборщиков от сословий и регулировать их соотношение в земских учреждениях. Таким способом оно всегда могло обеспечить в них преимущество представителей правящего класса³.

19 ноября 1864 г. был принят Устав гимназий и прогимназий ведомства народного просвещения. Этот документ предоставлял возможность получить среднее образование детям из всех сословий. Он «пустил» в гимназии так называемых «кухаркиных детей», что, безусловно, отвечало интересам развития капитализма в России⁴.

Этому же процессу способствовали и принятые нормативно-правовые акты, улучшавшие положение формирующегося в России рабочего класса. Так, в 1882 г. был принят закон, впервые ограничивший продолжительность рабочего дня для малолетних и женщин. Для контроля за условиями труда этих категорий рабочих учреждались фабричные инспекции⁵.

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 427.

² Вместе с тем согласно ст. 17 Положения о губернских и земских учреждениях 1864 г. в избирательных съездах не могли участвовать «лица, опороченные по суду или общественному приговору». См.: Местное самоуправление в России. Отечественный исторический опыт. М., 1998. С. 206.

³ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 427–430; см. также: Положение о губернских и уездных земских учреждениях (1 января 1864 г.); Городовое положение 16 июня 1870 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. М.: Проспект, 2007. С. 237–239, 245–246.

⁴ См.: Новицкая Т. Е. Реформы Александра II // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1998. № 6. С. 51–52.

⁵ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 466–467.

Предпринятые в 60–70-х годах XIX в. реформы, безусловно, возвышали достоинство всех россиян вместе и каждого в отдельности, ибо означали социальный прогресс. Однако эти мероприятия были неполными и непоследовательными. Более того, после них были осуществлены контрреформы 1880–1890 гг., которые частично свели на нет осуществленные преобразования.

Так, С. А. Муромцев расценил закон 1889 г. о земских участковых начальниках, который «отдает крестьянское население под опеку дворянского сословия», как откровенное возвращение к старым дореформенным порядкам в обществе и государстве. Нужна же была медленная, постепенная трансформация правового и политического строя России в русле, намеченном реформами 1860–1870-х годов¹.

Логику государственной политики в это время прекрасно характеризуют слова члена фракции конституционных демократов в Государственной Думе третьего созыва А. С. Изгоева, правда, произнесенные позднее: «Развертываются широкие и заманчивые программы будущих реформ, затем происходит какой-то маневр, поражение без боя, отступление без сражения, и из программы исчезает значительная часть того, что недавно в ней красовалось»².

В конце XIX в. в России на арене борьбы политических идеологий появляется новая сила – западническая по происхождению. Речь идет о социалистах-марксистах, которые подобно либералам стремились модернизировать российское государство, но по иному пути.

Либералы и марксисты имели одно общее убеждение. Все они считали, что достоинство россиян безусловно возвысится, если Россия покончит с организацией социальной жизни, характерной для феодализма. Но в то время как либералы выступали за частную собственность на средства производства, за свободу предпринимательства, а также за демократические изменения в политической сфере, марксисты боролись за обобществление экономических ресурсов в государственных масштабах и за хотя бы отчасти диктаторское правление в целях осуществления своей программы. Причем оба эти движения рассчитывали обеспечить подъем достоинства российского народа посредством реализации отмеченных проектов.

С течением времени целенаправленные усилия либералов и социалистов по ликвидации основ феодальной организации России становились все более результативными³. Скажем, в июне 1902 г. состоялся нелегаль-

¹ Муромцев С. А. Статьи и речи. Вып. V. М., 1910. С. 76 (цит. по: Немытина М. В. Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // Правоведение. 1997. № 4. С. 59).

² Изгоев А. С. Русское общество и революция : сб. статей. М., 1910. С. 80 (цит. по: Решетников А. Б. Законодательная база аграрной реформы 1905–1911 гг. в России // Государство и право. 2002. № 12. С. 92).

³ Особенно это проявлялось там, где социалисты и либералы имели общие взгляды. Так, социалистический оттенок естественно-правовых воззрений русских либералов ярко выразился в их требо-

ный съезд представителей земских учреждений, который выработал широкую программу либеральных реформ. На земском съезде в 1904 г. была определена необходимость следующих нововведений: обеспечения неприкосновенности личности, свободы вероисповедания и печати, политического равноправия граждан, предоставления крестьянам равных с другими сословиям личных прав и т. д. В ответ на это давление правительство в декабре 1904 г. издало манифест, в котором провозглашалось, что крестьянство уравнивается в правах с другими сословиями, вводится государственное страхование рабочих, расширяется компетенция земских и городских учреждений, предполагается пересмотр законодательства о раскольниках и евреях, устранение ограничений печати¹.

В августе 1904 г. были отменены телесные наказания крестьян, применявшиеся по приговорам волостных судов. В феврале 1905 г. опубликован указ, разрешавший населению подавать проекты об усовершенствовании государственного устройства. При этом Совету министров предписывалось принимать и рассматривать любые проекты реформ. Министру внутренних дел рекомендовалось привлекать избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений².

6 августа 1905 г. царь утвердил акт об учреждении Государственной Думы и положение о выборах в нее³. Для выборов устанавливалась куримальная система, сочетавшая в себе имущественные и сословные критерии. Правительство для каждой курии устанавливало особые нормы представительства (по куриям земледельцев, городской и крестьянской).

Правда, от выборов отстранялись многие категории населения: лица моложе 25 лет, женщины, военнослужащие, находящиеся на действительной службе, учащиеся, бродячие инородцы, неоседлые народы.

События осени 1905 г. сорвали выборы в Думу. Более того, 17 октября 1905 г. был принят Манифест об усовершенствовании государственного порядка, провозгласивший свободу совести, слова, собраний и союзов. По нему законы не могли вступать в силу без одобрения Государственной Думы⁴.

вании признать право всех членов общества на «достойное человеческое существование», под которым подразумевалась материальная защищенность личности, «равенство исходных шансов», минимальный гарантированный набор материальных благ. См.: Жуков В. Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX – начала XX в.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. 2001. № 4. С. 101.

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 486–488, 495.

² См.: Там же. С. 484.

³ См.: Положение о выборах в Государственную Думу. 6 августа 1905 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. М.: Проспект, 2007. С. 253–256; см. также: Сидельников С. И. Образование и деятельность первой Государственной Думы. М., 1962.

⁴ См.: Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1999. С. 44–52; Васильева Н. И. К истории Манифеста

Первым опытом законодательного осуществления свободы союзов стали изданные 4 марта 1906 г. Временные правила об обществах и союзах. В них воплощалось логическое завершение происходившего на протяжении XIX – начала XX в. процесса децентрализации государственного контроля над обществами и союзами, переданного из ведения центральной власти в местные учреждения. В написанном по прошествии ряда лет после издания Временных правил учебном пособии теоретик административного права А. И. Елистратов указывал, что «Временные правила 4 марта 1906 г., в противоположность старому законодательству, с его безусловно отрицательным отношением к «сходбищам», «скопищам» и «обществам», так или иначе признают в России начало свободы... обществ. Но это совершенно новое для нашей административной практики начало еще с великим трудом укладывается в русскую жизнь»¹. Не случайно общества рабочих в крупных промышленных центрах зачастую создавались под эгидой полиции.

По Манифесту 17 октября 1905 г. было обещано допустить к выборам в законодательную Думу ранее отстраненные от них слои населения. Правительственный проект создания законосовещательного «народного представительства» предполагал положить в основу избирательного порядка не сословный, а либеральный имущественный ценз².

Весной 1906 г. Первая Дума начала работу. По словам В. И. Ленина, она имела «самый революционный в Европе состав народного представительства...»³. В ней, к примеру, было крестьян и землевладельцев – 121 человек, 17 фабричных рабочих, 16 священников, 39 адвокатов, 16 врачей, 16 профессоров и доцентов, 11 журналистов и т. д.⁴ В своем адресе царю депутаты, в частности, потребовали полной амнистии политзаключенных и отмены смертной казни⁵.

В октябре 1906 г. был подписан Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц бывших податных состояний». Этим Указом декларировалось предоставление всем российским подданным (кроме инородцев) одинаковых прав относительно государственной службы; крестьяне могли свободно избирать местожительство; от-

17 октября 1905 г. // Правоведение. 1974. № 1; Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие (государственно-правовые проблемы). Л., 1975.

¹ Административное право. Лекции А. И. Елистратова. М., 1911. С. 165 (цит. по: Туманова А. С. Законодательство об общественных организациях России в начале XX в. // Государство и право. 2003. № 8. С. 84).

² См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 485; см. также: Шацилло К. Д. Первая революция в России 1905–1907 гг. М., 1985.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 38.

⁴ См.: История государства и права России. М., 2003. С. 228.

⁵ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 507; см. также: Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений 11 декабря 1905 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 2007. С. 257–260.

менялся порядок обязательного исключения крестьян из сельского общества при поступлении их на государственную службу, получении ордена, ученой степени, при окончании курса учебного заведения, производстве в чин, приобретении ими высших прав состояния. Поэтому крестьяне при поступлении на государственную службу, в учебные заведения не должны были предоставлять «увольнительные», выдававшиеся сельскими обществами¹.

В феврале 1907 г. начала работу Вторая Государственная Дума. Премьер-министр П. А. Столыпин здесь изложил широкую программу либерального законодательства: установление равноправия крестьян, бессловного самоуправления, легализацию профсоюзов и экономических стачек, сокращение рабочего времени, принятие законопроектов, обеспечивающих свободу совести и веротерпимость, гарантирующих неприкосновенность личности (арест, обыски и цензура должны были осуществляться только на основе судебного решения)².

Попытки демонтажа основ феодализма в России продолжались и позже. Третьей Думой были, в частности, в июне 1912 г. предприняты законодательные меры по социальному страхованию рабочих. Так, согласно новому порядку при потере трудоспособности от несчастных случаев пенсии полностью оплачивали владельцы предприятий, для выплаты пособий по болезни учреждались «больничные кассы», взносы в которые делали рабочие и предприниматели³.

В анализируемый период дворянство стремилось использовать свои словесные организации для остановки демонтажа феодализма. Скажем, для этого был создан «Постоянный совет объединенных дворянских обществ». Сходную политику вели и так называемые «черносотенные» объединения, например, «Союз русского народа», «Русское собрание», «Союз русских людей».

Лозунгом этих организаций стал призыв – «Православие, самодержавие, народность». Они сделали ставку на возвеличивание русского народа и принижение достоинства «инородцев», считали, что русская народность как собирательница земли и устроительница государства является державной, господствующей и первенствующей.

С их точки зрения, все народности делились на дружественные и враждебные русскому народу. Отсюда предполагалось установить ограничения юридических прав финнов, поляков, кавказцев и евреев.

Крепнущая российская буржуазия претендовала на все большую политическую роль в обществе, встречая противодействие дворянства и государственной бюрократии. По мнению В. М. Клеандровой, в единую

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 513.

² См.: Там же. С. 508–509.

³ См.: Там же. С. 510; Положение о выборах в Государственную думу. 3 июня 1907 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 2007. С. 268–270; Государственная Дума 1906–1917 гг. Стенографические отчеты : в 4 т. М., 1995; Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

и сознательную политическую силу российская буржуазия стала складываться в период революции 1905–1907 гг.¹ Именно в это время она создала свои политические партии: «Союз 17 октября» и партию конституционных демократов (кадетов).

Правоцентристская партия «Союз 17 октября» предлагала ввести социальное обеспечение и страхование рабочих, признать законными стачки, сократить рабочий день. В то же время по отношению к буржуазии эта партия проповедовала идею «чистого либерализма»: предлагала освободить предпринимательство от правительственной опеки².

Близкие идеи отстаивали и конституционные демократы. В частности, в программу партии кадетов (1905 г.) были включены следующие положения: право на забастовку, выборные (от рабочих) инспекции труда, 8-часовой рабочий день, запрет ночного и сверхурочного труда, уголовная ответственность за нарушение законов о труде и т. д.³

Несмотря на все усилия либералов и марксистов, в начале XX в. основы феодальной организации российского государства еще не были подорваны. Так, продолжал действовать Свод законов Российской империи, определявший положение сословий. Согласно ему различались четыре главных сословия: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Из городских обывателей была выделена особая сословная группа почетных граждан. Дворянство сохраняло большинство своих прежних привилегий⁴.

Крестьяне составляли в начале XX в. около 80 % населения России. И после отмены крепостного права они продолжали оставаться в юридическом отношении низшим сословием.

Вместе с тем в стране нарастала социальная напряжённость, обусловленная быстрым развитием новых экономических форм. Углублялся конфликт между помещичьим и крестьянским секторами экономики. Пореформенная община уже не могла сдерживать социальной дифференциации крестьянства.

В таких обстоятельствах главная опора самодержавия – дворянство – теряло монополию на государственную власть. Кроме того, по верному замечанию А. Н. Боханова, к началу XX в. отчуждение от этой власти той части общества, которую было принято называть «образованными слоями», было уже вполне отчетливым⁵.

Чтобы его преодолеть, требовалось устранить сословный строй. Однако этого не было сделано. Как уже отмечалось, во II Государственную Думу было

¹ См.: История государства и права России. М. : Проспект, 2003. С. 219.

² См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 498–499.

³ См.: Там же. С. 497.

⁴ См.: История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2003. С. 217–218; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.

⁵ См.: История России с начала XVIII до конца XIX / Л. В. Милов, П. Н. Зырянов, А. Н. Боханов ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : АСТ-ЛТД, 1998. С. 538.

внесено соответствующее предложение. Но она была распущена царским указом от 3 июня 1907 г., а «третьеиюньская» III Дума в силу ее консервативного состава даже не рассмотрела вопроса об упразднении сословного строя¹.

Вот почему он пронизывал многие сферы жизни людей. Так, проявление сословности в понимании человеческого достоинства нашло отражение в тексте п. 3 Отпускного билета воспитанника Александровского Лицея (1906 г.), которому предписывалось «при встрече Государя Императора, Особ Императорской Фамилии, Попечителя и Директора Лицея становиться во фронт, прикладывая правую руку к шляпе, а Членов Совета, Инспектора, Профессоров, Воспитателей и Преподавателей приветствовать отданием чести, не становясь во фронт»².

Неудачное ведение Россией военных действий в ходе Первой мировой войны, само по себе являвшееся выражением её отсталости по сравнению с основным военным противником, поставило под угрозу само существование независимого российского государства. В этих условиях утверждение многих либеральных свобод в результате Февральской революции 1917 г.³ не только не усилило Россию в геополитическом плане, но и способствовало её дальнейшей дезорганизации перед лицом сильных и сплочённых врагов. В итоге вопрос о необходимости экстренных общегосударственных программ с целью сохранения России на международной арене в качестве независимого государства встал очень остро.

Разумеется, положительное решение этого вопроса способствовало бы возвышению достоинства россиян, подорванного из-за неудачной практики военного противоборства с мощными врагами. Отсюда ясно, что та политическая сила, которая смогла бы обеспечить проведение общих для всех граждан России мероприятий по сохранению и укреплению их государства, возвысила бы достоинство российского народа.

¹ См.: Каламкарян Р. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : Материалы международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 48.

² Ильин А. В. Отпускной билет воспитанника Александровского Лицея (1906 г.) // Правоведение. 2000. № 6. С. 221.

³ Что касается либеральных мер, проведенных в жизнь временным правительством, то речь идет о следующем. Скажем, Временное правительство провозгласило полную политическую амнистию, основные права и свободы граждан, равноправие военнослужащих с гражданскими лицами и т. д. 2 марта 1917 г. было отменено титулование офицеров («ваше благородие», «ваше превосходительство» и т. п.). В марте же была отменена смертная казнь. См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 529–532; Государственный строй Российской империи накануне крушения // Сборник законодательных актов / сост. О. И. Чистяков, Г. А. Кутьина. М., 1995; Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989; Черменский Е. Д. Государственная Дума и свержение царизма в России. М. : Мысль, 1976; Российское законодательство X–XX вв. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М. : Юрид. лит., 1994; Пушкарёва И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982; Иоффе Г. З. Февральская революция. Крушение царизма // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10–11; Декларация Временного правительства о его составе и задачах. 3 марта 1917 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 2007. С. 273; Сенцев А. А. Развитие Российского государства после февральской революции 1917. Краснодар, 1994.

Эту задачу пыталось решить Временное правительство, пришедшее к власти в результате Февральской революции 1917 г. Так, оно приняло Декларацию по вопросам экономической политики, в которой указывалось на необходимость планомерного государственного вмешательства в экономику.

Эта политическая линия осуществлялась на практике¹. Предполагалось даже введение трудовой повинности и установление рабочего контроля на предприятиях. В урегулировании конфликтов между трудом и капиталом участвовали правительственные комиссары. Создавались специальные органы по регулированию экономики (Экономический совет, Главный экономический комитет и др.), целью которых была стабилизация хозяйственной ситуации в стране, ведущей войну и охваченной революцией.

Правительство делало попытки регулировать все секторы народного хозяйства (промышленность, торговлю, сельское хозяйство и финансы), издавая общие и специальные правовые акты, продолжало применять военно-административные методы, введенные еще до революции. Например, в марте 1917 г. было принято постановление Временного правительства «Об обеспечении снабжением государственных и общественных учреждений, путей сообщения, заводов и предприятий, работающих на нужды обороны, металлами и топливом»².

К сожалению, перечисленные усилия не дали положительных результатов. Дезорганизация в стране усиливалась. И задачу сохранения государственной независимости России и тем самым возвышения достоинства россиян смогло решить марксистское правительство, пришедшее к власти в октябре 1917 г.³

¹ Правда, подобные мероприятия начало ещё царское правительство. Именно им в ходе Первой мировой войны был взят курс на мобилизацию капитала, регулирование сырьевого рынка, внешней торговли (закупок), рынка труда. На многие товары законодательным путем и во всероссийском масштабе вводились твердые цены. В ноябре 1916 г. было принято постановление о введении продовольственной разверстки. См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 522–524, 526. См. также: Закон об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов от 17 августа 1915 г.; Положение об особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства от 17 августа 1915 г.; Положение о военно-промышленных комитетах от 27 августа 1915 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 2007. С. 270–272.

² См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 537, 541, 549; Постановление временного правительства об усилении наказаний за антивоенные выступления на фронте от 30 мая 1917 г., Постановление Временного правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении «Военно-революционных» судов от 12 июля 1917 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 2007. С. 276–277; Соглашение между Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков о введении восьмичасового рабочего дня, организации фабрично-заводских комитетов примирительных камер от 10 марта 1917 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 2007. С. 279–280.

³ См.: Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957; Второй Всероссийский съезд Советов. М., 1957; Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977; Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997; Байбаков С. А., Сивохина Т. А. У истоков советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.). М., 1993; Божанов В. А. Восхож-

Прежде всего оно демонтировало остатки феодальной социальной организации. Так, большевистский Декрет о земле провозглашал конфискацию помещичьих земель и имений, отменял право частной собственности на землю. Она переходила во всенародное достояние и пользование всех трудящихся¹. В ноябре 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов. В январе 1918 г. Декретом СНК церковь была отделена от государства².

Далее большевистская власть в течение ряда десятилетий осуществляла ряд общегосударственных программ модернизации. В результате их Россия превратилась из аграрной страны в передовую индустриальную державу. Более того, она стала одним из двух самых мощных в мире государств.

Это соответствующим образом сказалось на достоинстве россиян. Оно в немалой степени увеличилось.

Правда, такой прогресс был достигнут дорогой ценой. Для осуществления своих программ большевики ликвидировали частную собственность на средства производства и либеральное право на свободу предпринимательства, а также запретили политическую оппозицию марксистской власти. Официальной идеологией в России на несколько десятилетий стал коллективизм, который некогда в других формах пропагандировали славянофилы.³

дение к абсолютной власти: большевики и советское государство в 20-е годы. Минск, 1995; Булдаков В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 8–48; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917–1918. М., 1987.

¹ См.: Декрет о земле Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть II (XX в.) / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юристъ, 2006. С. 24–26.

² См.: Ирошников М. Н. Декреты Великого Октября. М., 1967; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917–1918. М., 1987; Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977; Рабочим, солдатам и крестьянам! : Обращение II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть II (XX в.) / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юристъ, 2006. С. 20–21; Декларация прав народов России // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть II (XX в.). С. 28–29.

³ В российских научных изданиях последних лет нет недостатка в критических высказываниях в адрес советского государства и права. См., например: Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков : Фолио, 1999. С. 441–442; Казанин И. Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (октябрь 1917–1919 г.) // Правоведение. 2000. № 5. С. 198; Петрухин И. Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. С. 64; Мамонов В. В. Становление национальной безопасности Российской Федерации // Правоведение. 2001. № 4. С. 73; Закомлистов А. Ф. Концептуальная сущность юриспруденции // Государство и право. 2003. № 12. С. 101; Работяжев Н. В. Политическая система тоталитаризма: структура и характерные особенности // Вестник МГУ. Сер. Политические науки. 1998. № 1; Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Рыжов В. С. К судьбе государственного управления // Государство и право. 1999. № 2. С. 22. Неоднократно высказывались и критические замечания в адрес либерализма. См.: Эбзеев Б. С. Теоретические проблемы современного российского конституционализма : науч.-практ. семинар / публикацию подготовила Т. Я. Хабриева // Государство и право. 1999. № 4. С. 114–116; Луи П. Рабочий и государство. М., 1904; Урсалова О. В. Из истории правового регулирования коллективных договоров в России // Правоведение. 2002. № 3. С. 217; Горячева М. В. Критика Фридрихом Ницше генезиса и идеалов демократического государства // Правоведение. 2000. № 1. С. 255; Тихомиров Л. А. Демократия либеральная и социальная // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 4. М., 1997. С. 248; Современный либерализм. М., 1998.; Азми Д. М. Э. Фромм о позитивных и негативных аспектах современной демократии // Государство и право. 2002. № 5. С. 103, 107; Байбакова Л. В. Гровер Клив-

В частности, непродолжительный период нэпа завершился огосударствлением подавляющей части экономики. В государстве была введена юридическая обязанность трудиться для всех его граждан, как отмечали большевики, «в целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства»¹.

Основы введенного большевистской властью нового общественно-го строя получили обобщённое закрепление в ряде советских конституций, например, в Конституции СССР 1936 г. Ее X глава «Основные права и обязанности граждан» начиналась со ст. 118, предусматривающей право на труд. Далее следовали права на оплату труда; на отдых; на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности; на бесплатное образование и т. д. (ст. ст. 118, 119, 120, 121). Конституция устанавливала равноправие граждан независимо от их пола и национальной принадлежности (ст. ст. 122, 123). При этом влияние официальной коллективистской идеологии выразилось, помимо всеобщей воинской повинности, в предусмотренных ст. ст. 130, 131, 132, 133 обязанностях граждан блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития; беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и силы родины, зажиточной и культурной жизни всех трудящихся².

ленд: классический либерализм в тупике // Проблемы американистики. Вып. 10; Либеральная традиция в США и ее творцы. М., 1997; Согрин В. В. Либерализм в России: перипетии и перспективы // Общественные науки и современность. 1997. № 1; Азми Д. М. Политико-правовые взгляды Э. Фромма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 5; Рыбаков О. Ю. Политическое отчуждение человека. Саратов, 1997; Рыбаков О. Ю. Человек в политике: пути самореализации. Саратов, 1995; Гулиев В. Е., Колесников А. В. Отчужденное государство. М. : Манускрипт, 1998. С. 172; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 13. Но все же большинство ученых склонны к признанию необходимости сочетания в государстве либеральных и коллективистских начал. См.: Теоретические семинары юридического факультета Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (ИВЭСЭП) / Материалы подготовлены И. Л. Честновым // Правоведение. 2001. № 2. С. 232; Теоретические проблемы современного российского конституционализма : науч.-практ. семинар // Государство и право. 1999. № 4. С. 113–114; Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 19; Лунеев В. В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5. С. 48–49; Российское государство и право на рубеже тысячелетий : Всерос. науч. конф. // Государство и право. 2000. № 7. С. 10; Поляков А. В. Рецензия на книгу Баскина Ю. Я., Баскина Д. А. Павел Иванович Новгородцев (Из истории русского либерализма). СПб., 1997 // Правоведение. 1998. № 4. С. 206; Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М. : Зерцало, 1998. С. 26; Чуринов Н. М. Об идеологии и религии в гражданском обществе // Теория и история. Красноярск, 2004. № 1. С. 11.

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; см. также: Чистяков О. И. Развитие Конституции Российской Федерации. М., 1980; он же. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984; Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987; Берхин И. Б. Первая Советская Конституция РСФСР 1918 г. М., 1988.

² См.: История государства и права России в документах и материалах. 1930–1990-е гг. / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. Минск : Амалфея, 2005. С. 99–101; Берхин И. Б. К истории разработки Конституции СССР 1936 г. // Строительство Советского государства : сб. статей. М., 1972. С. 63–80.

Могущество Советского Союза в 70-х – 80-х гг. XX в. само по себе было гарантией высокого достоинства всего коллектива россиян. В этих условиях их коллективное достоинство необходимо было дополнить возвышением достоинства каждой отдельной личности, которое при большевистском правлении в ряде отношений уступало достоинству отдельного человека в ведущих западных демократиях.

Такая цель была достигнута в ходе преобразований российского общества в конце XX в., либеральных по своей сути. Другое дело, что в ходе их осуществления общегосударственным программам модернизации страны некоторое время не уделялось должного внимания. Вот почему в период президентства в России В. В. Путина и Д. А. Медведева отстаивание человеческого достоинства как отдельного россиянина, так и всего российского народа стали приоритетными задачами отечественного государства, решаемыми одновременно. Причем их реализация происходит на базе современной российской Конституции 1993 г., в целом дающей для этого достаточные возможности, воплощенные в предусмотренных ею юридических правах и обязанностях российских индивидуумов и организаций.

Предшествующее изложение свидетельствует о следующем. В течение исторического развития в политических доктринах выражалось и в праве закреплялось разнообразие отличающихся друг от друга представлений о человеческом достоинстве. Скажем, с точки зрения одних теоретиков, достоинствами человека признавались трудолюбие и поддержание им крепкого здоровья, активное участие в политических делах, его стремление общаться с себе подобными с целью их улучшения; образование индивидуумом семьи, рождение и воспитание детей, так называемая схолическая жизнь, понимаемая как постоянное совершенствование человеком собственного ума и тела. Другие же теоретики считали, что человеческое достоинство проявляется в качествах, противоположных перечисленным, например, в праздности, в отстраненности от политических дел, в стремлении обособиться от окружающих и не помогать им, когда есть возможность способствовать улучшению этих лиц, в воздержании от создания семьи, от рождения и воспитания детей, от постоянной работы по совершенствованию собственного ума и тела.

Чтобы разобраться, какие из приведенных противоположных воззрений о человеческом достоинстве являются верными, нужно обратить внимание на очевидный факт. Во всех случаях люди должны сохранять независимое политическое общество, где они живут, и обеспечивать прогрессивное развитие таких социальных организмов. Причем есть личные человеческие качества, обладая которыми конкретные индивидуумы могут достичь указанных целей. Вместе с тем есть и другие человеческие качества. Их наличие у людей препятствует реализации сформулированных устремлений.

Следует считать достойным человеческих индивидуумов только такой образ жизни, который обеспечивает самосохранение и прогрессивное развитие независимых политических обществ. Ведь объявление конкретного поведения лица достойным или недостойным должно обеспечивать самосохранение и прогресс человечества, а не его самоликвидацию.

Отсюда можно заключить, что во все времена достойными человека качествами должны считаться трудолюбие, поддержание им крепкого здоровья, активное участие в делах государства, стремление общаться с себе подобными и делать их лучше по мере своих сил, образование семьи, рождение и воспитание детей, упомянутая схолическая жизнь. Все эти качества обеспечивают самосохранение любого независимого политического общества. Иными словами, если они провозглашены в теории как составляющие человеческого достоинство и закреплены в праве как необходимые для всех людей, то такие идеи и правовое регулирование на их основе во всех случаях обеспечивают продолжение существования независимого политического общества, где эти идеи сформулированы в юридических нормах.

Итак, критерием оценки разных представлений о человеческом достоинстве должны выступать способствование или препятствование этих воззрений самосохранению и прогрессу независимого политического общества. Являются верными те представления о человеческом достоинстве, которые соответствуют самосохранению и прогрессивному развитию независимого политического общества. Естественно, что именно такие представления требуется закреплять в праве для достижения указанных целей.

Мыслители в различных независимых политических обществах довольно часто полагают, что достоинство человека определяется его личными качествами и прежде всего способностью эффективно выполнять определенный круг дел в государстве. Но иногда высказывается мнение, что достоинство человека зависит от его происхождения или унаследованного богатства, то есть от качеств, которые совсем или зачастую не вытекают из личных способностей их обладателя. Однако самосохранению государства способствует лишь положение, когда достойными здесь признают людей, обладающих вполне определенными личными качествами, позволяющими приносить пользу государству. Причем такое воззрение сформулировано в праве и реализуется при применении юридических норм.

РАЗДЕЛ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНИЯХ О ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВЕ

ГЛАВА 3. ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ И ПРАВЕ

Современное научное знание о человеческом достоинстве формируется в условиях быстрого исторического развития и активного участия в политических процессах широких слоев населения на всей планете. При этом идея человеческого достоинства, являясь непреложной общечеловеческой ценностью, как правило, дает содержание всей системе прав человека.

В последние десятилетия категория «человеческое достоинство» стала предметом исследования видных ученых в области юриспруденции. Особенно часто это происходило в правовых государствах, где она интересна для правоведов как элемент теоретической модели такого сообщества.

Как известно, правовое государство – это не только научная конструкция, но и практическая организация политической власти и обеспечения прав человека. Оно предполагает функционирование гражданского общества и рыночной экономики. Это государство, которое исходит из принципов права, требуемых такими обществом и экономикой, при формулировании законов и осуществлении иных своих функций.

Идея человеческого достоинства в правовом государстве прежде всего выступает в форме юридического равенства всех его граждан независимо от имущественного положения, расы, религии и прочих качеств. Вместе с тем она воплощается и во всех правах человека и гражданина, представленных здесь в праве.

Сама идея человеческого достоинства в разных правовых государствах понимается в юриспруденции неоднозначно. Разумеется, и вытекающие из этой идеи трактовки прав человека и гражданина в рассматриваемых государствах также имеют разное содержание. Более того, в каждой отдельной стране из числа правовых государств юристы и государственные деятели расходятся во мнениях относительно и содержания идеи человеческого достоинства, и ее воплощения в юридических правах человека и гражданина. В частности, так обстоят дела в современной Германии.

Прежде всего здесь действует ряд актов международного права, в том числе Всеобщая декларация прав человека, оценивающих человеческое дос-

тоинство как неотъемлемое свойство личности, при разрушении которого последняя уничтожается¹. Причем эти акты закрепили целую систему прав человека и гражданина, выражающих идею человеческого достоинства.

Можно сказать, что немалое воздействие концепция человеческого достоинства оказала на конституционное право Германии. «Достоинство человека неприкосновенно: уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти», – гласит абз. 1 ст. 1 Основного закона Федеративной Республики Германии. Уже само по себе помещение данного положения в первой статье немецкой Конституции подчеркивает его особое значение. Тем самым законодатель стремился продекларировать отрицание национал-социализма с его лозунгом «Ты – ничто, твой народ – все» и заложить фундамент нового государственного порядка, основанного на идее о том, что человек должен быть важнейшей целью как для себя самого, так и для государства.

Немецкий опыт в области применения норм о достоинстве человека может быть полезен российской правовой науке и практике. В немецком конституционном праве достоинство личности представляет собой не только одно из основных прав, но и важнейший конституционный принцип. Достоинство человека и другие фундаментальные права личности рассматриваются в конституционном праве Германии как предшествующие появлению государства и, следовательно, стоящие в иерархии ценностей выше, чем государственный интерес. Суд трактует человеческое достоинство в свете кантианского взгляда, а именно, что к людям всегда надо относиться как к конечной цели, а не только как к объектам манипуляции².

Согласно ч. 2 ст. 1 Основного закона ФРГ немецкий народ привержен нерушимым и неотчуждаемым правам человека как основе любого со-

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека // *Права человека* : сб. междунар.-правовых док. Минск, 1999. С. 1–5; здесь же см.: Итоговый документ Венской встречи 1989 года представителей государств – участников СБСЕ. С. 678–692; Декларация о праве на развитие. С. 377–380; Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования. С. 91–96; Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. С. 214–216; Конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод Совета Европы. С. 761–772; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. С. 119–122; Конвенция о правах ребенка. С. 135–137; Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. С. 460–463; Конвенция о свободе ассоциации и защите прав на организацию. С. 300–304; Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации. С. 66–69; Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него. С. 78–83; Международный пакт о гражданских и политических правах. С. 13–27; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. С. 3–15.

² Федеральный конституционный суд Германии написал в решении по делу о микропереписи населения: «Человеческое достоинство находится на самой вершине конституционного порядка ценностей... Государство нарушает человеческое достоинство, когда относится к людям как к объектам. Следовательно, требовать от человека, чтобы он записал и зарегистрировал все аспекты своей индивидуальности, неконституционно, даже если такие попытки проводятся анонимно в форме статистического обзора; государство не может обращаться к человеку как к объекту, подлежащему какой-либо инвентаризации...» См.: Соболева А. Н. *Топическая юриспруденция*. М. : Добросвет, 2002. С. 157.

общества людей, мира и справедливости. Эти основные права связывают законодательство, исполнительную власть и правосудие как непосредственно действующее право, то есть любое лицо, будучи носителем основного права, может требовать его реализации в силу самого Основного закона независимо от наличия или отсутствия конкретизирующих законов или подзаконных актов¹.

При формулировании содержания гарантии достоинства человека специалисты в области конституционного права ФРГ выделяют три основных аспекта: понятие достоинства человека, неприкосновенность достоинства, его уважение и защита. Содержание данного понятия изменяется с течением времени и зависит от культуры общества, в котором оно развивается. Поэтому немецкая юридическая наука отказывается от его определения как раз и навсегда установленного. А. Бланкенагель справедливо пишет, что мы не должны заполнять содержание достоинства человека нашими сегодняшними представлениями о нем: для будущих поколений, для другого общества сегодняшняя формула неприкосновенности может быть только исходным материалом из-за изменчивости ее культурного содержания².

Действительно, норма о достоинстве человека создателями Основного закона задумывалась прежде всего как защита от жестокого, унижающего обращения со стороны государства. Речь шла о физической неприкосновенности человека. Сегодня речь идет уже об уважении и защите персональной идентичности и психической неприкосновенности человека.

Остановимся на анализе понятия достоинства, применяемого в немецкой судебной практике. Федеральный Конституционный суд Германии (далее ФКС) постоянно подчеркивает, что неопределенность данного в праве понятия человеческого достоинства и многозначность его толкования являются большим преимуществом, так как позволяют юридической норме, содержащей понятие человеческого достоинства, сохранять определенную «открытость» и дают возможность ее применения к постоянно изменяющейся действительности³.

¹ См.: Конституционное право зарубежных стран : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. А. М. Страшун. М. : БЕК, 1998. С. 350–357; Конституционное право зарубежных стран / под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М. : Норма, 2003. С. 496–498; Вольман Г. Чем объясняется стабильность политического и экономического развития ФРГ // Государство и право. 1992. № 11; Государственное право Германии. Т. I, II. М. : ИГП РАН, 1994; Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1991; Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М. : Юрид. лит., 1981; Конституции государств европейского союза. М., 1997.

² См.: Blankenagel A. Gentechnologie und Menschenwuerde. Ueber die Strapazierung Von juristischem Sachverstand und gesundem Menschenverstand anlaesslich einesernsten Themas // Kritische justiz. 1987. S 388; Гаскарова М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 154.

³ См.: Брусин А. М. Защита конституционных прав и свобод личности как направление деятельности Федерального Конституционного суда и конституционных судов земель ФРГ: Сравнительно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

В германской судебной практике правовая норма о человеческом достоинстве применяется очень осторожно, так как существует опасность того, что гарантия достоинства человека может быть использована «по мелочам». Тем более что в практике ФКС подобное иногда случалось. Наиболее красноречивый пример: рассмотренная Конституционным судом жалоба одного гражданина на почтовую службу Германии. Суть жалобы заключалась в следующем. В счете за телефон в его имени была допущена ошибка, вместо одной буквы стояла другая. По мнению заявителя, тем самым было нарушено его человеческое достоинство¹.

Вместе с тем судьям ФКС ясно и другое. Чем шире толкуется понятие достоинства человека, тем сильнее опасность того, что «неприкосновенность» достоинства потеряет свой смысл².

В юридической науке Германии нет единого мнения по вопросу о том, является ли достоинство человека основным правом. ФКС также не дал однозначного ответа на этот вопрос.

Однако при рассмотрении конституционных жалоб ФКС все же исходит из того, что достоинство человека – это основное право. И его судебная практика определяет область защиты права на достоинство посредством выяснения, какие действия государства будут нарушением данного права. Так что проблема определения области защиты права на достоинство трансформируется в проблему определения посягательств на него³.

Среди немецких авторов существуют и иные точки зрения на природу человеческого достоинства. Например, Х. Хофман корнем человеческого достоинства считал разум человека, его способность к свободному самоопределению и нравственной автономии.⁴ С его точкой зрения сходно христианское видение этого понятия, основанное на том, что человек обладает достоинством потому, что создан по образу и подобию Божию⁵.

Вместе с тем существует и другой теоретический подход. Так, Н. Лухман считает, что человек сам определяет содержание своего достоинства. Причем оно имеет скорее социологическое, чем юридическое, со-

¹ См.: Гаскарова М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 155.

² Из-за неопределенности содержания понятия достоинства, его зависимости от ситуации и тесной связи норм о нем с другими определить сферу защиты права на достоинство очень сложно. Первые попытки его конкретизации базировались на том, что человеческое достоинство является «неинтерпретируемым тезисом». Ученые осторожно оперировали достоинством человека как абстрактным понятием и пытались не рассматривать его практическую значимость.

³ См.: Гаскарова М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве. С. 155.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

держание, заключааясь в самоидентификации личности¹. Если исходить из необходимости обеспечения основных прав человека и гражданина, то проблема определения области защиты права на достоинство перетекает в проблему определения посягательств на него. Основное преимущество такого подхода состоит в его гибкости. Он позволяет учитывать вновь возникающие угрозы достоинству человека.

Теоретически эта концепция была обоснована Г. Дюрихом как формула объекта («Objektformel»). Согласно этой формуле «нарушение достоинства человека происходит при отчетливо выраженном пренебрежении ценностью личности, низведении человека до «голого» средства в руках государства»².

Судебная практика и юридическая наука ФРГ опираются на формулу Дюриха как на ориентир для конкретизации области защиты достоинства. Однако и эта формула является достаточно неопределенной. Современное государство довольно часто вмешивается в область свободы человека. И избежать того, чтобы человек не становился при этом «голым» средством для достижения тех или иных целей, довольно трудно³.

Интересный подход ФКС Германии проявил при решении дела «О книге Клауса Манна “Мефистофель”»⁴. Клаус Манн опубликовал сатирический роман, повествующий о карьере своего родственника Густава Грюндгенса, – актера, во времена третьего Рейха игравшего Фауста и тем самым снискавшего славу.

Герой романа, Хендрик Хёфген, стал карикатурным изображением своего прототипа. Поэтому в 1964 г., когда роман было решено переиздать, приемный сын Грюндгенса добился судебного решения, запрещающего распространение этой книги на том основании, что она порочит доброе имя и память ушедшего из жизни актера.

¹ См.: Luhman N. Grundrechte als Institution 1965; Гаскарова М. Л. Указ. соч. С. 155.

² См.: Duerig G. Grundgesetz fuer die Bun desrepublik Deutschland. Kommentar 24 Art. 1 GG in: Maunz-Duerig. Grundges – ez – t kommentar, 4 Aufl. Muenchen Berlin, 1974 (цит. по: Гаскарова М. Л. Указ. соч. С. 153).

³ В этом отношении показательным решением Конституционного суда Берлина по делу председателя Государственного Совета бывшей ГДР Э. Хонеккера. Он был подвергнут предварительному заключению в возрасте 81 года как обвиняемый в соучастии в убийствах около 68 человек. Необходимость предварительного заключения обосновывалась возможностью попытки бегства обвиняемого. Однако Хонеккер к моменту заключения страдал от прогрессирующей стадии рака и по заключению врачей довольно скоро по причине болезни был бы не в состоянии участвовать в уголовном процессе и вряд ли дожил бы до приговора суда. Конституционный суд Берлина, следуя решению ФКС о том, что содержание под стражей человека, страдающего от тяжелой, неизлечимой болезни и близкого к смерти, не согласуется с требованием уважения его достоинства, гарантированным ст. 1, абз. 1 Основного закона ФРГ, признал, что предварительное заключение Э. Хонеккера и дальнейшее ведение уголовного процесса нарушают его достоинство. В данном случае осуждение обвиняемого было бы лишь превентивной мерой предупреждения преступлений, то есть устрашением других наказанием, а обвиняемый служил бы именно «голым» инструментом в руках государства. См.: Гаскарова М. Л. Указ. соч. С. 156.

⁴ См.: Соболева А. К. Указ. соч. С. 159.

Издатель, считая, что подобное решение несовместимо со ст. 5 (3) Основного закона, гарантирующей свободу искусства и научного творчества, обратился в ФКС Германии. И Конституционному суду пришлось делать выбор между правом на свободу художественного творчества, с одной стороны, и правом на защиту личной жизни и человеческого достоинства – с другой (ст. 1 Основного закона).

В своем решении судьи заявили, что «должны... отвергнуть мнение, будто конституционный порядок, права других и моральный кодекс могут ограничить свободу художественного творчества... С другой стороны, право на свободу художественного творчества не является неограниченным... Мы должны решать конфликт, – указали судьи, – касающийся гарантии художественной свободы, посредством интерпретации Конституции, исходя при этом из порядка ценностей, установленного в Основном законе, и из единства этой фундаментальной системы ценностей. Как часть системы ценностей Основного закона свобода художественного творчества тесно связана с достоинством человека, гарантированным ст. 1, которое как наивысшая ценность подчиняет себе всю остальную систему ценностей Основного закона. Но гарантия свободы искусства может приходиться в противоречие с конституционно охраняемой сферой частной жизни в силу того, что произведение искусства может иметь и социальные последствия. Так как произведение искусства действует не только как эстетическая реальность, но и существует в социальном мире, использование художником частных сведений о людях из его окружения может нарушить их права на общественное уважение и признание». Поэтому «необходимо принять во внимание, является ли и в какой мере «образ» конкретного человека в произведении искусства столь независимым от «оригинала» в результате художественной обработки материала и его включения в общую ткань произведения и подчинения ей, что и сама личность, и интимные аспекты ее жизни стали объективными в смысле общего символического характера «действующего лица». Если такое исследование... обнаруживает, что художник дал и даже хотел дать «портрет» оригинала, тогда разрешение конфликта зависит от степени художественной абстракции или степени и важности «вымысла» с точки зрения репутации или памяти заинтересованного лица».

ФКС отметил, что, принимая решение по данному делу, суды общей юрисдикции вынесли правильное постановление, адекватно взвесив конфликтующие между собой конституционные права сторон. И он отвел заявление Клауса Манна о том, что запрет на публикацию книги «Мефистофель» является диспропорциональным по отношению к праву прототипа главного героя на уважение. При этом Конституционный суд исходил из того, что принцип пропорциональности при вторжении в права человека

принимается во внимание только тогда, когда речь идет о вторжении в них государства. В данном же случае суд взвешивал права двух частных лиц.

В практике ФКС также есть примеры взвешивания им ценностей иного порядка при решении дел о защите человеческого достоинства. При этом в 1976 г. в одном из дел ФКС констатировал: «Конституционный суд не может пересматривать решения нижестоящего суда только потому, что если бы он сам решал конкретное дело, он бы по-другому взвесил противовесы и, следовательно, пришел бы к другому решению»¹.

Авторы немецкого учебника по основным правам человека Б. Пирот и Б. Шлинк систематизировали возможные посягательства на человеческое достоинство. При этом они выделили нарушения принципа равенства всех людей (рабство, крепостничество, дискриминация, продажа женщин и детей); нарушение телесной и духовной неприкосновенности человека (пытки, медицинские манипуляции и нарушения телесной неприкосновенности с целью добиться беспрекословного подчинения, парализация воли человека через наркотики и гипноз, систематические унижения); пренебрежение социальной ответственностью со стороны государства по отношению к отдельному человеку (лишение минимума, необходимого для существования человека)².

По мнению этих авторов, делая акцент именно на неприкосновенности достоинства человека, законодатель хотел подчеркнуть то, что оно есть высший объект защиты Конституции. Словами «достоинство человека неприкосновенно» был легитимирован основной принцип системы ценностей немецкого государства: человеческая индивидуальность является высшей ценностью в нем. Человеческое достоинство понимается не как метафизическая легитимация государства, а как закрепленное на конституционном уровне положение о том, что государство служит человеку. Человеческое достоинство нарушается тогда, когда обращение публичной власти с человеком, предписанное законом, ставит под сомнение его ценность как личности. Свободная личность, ее ценность и автономность должны уважаться и защищаться государством. Запрещается обращаться с ней как со средством даже ради самых лучших намерений. Это противоречит достоинству человека. Достоинство превалирует над всеми основными правами и функционирует как принцип политики немецкого государства. Этим подчеркивается значение достоинства человека как высшей ценности свободного демократического общества. Любое посягательство на человеческое достоинство представляет собой его нарушение, которое ничем нельзя оправдать³.

¹ Kommers D. The Constitutional Jurisprudence. P. 388; Kommers Donald P. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham and London : Duke University Press, 1989. P. 443 (цит. по: Соболева А. К. Указ. соч. С. 160).

² См.: Гаскарова М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве. С. 156.

³ См.: Pieroth B., Schlink B. Grundrechte Staatsrecht II 9 ueberarb. Aufl. 1993. S. 91; Гаскарова М. Л. Указ. соч. С. 157.

Не случайно в науке немецкого конституционного права существует точка зрения, отрицающая то, что человеческое достоинство имеет характер основного права. Так, Х. Драйер считает, что достоинство есть основной принцип, а не субъективное право. Именно как принцип оно влияет на деятельность государственной власти и гибко воздействует через судебную практику на понимание основных прав. Причем, по взглядам Х. Драйера, достоинство человека только выигрывает от того, что не является основным правом, получая тем самым дополнительное значение. Включение достоинства в систему основных прав привело бы к ослаблению его роли в качестве принципа государственной политики¹.

Однако анализ правоприменительной практики ФКС свидетельствует о защите человеческого достоинства как права, установленного нормой². Правда, его нормативное содержание весьма специфично.

Как указал Ф. Кейлер, каждое отдельное основное право, которое обеспечивает определенную часть человеческих потребностей, осуществляет защиту человеческого достоинства в этой области. Иными словами, любое основное право является частичным воплощением человеческого достоинства и источником всех позднее сформулированных основных прав³.

Что касается периода действия германского конституционного положения о человеческом достоинстве применительно к течению жизни отдельного лица, то он не ограничивается промежутком времени от рождения до смерти рассматриваемого индивидуума. Современный немецкий юрист П. Хеберле отмечал, что «о содержании понятия достоинства

¹ См.: Гаскарова М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве. С. 157.

² В связи с этим интересно постановление ФКС по делу о конституционности ограничения основного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, в котором речь идет о допустимости секретных мероприятий для обеспечения безопасности государства. Заявители считали, что в случае неуведомления подозреваемого о том, что его телефон какое-то время прослушивался, затронутым является его право на достоинство человека, так как он становится «голым» объектом деятельности государственных спецслужб. В этом случае исключается и возможность судебной защиты нарушенного права просто потому, что человек не осведомлен о посягательстве на его право. ФКС отметил, что ст. 1 абз. 1 Основного закона ФРГ не нарушается в случае, если лицо не уведомляется о том, что за ним установлено наблюдение, так как это происходит не с целью проявления неуважения к личности человека, а вследствие необходимости защиты демократического порядка. Таким образом, достоинство человека приоритетно по отношению к государству, но по отношению к безопасности государства гарантия достоинства человека имеет подчиненное значение. Такие мероприятия государства ставят под сомнение факт, что достоинство является неприкосновенным. Поэтому «формула Дюриха» была ограничена следующим образом: не каждое низведение государством гражданина до средства для достижения целей автоматически нарушает его достоинство.

Решение ФКС по этом делу вызвало резонанс в Германии. В особом мнении трех конституционных судей указывалось на то, что необходимо рациональное взвешивание противоречащих друг другу правовых благ, в данном случае права личности на тайну переписки и т. д. и деятельности секретных служб государства. Заявители остались не удовлетворены решением ФКС и обратились в Европейский суд по правам человека. См.: Класс и другие против ФРГ: Судебное решение от 6 сентября 1978 года // Европейский суд по правам человека : избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 168–186.

³ См.: Гаскарова М. Л. Указ. соч. С. 158.

человека можно говорить применительно ко всей его жизни – от рождения до смерти. Но в ряде случаев этот конституционный принцип действует даже до и после упомянутых событий. Парадигмами могут служить защита личного достоинства умершего и дискуссия о правах плода во чреве матери»¹.

Показанные на примере Германии проявления идеи человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве типичны и для других зарубежных правовых государств современности. Причем так обстоят дела, независимо от того, называют или не называют юристы конкретной страны свое государство правовым, если по сути оно таким является с отстаиваемых в данной работе теоретических позиций. Скажем, во Франции, как и в Германии, идея человеческого достоинства не только тщательно разработана в политико-юридических доктринах в формах, в принципе подобных германским, но и воплощена в праве, прежде всего в конституционном, в виде многообразных прав человека и гражданина, по существу тождественным германским основным правам этого рода². В частности, преамбула Конституции Франции 1946 г. гласит: «На другой день после победы, одержанной свободными народами над режимами, которые пытались поработить и унижить человеческую личность, французский народ вновь провозглашает, что всякое человеческое существо, независимо от расы, религии и верований, обладает неотъемлемыми и священными правами. Он торжественно подтверждает права и свободы человека и гражданина, освященные Декларацией прав 1789 г., и основные принципы, признанные законами Республики», и прежде всего принцип равноправия всех людей. В британских политико-юридических доктринах и праве идея человеческого достоинства также раскрыта в теоретических обобщениях, сходных с германскими, и в каталоге основных прав личности, защищенных и германским правом³. Другое дело, что англичане базировали свои

¹ См.: Государственное право Германии. Т. 1 / пер. с нем. М., 1994. С. 22.

² См.: Ардан Ф. Франция: государственная система. М. : Юрид. лит., 1994; Боботов С. В. Правосудие во Франции. М. : ЕАВ, 1994; Боботов С. В., Васильев Д. И. Французская модель правового государства // Советское государство и право. 1990 г. № 1; Боботов С. В., Колесова Н. С. Современная концепция прав и свобод гражданина во Франции // Государство и право. 1992. № 6; Ковалев А. М. Современное состояние Конституции V республики во Франции (проблемы реформы Конституции) // Государство и право. 1997. № 4; Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М. : Прогресс-Универс, 1993; Маклаков В. В. Парламент Франции // Парламенты мира. М. : Высш. шк. ; Интерпракс, 1991; Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1989; Цоллер Э. Защита прав человека во Франции // Государство и право. 1992. № 12.

³ См.: Дэйси А. В. Основы государственного права Англии. М. : Тип. изд-ва. И. Д. Сытина, 1907. С. 223; Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : БЕК, 1998. С. 15–16; Бромхед П. Эволюция британской конституции. М. : Юрид. лит., 1978; Вейш Я. Я. Религия и церковь в Англии. М. : Наука, 1976; Великобритания: политика, экономика, история. СПб. : Изд-во КН, 1995; Дженкс Э. Английское право. М. : Госюриздат, 1947; Крылова Н. С. Английское государство. М. : Наука, 1981; Уэйд Э. К. С. и Филлипс Д. Г. Конституционное право. М. : Иностр. лит., 1950; Шаповал В. Н. Британская конституция. Политико-правовой анализ. Киев : Лыбидь, 1991; Романов А. К. Правовая система Англии : учеб. пособие. М. : Дело, 2000.

современные теоретические выводы и юридические нормы о достоинстве и правах человека на освященных веками британских политико-правовых идеях Великой хартии вольностей, Билля о правах и Хабеас корпус акта подчас в большей мере, чем немцы и французы.

ГЛАВА 4. НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

На современном этапе развития российской правовой науки задача формирования теоретических представлений о человеческом достоинстве является весьма актуальной. Это обусловлено тем, что, как отметил Л. С. Мамут, имеющиеся сегодня в отечественной юридической литературе абстрактные и аморфные суждения о человеческом достоинстве пока позволяют характеризовать отмеченное явление лишь в виде как-то угнездившейся в отдельном индивиде трудноуловимой субстанции¹.

В целях преодоления такого положения, несовместимого с нуждами воплощения в российском праве ценностей правового государства, необходимо обратиться к трудам современных отечественных философов и филологов, где теоретические представления о человеческом достоинстве разработаны в гораздо большей степени. Так, известный философ В. Морозов давал следующее определение: достоинство личности есть осознание ею своего общественного значения, право на общественное уважение, основанное на признании обществом социальной ценности человека. При этом, полагал он, содержание господствующих в том или ином обществе взглядов на человеческое достоинство определяется в конечном счете характером общественных отношений, от которого зависит положение личности в обществе².

Философ О. Г. Дробницкий был автором статьи «Достоинство» в нескольких изданиях философского словаря³. Он писал: «Достоинство – понятие морального сознания, выражающее представление о ценности личности в виде морального отношения человека к самому себе и общества к индивиду». Так что «сознание собственного достоинства является формой

¹ Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 9.

² См.: Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 2. М. : Сов. энциклопедия, 1962. С. 58.

³ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1981. С. 104–105; Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1986. С. 135; Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1991. С. 129.

самоконтроля личности, на которой основывается требовательность индивида к себе. В этом отношении требования, идущие от общества, принимают форму специфически личных (поступать так, чтобы не унизить своего достоинства)».

Иными словами, по О. Г. Дробницкому, «достоинство наряду с совестью – один из способов осознания человеком своего долга и ответственности перед обществом». Причем достоинство личности немыслимо без «отношения к ней со стороны окружающих и общества в целом, заключая в себе требования уважения личности» и признания ее прав.

В обоих указанных случаях «достоинство выступает как важная сторона социальной и моральной свободы личности». И нравственные представления о человеческом достоинстве в конкретном обществе неразрывно связаны с развитием здесь правосознания, гражданской зрелостью людей, «реальной обеспеченностью прав человека»¹.

Отсюда ясно, что «достоинство человека является выражением его личностной ценности»², и понятие человеческого достоинства говорит нам об этом. Чувство же собственного достоинства личности есть переживание ею собственной ценности и утверждение последней, возможно, вопреки обстоятельствам³.

Достоинство человека можно также определить иначе: как совокупность его высоких моральных качеств, их уважение человеком в самом себе; сознание лицом своих прав, своей значимости. Вместе с тем достоинство личности выступает в качестве внешнего проявления ее самоуважения, сознания своей значимости⁴.

В итоге раздумий над всем отмеченным о взглядах на достоинство человека в отечественной неюридической науке можно дать следующие определения. *Человеческое достоинство как сложное и многогранное явление – это самоуважение личности, ее нравственное, справедливое отношение к себе, стремление к снисканию уважения других людей и необходимость уважать других индивидов.* Это то, что отличает человека от иных живых существ, превалирует над биологическими инстинктами и, не теряя своей сущности после смерти индивида, выражает абсолютную ценность человека, его неповторимость, автономию его личности и индивидуальную свободу, свободу духовно-нравственных исканий и творчества. В то же время рассматриваемый феномен – это совокупность социально-этических качеств человека, таких как великодушие, принципиальность, мужество, справедливость, гражданственность, честность, совестливость,

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. С. 170.

² Краткая философская энциклопедия. М. : Прогресс-Энциклопедия, 1994. С. 144.

³ См.: Золотухина-Аболина Е. В. Современная этика. Ростов н/Д : Март, 2003. С. 315.

⁴ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. С. 279–280.

добродетельность, отзывчивость, благоразумие, стремление к познанию истины и творческому самовыражению.

Обратимся теперь к определению понятия достоинства человека в отечественной юриспруденции. Уже в самом определении понятия «мораль» многие отечественные правоведы используют термин «достоинство» или же прямо говорят об общественной оценке, то есть фактически о содержании категории достоинства. Так, по мнению Н. И. Матузова, мораль представляет собой известную совокупность исторически складывающихся и развивающихся жизненных принципов, взглядов, оценок, убеждений и основанных на них норм поведения, определяющих и регулирующих отношения людей друг к другу, обществу, государству, семье, коллективу, классу, окружающей действительности¹. Л. А. Морозова утверждает: «Мораль представляет собой правила поведения, основанные на представлениях людей о добре и зле, достоинстве и чести, справедливости, долге и служащие мерилom и оценкой деятельности индивидов, организаций и других субъектов»².

Е. А. Лукашева писала, что мораль – это система исторически определенных взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках людей, регулирующих их отношения друг к другу, к обществу, к определенному классу, государству и поддерживаемых личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения всего общества, определенного класса либо социальной группы. Критериями таких норм, оценок, убеждений выступают категории добра, зла, честности, благородства, порядочности, совести. С таких позиций даются моральная интерпретация и оценка всех общественных отношений, поступков и действий людей³.

По утверждению А. Ю. Мордовцева, мораль формируется в духовной сфере жизни общества. Нормы морали опираются на складывающиеся в сознании общества представления о добре и зле, чести, достоинстве, порядочности и т. п., которые вырабатываются философией, религией, искусством в процессе этического осмысления мира⁴.

С. А. Комаров утверждал, что мораль (нравственность) – это взгляды, представления и правила, возникающие как непосредственное отражение условий общественной жизни в сознании людей в виде категорий справедливости и несправедливости, добра и зла, похвального и постыдного, поощряемого и порицаемого обществом, чести, совести, долга, достоинства и т. д.⁵ По мнению В. Д. Попкова, в морали выражены представле-

¹ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М. : Юристъ, 2001. С. 326–327.

² Морозова Л. А. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2004. С. 185.

³ См.: Проблемы общей теории права и государства. М. : Норма, 2002. С. 205.

⁴ Теория государства и права. Ростов н/Д : Март, 2002. С. 325.

⁵ Комаров С. А. Общая теория государства и права. М. : Манускрипт, 1996. С. 139.

ния людей о добре и зле, справедливости, достоинстве, чести, трудолюбии, милосердии¹.

Суммируя приведенные высказывания, можно сказать, что *мораль – это совокупность исторически складывающихся и развивающихся норм, взглядов, оценок, представлений о человеческом достоинстве, справедливости, равенстве, свободе и других общечеловеческих ценностях*. Иными словами, человеческое достоинство есть моральная категория.

Как полагают отечественные специалисты, в юриспруденции в данном случае речь идет об аспекте проблемы соотношения права и морали². Ведь человеческое достоинство как нравственная ценность закрепляется в юридических нормах³. Причем право тем самым способствует реализации

¹ Теория государства и права. М., 1996. С. 323–327.

² Так, А. Ф. Черданцев писал, что «термины «мораль» и «нравственность» однозначны. Первое название латинского происхождения (*mos moralis* – нравы), второе – русского. Наряду с ними используется термин «этика» (от греческого – *ethica, ethos* – обычаи, нравы). Последний термин используется также для обозначения науки о нравственности» (Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт, 2001. С. 323). А. В. Малько утверждал, что мораль и нравственность можно рассматривать в качестве синонимов. Этика же есть наука о морали (нравственности). См.: Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М. : Юрист, 2001. С. 241. Существует, однако, и другая точка зрения. В. С. Копаев, признавая, что довольно часто в современной научной и научно-популярной литературе термины «мораль» и «нравственность» используются как синонимы, считает, что в истории философии и этики были мыслители, различавшие мораль и нравственность. Например, у великого немецкого философа Гегеля право, мораль и нравственность выступают тремя последовательными ступенями развития «объективного духа». В марксистской этике также принято различать эти понятия: под моралью понимают моральное сознание, а под нравственностью – обычаи, нравы, поступки. См.: Копаев В. С. Мораль и ее влияние на современное российское право // Юрист. 1998. № 10. С. 15.

³ См.: Чичерин Б. Н. Философия права. М. : 1900; Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск, 2001; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000; Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб. : Лань, 2000; Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб. : Лань, 1998; Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб. : Лань, 2001; Карева М. П. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951; Мицкевич А. В. Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму // Правоведение. 1962. № 3; Дрейслер И. С. Советское право и моральный кодекс строителя коммунизма. М., 1964; Алексеев Л. И. Единство правовых и моральных норм в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит., 1968; Айзенберг А. М. Правила социалистического общежития, их роль в советском обществе: Труды ВЮЗИ. Т. XII. Современные проблемы теории государства и права и истории политических учений. М., 1969; Матузов Н. И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969; Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 1970; Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М. : Высш. шк., 1972; Мораль и право в развитом социалистическом обществе. М., 1979; Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М. : Наука, 1986; Ойгензихт В. А. Мораль и право: Взаимодействие. Регулирование. Поступок. Душанбе : Ирфон, 1987; Валицкий А. Нравственность и право в теории русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8; Соловьев Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992; Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М. : Норма, 1998; Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8; Плахов В. Д. Социальные нормы: Философские основания общей теории. М., 1985; Дмитриева Г. К. Мораль и международное право. М., 1991; Абросимова О. К. Взаимодействие права и морали в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; Агешин Ю. А. Политика, мораль, право. М. 1982; Байтин М. И. О современном нормативном понимании права // Журнал российского права. 1999. № 1; Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978; Гурвич Г. С. Нравственность и право. М., 1924; Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; Малеин

человеческого достоинства граждан государства. В частности, Н. Н. Тарасов писал, что в законодательных актах нередко используют оценочные понятия нравственного характера (недостойное поведение, цинизм, честь и т. п.)¹.

Отечественные правоведы в целом согласны, что воплощение идеи человеческого достоинства в юридических нормах придает ей и политический характер. Ведь правовое регулирование – составная часть политической жизни общества². Вместе с тем они считают, что человеческое достоинство является и правовым феноменом. Именно в такой ипостаси оно, например, присутствует в действующей Конституции РФ. Как известно, здесь закреплено: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ст. 21). «Каждый имеет право на ... защиту своей чести и доброго имени» (ст. 23).

На протяжении последних десятилетий человеческое достоинство было в основном предметом рассмотрения цивилистики³. Так, цивилист О.

Н. С. Принципы права, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6; Нормы советского права. Саратов, 1987; Пеньков Е. М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. М., 1972.

¹ См.: Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. М.: Норма, 2002. С. 255–256.

² Поэтому с точкой зрения А. И. Демидова, который не причисляет человеческое достоинство к политическим ценностям, нельзя согласиться. См.: Демидов А. И. Мир политических ценностей // Правоведение. 1997. № 4. С. 18–25. В перечень таковых нужно его включать. Тем более, что представления о достоинстве присутствуют в политических декларациях, влияют на процесс принятия решений суверенной власти, воздействуют на выбор способов разрешения политических конфликтов и ведения политических диалогов.

Отсюда, между прочим, следует, что человеческое достоинство является политической ценностью и до его закрепления в праве. И в этой связи нужно поддержать мнение А. Ципко о национальном достоинстве как об одной из идей, которые проводил в своей политике Президент РФ В. В. Путин. См.: Ципко А. Президентская философия. Необходимо конституционно оформить запрет на такую идеологию как «пораженчество» // Литературная газета. 2006 г. 8–14 февраля. № 5. (6057). С. 1–2. Скорее всего, прав А. Ципко и в том, что президентская система ценностей точно отражает главные «дефициты» современной России. См.: Там же.

³ См.: Иоффе О. С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7; Белявский А. В. Некоторые вопросы применения ст. 7 ГК // Правоведение. 1965. № 4. С. 138–141; Вильнянский С. И. Защита чести и достоинства человека в советском праве // Правоведение. 1965. № 3. С. 139–141; Липецкер М. Гражданская ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан и организаций // Защита прав личности по гражданским делам. М., 1966; Рафиева Л. К. Честь и достоинство как правовые категории // Правоведение. 1966. № 2. С. 57–64; Седугин П. Н. Судебная практика по делам о защите чести и достоинства // Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964–1965 гг. М., 1966; Рафиева Л. К. Условия и порядок гражданско-правовой защиты чести и достоинства граждан и организаций // Вестник ЛГУ. Вып. 1. 1966. № 5. С. 139–144; Белявский А. В. Судебная защита чести и достоинства. М., 1966; Белявский А. Защита чести и достоинства граждан и организаций в Советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1966; Липецкер М. Защита чести и достоинства советских граждан // Советская юстиция. 1967. № 8. С. 10–12; Придворов Н. А. Общая и специальная гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1967; Вилейта А. П. Личные неимущественные правоотношения по советскому гражданскому праву. Вильнюс. 1967; Белявский А. В., Придворов Н. А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971; Савичев Г. Судебная защита чести и достоинства граждан // Сов. юстиция. 1974. № 2. С. 8; Чернышова С. А. Защита чести и достоинства граждан. М., 1974; Придворов Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. М. 1977; Мархотин Н. С. Честь и достоинство

А. Дюжева отмечала, что достоинство – это самооценка лицом своих моральных, профессиональных и иных качеств, а честь является как бы мериллом достоинства гражданина или организации¹. По мнению Т. А. Фаддеевой, под достоинством понимается самооценка личности, осознание ею своих личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения. Самооценка должна основываться на социально значимых критериях оценки моральных и иных качеств личности. Достоинство определяет субъективную оценку личности². В. Д. Костюк писал, что достоинство – это, во-первых, самооценка личности, осознание ею своих личных качеств, способностей, своего общественного значения; во-вторых, самооценка личности, основанная на ее оценке обществом; в-третьих, осознание человеком своей ценности как человека вообще, конкретной личности, профессионала и т. д.³ Известный же специалист в области защиты чести и достоинства А. Л. Анисимов подчеркивал, что достоинство личности есть самооценка ею собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения, а также самооценка личности, основанная на ее оценке обществом⁴.

В рамках теории государства и права фундаментальное исследование идеи достоинства личности было проведено Н. А. Придворовым⁵. По его

советского гражданина. Ростов н/Д, 1978; Четкина З. В. Судебная защита чести и достоинства – конституционное право советских граждан : конспект лекции. М., 1980; Ерошенко А. А. Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности // Советское государство и право. 1980. № 10; Жакенов В. А. Личные неимущественные права в советском гражданском законодательстве и их социальное значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; Карманов Ф. О защите чести и достоинства граждан // Сов. юстиция. 1987. № 14. С. 28; Сергеев А. П. Право на защиту репутации. Л., 1989; Трубников П. Я. Судебная защита чести и достоинства // Социалистическая законность. 1989. № 6; Ярошенко К. Б. Гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан // Тр. ВНИИ СГСиЗ. М., 1989. Вып. 43; Безлепкин Б. Т. Судебная защита чести и достоинства граждан в охранительных отношениях // Правоведение. 1990. № 1; Прянишников Е. А. Совершенствование гражданско-правовых норм о защите чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1990. № 3; Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М. 1991; Трубников П. Я. Защита гражданских прав в суде. М., 1990; Трубников П. Я. Применение судами Закона о печати // Социалистическая законность. 1991. № 11; Малеина М. Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 24; Красавчикова Л. О. Гражданско-правовая защита чести и достоинства : текст лекций. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА. 1993; Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М. : Юристь., 1994; Апринич М. Л. Охраняемые законом личные неимущественные интересы // Правоведение. 2001. № 2. С. 124–132; Тренклер А. И. Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном суде // Правоведение. 2001. № 2. С. 190–197; Губаева Т., Муратов М., Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 64–65; Волков С., Булычев В. Защита деловой репутации от порочащих сведений // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 49–52.

¹ См.: Гражданское право : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М. : БЕК., 2000. С. 733.

² См.: Гражданское право : в 3 т. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. Т. 1. М., 1996. С. 274.

³ Костюк В. Д. Нематериальные блага, защита чести, достоинства и деловой репутации. М. : Лекс-Книга. 2002. С. 309

⁴ Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации. М. : Владос-Пресс, 2001. С. 13–15.

⁵ Придворов Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. М. : Юрид. лит., 1977; он же. Институт достоинства личности в советском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1986.

мнению, проблема совершенствования правового обеспечения достоинства личности – одна из главных проблем теоретического и отраслевого правоведения¹.

Определяя категорию человеческого достоинства, Н. А. Придворов указывал, что оно – составное звено человеческого фактора в общественной жизни; ведущий компонент социально-правовой характеристики личности, ее субъективных прав, обязанностей, свобод; инструмент, регулирующий разнообразные отношения человека и общества, человека и государства, человека с другими людьми; реальный феномен правосознания; система социальных связей; система взаимоотношений между людьми; относительно устойчивое единство элементов и свойств человека и их отношений, являющихся предметом воздействия сложного и многогранного юридического инструментария; отражение признания социальной ценности каждого человека фундаментальной закономерностью современного общества; совокупность социально-этических качеств. Идеей человеческого достоинства пронизана вся правовая организация общественных отношений. Эта идея отражается на всем механизме правового регулирования, охватывает психологическое и юридическое содержание правовой системы. Причем каждая структурная часть правовой системы отражает человеческое достоинство как правовую категорию и высочайшую нравственную ценность².

Едва ли есть весомые основания спорить с приведенными суждениями отечественных ученых о человеческом достоинстве, ибо эти представления в целом адекватно отражают свой предмет. Более того, все отмеченные воззрения укладываются в качестве элементов в сложную мозаику научных взглядов о рассматриваемом феномене во всяком политически организованном обществе, где функционирует право. Поэтому попытаемся конкретизировать указанные представления.

Начнем с того, что идея достоинства личности включает в себе требование уважения человека, то есть его прав и свобод, в тех коллективах,

¹ При этом выделяются следующие причины актуальности этой проблемы: достоинство играет огромную роль в становлении и развитии личности; человеческому достоинству принадлежит первое место среди правовых гарантий личностного существования; уважение достоинства и прав граждан характеризует современное состояние общества; высокая ценность человеческого достоинства в обществе – источник политической стабильности, социального оптимизма и уверенности в будущем; уважение и защита человеческого достоинства как обязанность конституционного государства служат предпосылкой решения всех частных проблем правового регулирования; в обществе отмечается нетерпимость к посягательствам на человеческое достоинство; концепция человеческого достоинства особо важна в свете социально-этических аспектов управленческой деятельности, административной, служебной и судебной этики, в процессе реализации нравственно-этических норм поведения между руководителями и подчиненными; социальная ценность человеческой личности, ее гражданское достоинство – важнейший принцип подлинного конституционного государства и демократии, тесно связанный с ее содержанием, институтами и формами. См.: Общая теория государства и права : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. Теория государства. М. : Зерцало, 1998. С. 311–312.

² См.: Общая теория государства и права : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. М. : Зерцало, 1998. С. 311–312.

где он живет, и прежде всего в государстве. Причем такое требование базируется на признании упомянутыми коллективами ценности и значимости для этих социальных групп их членов¹.

За последние две с половиной тысячи лет эта идея прошла многотрудный путь философско-религиозного и политико-юридического осмысления. Вместе с тем она получила закрепление во внутригосударственном и международном праве. Однако все же признаем, что идея человеческого достоинства более полно исследована философами, чем юристами. И при анализе взглядов философов на эту проблему видно, что идея достоинства личности сложилась как отражение в сознании людей того особого положения, которое человек занимает в мире². Что же касается политико-правовых доктрин, то эта идея зачастую сначала реализуется в естественном праве³, как оно осознается различными мыслителями, а затем и в позитивном праве.

¹ О. В. Герасимова, исследуя конституционные основы понятия достойная человека жизнь, пишет: «Мировая задача состоит не в создании солидарности между каждым и всеми – она уже и так существует по природе вещей, – а в полном сознании и затем духовном усвоении этой солидарности со стороны всех и каждого, в ее превращении из только метафизической и физической в нравственно-метафизическую и нравственно-физическую» (Герасимова О. В. Содержание конституционного права человека на достойную жизнь // *Право и жизнь*. 2001. № 41). См. также: Герасимова О. В. Конституционные и уголовные гарантии права человека на достойную жизнь // *Право и жизнь*. 2001. № 42. «Жизнь человека уже сама по себе есть невольное участие в прогрессивном существовании человечества и целого мира; достоинство этой жизни и смысл всего мироздания требуют только, чтобы это невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более и более сознательным и свободным. Достоинство любого человека подлежит защите, независимо от его социальной ценности. Каждый человек имеет право на уважение окружающих. Никакие обстоятельства не могут служить основанием для умаления достоинства человека. Человеческое достоинство каждого лица или его свойство быть нравственным существом вовсе не зависит ни от его природных качеств, ни от его полезности: этими качествами и этою полезностью может определяться внешнее положение человека в обществе, относительная оценка его другими лицами, но никак не его собственное значение и человеческие права» (Герасимова О. В. Конституционно-правовые гарантии охраны человеческого достоинства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 10–11; См. также: Родионова О. В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // *Правоведение*. 2004. № 2. С. 182–188; Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. М., 2006. С. 229–255.

² См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. С. 23; Блюмкин В. А. Человеческое достоинство // *Личность при социализме*. М. : Наука, 1968. С. 231.

³ См.: Невважай И. Д. О соотношении естественного и позитивного права // *Правоведение*. 1997. № 4. С. 164–166; Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // *Государство и право*. 1998. № 8. С. 114–119; Бачинин В. А. Морально-правовая философия. Харьков, 2000; Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // *Государство и право*. 2000. № 3. С. 5–11; Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001; Жуков В. Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX – начала XX в. Общественно-политическая функция и онтологическая основа // *Государство и право*. 2001. № 4. С. 99–106; Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // *Государство и право*. 2001. № 5. С. 14–20; Самигуллин В. К. Право и неправое. // *Государство и право*. 2002. № 3. С. 5–8; Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // *Государство и право*. 2002. № 4. С. 64–69; Мартышин О. В. О концепции учебника теории государства и права // *Государство и право*. 2002. № 8. С. 59–67; Графский В. Г. Основные концепции права и государства в современной России : по материалам круглого стола в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН // *Государство и право*. 2003. № 5. С. 5–33; Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права // *Государство и право*. 2003. № 6. С. 15–21; Серегин Н. С. Понимание права : Всерос. науч.-теоретич. конф., посвященная 75-летию со дня рождения профессора А. Б. Венгерова (1928–1998) // *Государ-*

Точно так же, как каждый человек претендует на уважение со стороны других, то есть имеет достоинство, и разнообразные человеческие коллективы предъявляют к окружающим и составляющим их отдельным людям и социальным общностям подобные претензии. Поэтому можно говорить и о достоинстве человеческого коллектива, о достоинстве всех тех объединений, в которые люди входят.

Разумеется, среди таких ассоциаций находится главное объединение, которое интересует юристов, – государство. При этом чем больше в государстве достойных людей, тем выше достоинство самого государства.

Каждое государственно-организованное общество есть союз отдельных людей. Следовательно, государственно-организованное общество не может приписывать себе достоинства, не наделяя человеческим достоинством своих членов. Отсюда вытекает, что государство, желающее быть достойным, признает человеческое достоинство в собственных гражданах. Однако государство различает степени этого достоинства у отдельных граждан в зависимости от того вклада, который они делают в обеспечение достоинства государства. При этом оно использует такие юридические средства, как поощрения, государственные награды, почести, льготы.

Достоинство государственных организаций, из которых состоит человечество, проявляется в той степени, в какой они обеспечивают подчинение своему контролю внешней природы, а также человеческой природы своих членов. Аналогичным образом обстоят дела и с достоинством отдельного человека. Это обусловлено тем, что чем больше достижений у государства либо конкретной личности в данных сферах, тем сильнее их уважают люди других государств, да и свои собственные граждане. Отсюда каждая государственная организация и отдельный человек, стремясь увеличить собственное достоинство, пытаются все в большей мере подчинить своему контролю внешнюю среду, а также сделать все более контролируемой человеческую природу. Причем обе указанные задачи решаются при использовании правового регулирования.

Исходя из выделенной направленности государственной политики, любой государственно-организованный коллектив предъявляет требования к своим членам, выражая их на языке юридически закрепленных прав и обязанностей. После же этого он оценивает достижения адресатов в решении общих задач всего объединения: обеспечить контроль над внешней природой и собственным населением. И подобные оценки облекаются в правовую форму.

В истории человечества государства воплощают в своей организации разнообразные политические идеологии. Перечень даже самых известных

ство и право. 2003. № 8. С. 102–133; Раянов Ф. М. От правоведения к юриспруденции // Государство и право. 2003. № 9. С. 5–9; Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию. Красноярск : ЮИ КрасГУ, 2004.

из них весьма обширен. Он включает, в частности, доктрины либеральную, коммунистическую, националистическую, анархистскую, феминистскую, консервативную, исламскую, евразийскую и т. д. Такие учения (вслед за Е. Эрлихом) возможно разделить на коллективистские и индивидуалистические. Иными словами, ранее отмеченные теории индивидуализма и коллективизма существуют не отдельно от только что приведенных политических идеологий, а в качестве их характеристик.

Как отмечал Е. Эрлих, индивидуализм подразумевает представление, что «каждый человек есть цель для себя и не подчинен» ни индивидуальной воле другого члена общества, ни коллективной воле организации, где человеческое существо «служит ... только» этой целостности. И отдельное лицо призвано «заботиться о себе, используя принадлежащую ему собственность и личные усилия с наибольшей выгодой». Идеал индивидуализма – человеческий индивид, имеющий неограниченную власть распоряжения своей собственностью через заключение договоров. Между ним и государством находятся лишь ассоциации, созданные людьми добровольно. При этом индивидуумы несут обязанности друг перед другом в соответствии с их контрактами и равны перед исходящим от государства правом.

По мнению Е. Эрлиха, идеи подобной направленности возникают в человеческом обществе стихийно. Они способствуют принятию государственными учреждениями юридических норм, утверждающих в социальном целом изоляцию каждого из составляющих его лиц от остальных. И «индивидуализм страдает от ... внутреннего противоречия». А именно, «несмотря на попытку относиться ко всем людям одинаково, эта доктрина позволяет оставаться» в человеческом обществе «некоторым из самых больших неравенств, особенно неравенству в богатстве, только для подчеркивания которого и служит равенство перед правом». Ведь «чем больше с богатыми и бедными ведется дело в соответствии с одними и теми же правовыми нормами, тем больше увеличивается выгода богатых». И когда должностные лица государства, которому «индивидуализм уступает неограниченное право использовать индивидуума как средство к цели», осознают, что из-за упомянутых неравенств и по иным причинам достижение индивидуалистической обособленности человеческих индивидов препятствует нормальному функционированию государственно-организованного общества, эти чиновники вдохновляются при правотворчестве идеями не индивидуализма, а коллективизма.

Согласно теоретическим постулатам Е. Эрлиха в государстве должен быть ограничен режим «свободного использования» людьми их сил и «собственности через контракт». Такое ограничение следует осуществить в интересах лиц, кому отмеченный режим не обеспечивает средств существования. В качестве идейной основы подобной политики выступает

представление о порядке, когда человеческие индивиды совершают действия по удовлетворению нужд друг друга в соответствии с силами и способностями каждого, получая блага один от другого по потребностям. И именно доктрина коллективизма требует частичного введения этого порядка в государственно-организованном обществе с тем, чтобы здесь хотя бы в случаях крайней необходимости всякий человек оказывал услуги остальным в объеме, определяемом личными силами и способностями, а государственная организация выполняла обязанность по обеспечению его нужд.

На практике реализация коллективистских идей означает, что система государственных органов вмешивается в социальные отношения на государственной территории с целью привлечения в обязательном порядке сил и средств всех лиц, объединенных в государство, для осуществления его функций. Причем таким образом, что богатым не дают возможности в полной мере воспользоваться уже указанным преимуществом, какое они имеют перед бедными, в силу наличия в государстве равенства всех граждан перед правом. В частности, государственный аппарат находит пути и способы предоставления материальных и духовных благ людям, не способным личными усилиями обеспечить себе самое необходимое для существования, за счет остального населения государства (и особенно его наиболее состоятельных слоев). Тем самым система государственных органов ограничивает исключительно сильное влияние богатых собственников средств производства на неимущие классы политически организованного общества, которое при отсутствии подобного ограничения фактически приводит к личному подчинению бедных богатым по причине невозможности для первых прожить без получения добровольной помощи от вторых.

Рассуждая о воздействии доктрин коллективизма и индивидуализма на государственную жизнь, Е. Эрлих исходил из того, что в политически организованном обществе в разные времена потребности социального развития делают необходимым осуществление неодинаковых программ правотворчества. Эта идея, а также изучение практики правового регулирования в различных исторических условиях привели Е. Эрлиха к следующему выводу о значении индивидуализма и коллективизма в развитии государственной организации. За каждым периодом, утверждал он, когда определяющую роль в правотворческой деятельности, трансформирующей государственно-организованное общество, играют индивидуалистические идеи, наступают времена, в которые аналогичную роль в ходе правотворчества, опосредующего изменение государства, исполняют коллективистские воззрения. Так что, как заметил Е. Эрлих, индивидуализм и коллективизм, «подобно резьбе винта, чередуясь, влекут человечество» вперед по пути социального развития. И «как бы много эти доктрины ни сталкива-

лись, постепенно в ходе истории размежевываются сферы, где каждая из них является оправданной»¹.

Политически организованные общества прошлого и настоящего в различной степени находятся под влиянием индивидуалистической и коллективистской идеологий. Причем преобладающую часть этих социальных организмов возможно разделить на преимущественно организованные либо на коллективистских, либо на индивидуалистических началах.

Критерием такого разграничения является упоминавшаяся направленность государств прежде всего на реализацию либо общих задач, стоящих перед их населением, либо частных нужд отдельных индивидуумов и групп. В принципе источниками прогресса выступают и характерные для коллективизма требования от гражданина совершения таких дел, которые лично ему не нужны, но необходимы для общего блага государства, и позволение гражданину заниматься теми делами, которые непосредственно он желает выполнять для реализации своих личных нужд. Последнее характерно для индивидуализма как политической идеологии и для преимущественно индивидуалистических государств, которые ее воплощают.

Правда, и в прошлом, и в настоящее время нет полностью индивидуалистических или коллективистских политически организованных обществ. Дело в том, что в каждом из политически организованных обществ сочетаются общие и индивидуальные интересы его членов. Более того, так как каждое государство должно реализовывать и общие для него программы действий, в которых отдельные граждане непосредственно не заинтересованы, и такие дела, в которых отдельные лица непосредственно заинтересованы и хотят их совершать, то всякое государство в определенной мере строится на индивидуалистических принципах и отчасти базируется на коллективистских началах.

Коллективизму и индивидуализму свойственно признание ранее очерченных представлений о понятиях достоинства человека и государства. Однако каждая из этих идеологий наполняет указанные понятия своим собственным содержанием. Вот почему как преимущественно индивидуалистические, так и преимущественно коллективистски организованные государства, стремясь обеспечить собственное достоинство, адресуют своим гражданам разные совокупности требований. Каждая из совокупностей выражается в вытекающей из нее системе юридических прав и обязанностей индивидуальных и коллективных субъектов права. Отсюда в течение всей истории человечества можно выделить в преимущественно индивидуалистических и преимущественно коллективистских государствах существование неодинаковых типов каталогов юридических прав, свобод и обя-

¹ См.: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. М. : Норма, 2007. С. 344–353.

занностей человека и гражданина, осуществление которых обеспечивает людям признание в качестве более или менее достойных членов соответствующих политически организованных обществ.

Одновременно в ходе исторического развития в межгосударственных отношениях формируется под влиянием воздействия всех государств международный перечень прав и обязанностей, где воплощены идеи человеческого достоинства и индивидуалистического, и коллективистского характера. Указанный перечень выступает как часть международного права и обеспечивает индивидууму признание достоинства со стороны межгосударственного сообщества.

В преимущественно индивидуалистических государствах достойными признаются люди, живущие в соответствии с действующими здесь закономерностями. Последние таковы. Сначала действует принцип, согласно которому каждый может делать то, что не запрещено правовыми нормами, и за всяким человеком, а не только за гражданином, признаются естественные и неотчуждаемые права, прежде всего, на равенство и свободу. При этом как приоритетные выделяются личные права: право на жизнь, на защиту достоинства, на свободу слова, печати, мирных собраний и обращений к правительству с петициями, на свободу передвижений и места жительства, на неприкосновенность личности, жилища, личных бумаг, на защиту частной жизни, на свободу от полицейского произвола и т. д. Кроме того, граждане имеют право на участие в работе выборных представительных органов, перед которыми ответственны исполнительные государственные структуры, право свободно составлять союзы, управляющиеся на демократических началах, право придерживаться практически любой политической идеологии, любых верований, принимаемых добровольно, и т. д.

В этих государствах людям принадлежит право на политическую оппозицию и критику властей, на гражданское неповиновение. Вдобавок преимущественно индивидуалистические государства гарантируют личности право на свободу занятия предпринимательской деятельностью и на неприкосновенность частной собственности. Так что здесь граждане имеют право осуществлять удовлетворение материальных и духовных нужд с помощью рыночных процессов на основе свободного обмена, добровольной кооперации между ними. При этом государство практически не ставит преград размеру максимально возможных объемов частного капитала: обогащение человека может быть фактически безграничным. К тому же в современных преимущественно индивидуалистических государствах предоставляются довольно значительные социальные гарантии лицам, которые по каким-либо причинам не могут себя обеспечивать. И конституции таких государств почти не содержат упоминаний об обязан-

ностях граждан, предполагающих активное человеческое поведение. Исключениями являются обязанность платить налоги, нести воинскую службу и некоторые другие. Однако здесь у граждан имеются многочисленные обязанности пассивного поведения, суть которых – не вмешиваться в свободу других. Наконец, в преимущественно индивидуалистических государствах принято считать, что государство существует для блага своих граждан.

Напротив, в преимущественно коллективистских государствах наиболее достойными признаются человеческие индивидуумы, поведение которых находится в гармонии с закономерностями функционирования именно этих политически организованных сообществ. Каждый же такой социальный организм характеризуется тем, что в нем есть одна официальная государственная идеология, подразумевающая, что граждане существуют для блага государства, и действует принцип, согласно которому граждане могут делать только то, что разрешено законом.

В преимущественно коллективистских государствах основными считаются социально-экономические права граждан: право на труд, на отдых, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, утраты трудоспособности, потери кормильца, право на жилище, реально обеспеченное право на регулярное получение заработанного и т. д. Государство охраняет личную собственность, и в основном у граждан нет права частной собственности на средства производства, нет права на свободу предпринимательской деятельности, ограничен максимальный порог возможных доходов.

Следующей по значимости категорией прав в преимущественно коллективистских государствах обыкновенно считаются социально-культурные права: на бесплатное образование, на пользование достижениями культуры за символическую плату и т. д. Немалую важность здесь имеют и политические права граждан – право на участие в управлении государством, на объединения, на свободу слова, печати, собраний, шествий и т. д. Однако в преимущественно коллективистских государствах политические права имеют очень существенные ограничения.

Личные права и свободы в рассматриваемых государствах считаются менее значимыми, чем перечисленные, и они существенно ограничены. К ним относятся право на свободу совести, на государственную защиту семьи, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, тайну переписки и прочее. Причем ограничение ряда прав (например, запрет свободного ношения оружия) здесь в отличие от преимущественно индивидуалистических государств позволяет реально гарантировать довольно эффективную защиту гражданина от терроризма, бандитизма и других особо опасных преступлений.

В государствах, базирующихся в основном на коллективистских началах, осуществляется правительственное управление материальным производством, как правило, путем перераспределения благ системой государственных органов, а также имеет место государственный надзор за частным поведением граждан. При этом не допускаются политическая оппозиция, критика существующего режима и гражданское неповиновение. Конституции преимущественно коллективистских государств рассматривают права гражданина в неразрывной связи с обязанностями. Причем в отличие от преимущественно индивидуалистических государств обязанности здесь большей частью носят не пассивный, а активный характер. Граждане преимущественно коллективистских государств, в частности, обязаны добросовестно трудиться, соблюдать трудовую дисциплину, беречь и укреплять государственную собственность, защищать свое отечество, быть непримиримыми к антиобщественным (по критериям официальной идеологии) поступкам, растить детей достойными членами общества, готовя их к общественно полезному труду, уважать национальное достоинство других граждан и т. д.

Во второй половине XVIII в. преимущественно индивидуалистические государства были названы правовыми. Так они именуются многими учеными и сегодня. В частности, это видно из определений правового государства, данных в последние годы отечественными авторами.

Например, А. Ф. Черданцев пишет, что правовое государство – то, деятельность которого осуществляется на основе и в рамках законов и которое признает, уважает и охраняет характерные для либеральной идеологии права и свободы граждан¹. А. В. Малько считает, что это есть организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений². По мнению авторов «Основ права и государства», правовое государство – демократическое государство, в котором обеспечивается юридическое равенство граждан, защищаются их гражданские и человеческие права³. С. А. Комаров считает, что правовое государство в России есть форма осуществления народовластия, политическая организация граждан, функционирующая на основе права, инструмент защиты и обеспечения отечественным либерализмом прав, свобод и обязанностей каждой личности⁴. М. И. Абдулаев определяет правовое государство как демократическое государство, где обеспечиваются господство права, равенство

¹ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт, 2001. С. 152.

² Малько А. В. Правовое государство // Правоведение. 1997. № 3. С. 141.

³ Основы права и государства / под общ. ред. В. М. Шафирова. Красноярск, 2000. С. 132.

⁴ Комаров С. А. Общая теория государства и права. М. : Манускрипт, 1996. С. 135.

всех перед законом и независимым судом, где признаются и гарантируются права и свободы человека и где в основу организации и деятельности государственной власти положен принцип разделения (обособления) законодательной, исполнительной и судебной властей¹. В. И. Червонюк пишет, что правовое государство – это государство, которое характеризуется режимом конституционного правления, развитой правовой системой и верховенством правового закона в общественной жизни, системой социального контроля над властью и наличием эффективных механизмов, которые гарантируют правовую защищенность и безопасность личности, активное и беспрепятственное использование принадлежащих ей прав и свобод². В. В. Лазарев считает, что правовое государство – одна из высших социальных ценностей, призванных утвердить гуманистические начала, обеспечить и защитить свободу, честь и достоинство личности в либеральном понимании³. А. А. Двигалева пишет, что правовое государство – это государство, в котором обеспечено верховенство закона, разделение властей, реальность прав и свобод личности, взаимная ответственность личности и государства⁴. В. Н. Хропанюк утверждает: правовое государство есть такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе норм права. При этом последние воплощают либеральные ценности⁵.

Из приведенных дефиниций видно, что, определяя правовое государство, отечественные авторы основываются на приоритете интересов индивида. Еще более ярко это проявляется при анализе современными российскими авторами общих характеристик, принципов и признаков правового государства. Так, В. Д. Перевалов указывает, что принципы правового государства есть основополагающие идеи (требования), которые в своей совокупности определяют идеальную конструкцию (модель) государства, которое могло бы называться правовым, и считает, что принцип правовой защищенности человека и гражданина, включающий стабильность его правового статуса, носит в правовом государстве первичный, комплексный, непреходящий и абсолютный характер⁶. Данный принцип самым тесным образом связан с категорией человеческого достоинства и служит непосредственным ее выражением.

В. Н. Хропанюк выделяет категорию человеческого достоинства как элемент моральной основы в рассматриваемом государстве. Он пи-

¹ Абдулаев М. И. Теория государства и права. СПб. : Питер, 2003. С. 91.

² Червонюк В. И. Теория государства и права. М. : Инфра-М, 2003. С. 71.

³ Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1996. С. 332.

⁴ Двигалева А. А. Теория государства и права : курс лекций. СПб. : Виктория плюс, 2002. С. 20.

⁵ Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 2002. С. 80.

⁶ См.: Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова, В. М. Карельского. М. : Норма, 2002. С. 104–105.

шет, что нравственную основу правового государства образуют общечеловеческие принципы гуманизма и справедливости, равенства и свободы личности, ее чести и достоинства. Режим правовой государственности реально утверждает высшие нравственные ценности человека, обеспечивает их определяющую роль в жизни общества, исключает произвол и насилие над личностью. Конкретно это выражается в демократических методах государственного управления, справедливости правосудия, в приоритете прав и свобод личности во взаимоотношениях с государством, защите прав меньшинств, терпимости к различным религиозным воззрениям и т. п. Духовная насыщенность государственной жизни в значительной степени определяет нравственную зрелость общества в целом, уровень его цивилизованности, гуманизм в социально-экономических и политических отношениях¹.

Рассматривая признаки правового государства, А. В. Поляков отмечает, что они воплощают либеральные ценности. В рамках же либерального мировоззрения право ассоциируется с личной свободой, с автономной (самостоятельной и ни от кого не зависящей) и юридически равной с другими личностью, с незыблемостью ее священного права на частную собственность и частную жизнь².

А. Ф. Черданцев утверждает, что основной ценностью правового государства признаются человеческая личность, ее достоинство, права и свободы и именно отсюда вытекают принципы и признаки правового государства. Государства, считающие себя правовыми, закрепляют их в конституциях прямо или косвенно и декларируют права и свободы личности в качестве неотчуждаемых и непосредственно действующих³.

А. Б. Венгеров, выделяя как один из основных признаков правового государства наличие разветвленной фактически действующей системы прав и свобод, обязанностей и ответственности члена гражданского общества, подчеркнул, что концепция правового государства также направлена на защиту свободы личности. Верховенство права, верховенство закона, разделение властей, взаимные права и обязанности государства и личности – эти и другие признаки государства характеризуют его как правовое и создают наиболее эффективные условия для реализации свободы личности⁴.

А. В. Малько выделил как один из главных принципов правового государства (одну из двух сторон сущности такого государства) наиболее полное обеспечение либерально понимаемых прав и свобод человека и гражданина (социальная сторона). Он считает, что этот принцип нашел от-

¹ См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права. С. 81.

² Поляков А. В. Общая теория права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 402–403.

³ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. С. 153.

⁴ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М. : Юриспруденция, 2002. С. 511, 520.

ражение в ст. 2 Конституции РФ, где сказано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»¹. Поскольку же ценность человека всегда лежит в основе содержания категории человеческого достоинства, то в данном случае автор выделяет в качестве одного из двух главных принципов правового государства именно обеспечение им человеческого достоинства в либеральной трактовке.

Авторы «Теории государства и права» под редакцией В. П. Малахова и В. Н. Казакова характеризуют основные черты правового государства, утверждая, что правовое государство, сохраняя основные признаки государства (аппарат управления и принуждения, суверенитет, сбор налогов, территориальную организацию), является государством гуманным, отвергающим жесткие, деспотические методы воздействия на общество. Права и свободы человека в таком государстве получают подлинное признание и законодательное закрепление. Правовое государство – это государство больших позитивных возможностей по отношению к обществу и каждому человеку, в нем не на словах, а на деле реализуется принцип: свободное развитие всех. Права и свободы граждан в правовом государстве рассматриваются как фундамент построения взаимоотношений человека и власти, основной целью которой является обеспечение прав и свобод, создание необходимых условий для их полноценной реализации².

Характеризуя правовое государство как определенный политико-правовой режим функционирования государственной власти, где создаются все условия для всестороннего гармоничного развития личности, для развития общества в целом, М. И. Абдулаев считает, что истоком приоритета права в демократически устроенном обществе служат естественные, неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, обусловленные социальной природой личности. Правовое государство зиждется на безусловном признании неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, на их конституционном закреплении и судебной защите³.

Авторитетный специалист в области социологии права Ю. И. Гревцов вместо привычных принципов выделяет показатели (свидетельства существования и развития) правового государства. Первым из них он называет количество сторонников и реальных обладателей естественных прав и свобод, а также наличие юридических возможностей, обеспечивающих пользование естественными правами или их защиту⁴.

Авторы «Основ права и государства» выделяют содержательные, формально-юридические, организационные и социально-политические

¹ Малько А. В. Правовое государство. С. 141.

² См.: Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. М. : Акад. проект, 2002. С. 523.

³ Абдулаев М. И. Теория государства и права. СПб. : Питер, 2003. С. 98, 100.

⁴ Гревцов Ю. И. Очерки теории и социологии права. СПб. : Знание, 1996. С. 247.

признаки правового государства. Первым среди его содержательных признаков (характеризующих роль государства в установлении и защите прав граждан и статуса гражданина в государстве) они называют объем закрепляемых в источниках права либерально понимаемых прав, свобод и законных интересов граждан¹.

В. С. Нерсесянц писал, что правовое государство как определенная философско-правовая теория и соответствующая практика организации политической власти и обеспечения либерально трактуемых прав и свобод человека является одним из существенных достижений человеческой цивилизации. Для правового государства необходимо, но далеко не достаточно, чтобы все, в том числе и само государство, соблюдали законы. Нужно, чтобы эти законы были правовыми, чтобы законы соответствовали требованиям права как всеобщей, необходимой формы и равной меры (нормы) свободы индивидов. Для этого необходимо такое государство, которое исходило бы из принципов права при формулировании законов, проведении их в жизнь, да и вообще в процессе осуществления всех иных своих функций. Но это возможно лишь в том случае, если организация всей системы политической власти осуществлена на правовых началах и соответствует требованиям права. Таким образом, правовое государство предполагает единство господства права и правовой формы организации политической власти, в условиях которого признаются и защищаются права и свободы человека и гражданина. В соответствии с этим правовое государство можно определить как правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина².

Стремясь охарактеризовать правовое государство, Е. А. Лукашева выделяет следующие особенности его теории. Во-первых, теория правового государства не возникает сразу в законченном виде. Она видоизменяется и трансформируется, дополняется новыми качествами. С появлением в ней принципа неотъемлемых естественных прав человека она обретает свое основное ценностное качество, становится определяющим ориентиром, высшим приоритетом. Причем в правовом государстве приоритет прав человека не снимает с последнего ответственности за надлежащее использование своих прав и свобод и одновременно возлагает ответственность за обеспечение этих прав на государство. Создается особая правовая связь: взаимная ответственность государства и гражданина, которая не колеблет свободы последнего, но лишь стремится разумно сочетать свободу всех индивидов общества.

¹ См.: Основы права и государства. С. 132–133.

² См.: Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2003. С. 92–93.

Во-вторых, практика формирования правового государства сложна и противоречива. Формирование правового государства – не одномоментная акция, а поэтапный процесс, который не имеет конечных границ.

В-третьих, правовое государство для выполнения своей основной функции – защиты и охраны прав и свобод граждан – должно быть оснащено системой процедур, механизмов, институтов, гарантирующих защиту субъективных прав человека. Эти процедуры, механизмы, институты не являются неизменными, они находятся в динамике, совершенствуются, приспособляясь к изменяющимся условиям жизни общества.

В-четвертых, правовое государство невозможно в некоторых социальных условиях. В частности, правовое государство немыслимо в обществе, раздираемом социальными противоречиями, конфронтацией, политической борьбой, выходящими за пределы права.

По Е. А. Лукашевой, цель правового государства – защищая права человека, обеспечить достоинство личности, при котором человек выступает не как объект команд и распоряжений, а как равноправный партнер государства, участвующий в принятии решений, осуществляющий в предусмотренных законом формах контроль за деятельностью властных структур, освобожденный от жесткой опеки государственной власти¹.

Правовое государство – не единственное наименование в ученом мире преимущественно индивидуалистических государств. Существуют и иные термины, под которыми они известны в современной политической теории. В частности, их именуют открытыми обществами, буржуазно-демократическими государствами, промышленным типом общества.

Преимущественно же коллективистские государства в современной политической теории, как правило, именуются диктаторскими политическими системами, полицейскими государствами, закрытыми обществами, военными обществами, социалистическими государствами.

В России, начиная с 1917 г., перечень требований, адресуемых государством индивидууму, по выполнению которых государство делало вывод о достоинстве человека, сначала в основном определялся господствующей здесь преимущественно коллективистской идеологией. Этот перечень воплощался в соответствующем такой идеологии наборе юридических прав и обязанностей гражданина, следование которым обеспечивало достоинство гражданина по советским меркам.

Однако с 1991 г. политический строй российского государства коренным образом изменился в том смысле, что здесь утвердилась в качестве господствующей в целом индивидуалистическая идеология. В соответствии с ней российское государство предъявило адресатам права иной перечень требований, реализация которых согласно позиции структур офици-

¹ Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма, 2002. С. 182–183.

альной власти обеспечивает субъектам права наибольшее человеческое достоинство. Эта совокупность требований была выражена в современном российском праве на языке юридических прав и обязанностей.

Вместе с тем в последнее время ставшие особо актуальными нужды реализации общих программ российского государства обусловили то, что в государственной политике наметился акцент на некоторых требованиях к индивидууму, предполагаемых идеологией коллективизма¹. Отсюда в самое последнее время среди конституционных черт российского государства (хотя в целом и сохраняется его характеристика как правового государства) все в большей мере усиливается другая его характеристика, а именно то, что оно является социальным. Дело в том, что к последней характеристике относится ряд коллективистских тенденций, возникших или усилившихся ныне в российском обществе. В результате в России происходит изменение требований к гражданину, реализация которых служит государственным мерилom достоинства человека. В частности, в законодательстве все в большей мере проводится идея социальной ответственности предпринимателей.

Отмеченная трансформация отечественной политико-правовой системы в самое последнее время заставляет задуматься о насущных проблемах современного развития идеи человеческого достоинства в России в связи с тем, что правовое государство здесь приобретает некоторые коллективистские черты, которых раньше в нем не было. Не случайно в современной России все чаще звучат слова о кризисе либерализма². Правда, в научной литературе можно встретить и безоговорочную апологию преимуществ либерального пути развития для отдельных государств и всего мира³.

Суммируя взгляды сторонников идущей ныне в России модификации политико-правовой системы, И. Л. Первухин отметил, что по существу речь идет о придании современному отечественному праву большего человеческого измерения⁴. А. В. Поляков же сделал вывод, что наиболее приемлемой на сегодняшний день является реализация на отечественной почве концепции социально-правового государства, то есть правового государства, которое социально ориентировано. При этом названный автор делает оговорку: это осуществится на практике, «если ... принципы социального государства получают духовное ... обоснование»⁵.

¹ При реализации этих требований решается проблема самосохранения нашей страны, как и любого иного независимого политического общества.

² См.: Честнов И. Л. Принцип диалога в современной теории права (Проблемы правопонимания) : автореф. дис ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

³ См.: Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998; Его же. Расколота цивилизация. М., 1999; Его же. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000.

⁴ Первухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. 1999. № 10. С. 90.

⁵ Поляков А. В. Указ. соч. С. 421–422.

С необходимостью создания в современной России социально ориентированного правового государства следует согласиться. И указанное согласие обуславливает предпринимаемую далее попытку теоретически обосновать нужду в решении этой задачи для увеличения достоинства россиян.

Такое обоснование, по-видимому, прежде всего немыслимо без критической оценки того, что специалисты обычно именуют современным информационным типом государственно-организованного общества как цели социального развития для России. А это общество имеет следующие признаки. Во-первых, превращение информационных технологий в ключевой фактор экономической власти; во-вторых, вытеснение индустрии сферой услуг с огромным объемом рекламы и переразвитой торговлей, подталкивающих к росту потребления и удовлетворения искусственно создаваемых утилитарных потребностей; в-третьих, резкое возрастание роли элиты профессионалов в жизни общества (рост разделения труда и профессионализма меньшинства при культурно-творческой деградации большинства); в-четвертых, глобальное упрочение транснационального капитала в экономике, способное превратить рынок свободной конкуренции в пространство борьбы ограниченного круга владельцев финансового капитала, не выходящего из компьютерных сетей; в-пятых, преобладание индивидуалистических начал в политике и идеологии, ориентированных на утрату гуманистического идеала многими людьми; в-шестых, прогрессивное развитие политических технологий, то есть механизмов манипулирования общественным мнением, превращающих человека в пассивный объект технологического процесса¹; в-седьмых, засилье массовой культуры при огромной технологической сложности «культурных проектов» и деградации их человеческого смысла и ценности, формирующее общество мещан-конформистов².

При обосновании необходимости в современной России социально ориентированного правового государства, скорее всего, нужно осуществить еще одно дело. А именно надлежит теоретически доказать насущную потребность обеспечить каждому российскому гражданину достойное существование как неотъемлемую часть его человеческого достоинства. При этом под достойным существованием понимается такая жизнь человека, когда его материальные нужды обеспечены на нормальном уровне для общества, в котором индивид живет. Причем сделать это на-

¹ См.: Паренти М. Демократия для немногих. М., 1992; Лимнатис Н. Манипулирование. М., 2000; Тоффлер Эдвин. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002; Марцева Л. М. Социальное наследие научно-технической революции в цивилизационно-информационном резонансе // Теория и история. 2004. № 1. С. 47–59.

² См.: Социум XXI века / под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М., 1998; Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999; Россия в постиндустриальном мире. М., 2000; Бузгалин А. В. По ту сторону отчуждения. М., 1990; Его же. Переходная экономика. М., 1994; Его же. По ту сторону царства необходимости. М., 1998.

до не по норме, предлагаемой либерализмом, который обосновывает лишь необходимость дать всякому человеку материальные блага, достаточные для обеспечения ему самого скудного существования. Социальное государство требует дать каждому человеку гораздо больше. Ему следует предоставить такое количество материальных благ, которое достаточно, чтобы он мог осуществлять конкретную профессиональную функцию в своем обществе на уровне достижений современного культурного и научно-технического прогресса.

Отметим, что современные развитые страны мира уже давно пошли по этому пути, хотя на начальных этапах развития в них рыночных отношений правящие силы предоставляли самым обездоленным людям материальные средства лишь в соответствии с только что указанными либеральными мерками. Более того, в период первоначального развития рыночных отношений правящие силы этих государств, следуя идеям, например, таких мыслителей, как А. Смит и И. Бентам, и в иных отношениях старались почти не вмешиваться в экономические процессы.

Однако уже в начале XIX в. ситуация стала меняться. В это время такие экономисты, как Т. Карлейль, Дж. Ст. Милль, А. Сисмонди, выступили за вмешательство государства в сферу экономики с целью смягчения социальной напряженности. И правящие силы стран, где жили эти ученые, предприняли соответствующие изменения социальной политики своих государств. Причем победа социалистической революции в России в 1917 г. и установление здесь государственного строя, основанного на преимущественно коллективистской идеологии, все более и более заставляли развитые капиталистические государства, придерживающиеся в основном индивидуалистической идеологии, заботиться о социальных нуждах обездоленных трудящихся масс.

Всемирный экономический кризис 1929–1933 гг. способствовал укреплению в западноевропейских странах, США и Канаде тенденции государственной заботы о социальной сфере, развития производства для блага народа¹. Весьма показательна в этом плане история законодательства

¹ Так, анализируя 115-летний опыт сдерживания произвола американских монополистов, Г. И. Никеров писал: «В США антимонопольное (антитрестовское) регулирование является естественным продуктом свободного общества – общества, где каждый может проявить себя в любой области, добиваясь в рамках закона личного благосостояния. Дух соперничества, конкуренции пронизывает все стороны жизни этой страны: политику, экономику, социальную жизнь, науку и культуру. В экономике конкуренция наряду с частной собственностью и свободой предпринимательской деятельности является одним из главных двигателей хозяйственного развития и научно-технического прогресса» (Никеров Г. И. Антимонопольное регулирование в США: 115-летний опыт и его итоги // Государство и право. 1999. № 6. С. 69. См. также: Никеров Г. И. Защита свободной конкуренции антитрестовскими законами США. М., 1997; Еременко В. И. Антимонопольное законодательство зарубежных стран // Государство и право. 1995. № 9; Сафонов В. Н. Социальное законодательство в США (историко-правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. С. 98–105; Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993; Саломатин А. Ю. Формирование индустриального общества: США в последней трети XIX века. Пенза, 1997; Его же. Борьба с кор-

США¹. Новый курс Ф. Рузвельта привел к тому, что его фактически обвинили в измене классу капиталистов и объявили социалистом².

Со времен экономиста Дж. Кейнса, хотя и рассматривавшего государство как «комитет, управляющий интересами буржуазии», но обосновавшего необходимость повышения активности государства в экономической и социальной сферах, тенденция усиления социальных функций развитых капиталистических государств стала постоянной³. Так, летом 2004 г. в Италии было принято решение о компенсации практически каждой семье, купившей компьютер для своих нужд, 200 евро. Зимой 2003/2004 г. мэрия Хельсинки издала акт о бесплатной выдаче каждому гражданину противоскользящего устройства на обувь.

Очерченная трансформация политико-правовых систем западных стран отражала понимание их правящими силами очень простой истины. В государстве невозможно отдельному человеку, даже занимающему самое высокое социальное положение, эффективно удовлетворять личные нужды, если его сограждане не имеют возможности реализовывать свои потребности на уровне, позволяющем им стать высококлассными специалистами в своей профессии. Ведь именно продукты труда этих людей удовлетворяют нужды представителей правящих социальных сил. Так что когда люди из народа производят продукцию низкого качества, представители социальной верхушки вынуждены ею пользоваться, в силу чего снижается качество жизни последних. Но при «плохой» жизни человека из «низов» в смысле скудного удовлетворения его материальных потребностей объективно он не в состоянии стать хорошим специалистом в своей профессии и производить качественные вещи и услуги, ибо в такой ситуации у него нет средств ни на общее и профессиональное образование, отвечающее современным требованиям, ни на поддержание собственного здоровья на уровне, предполагающем его эффективную работу как профессионала в определенном виде деятельности. Вот почему становление социально ориентированных правовых государств в Западной Европе явилось результа-

рупцией в США в XIX веке и государственная модернизация // Правоведение. 2001. № 3. С. 196–206; Сметанников Д. С. Критические правовые исследования в США // Правоведение. 1999. № 3. С. 218).

¹ См.: США. Конституция и законодательные акты. М., 1993; Беляевская И. А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978; Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1992.

² Действительно, такие нормативные акты, как Закон об оздоровлении национальной промышленности, поощрении здоровой конкуренции, организации полезных общественных работ и достижении некоторых других целей от 16 июля 1933 г.; Кодекс о Справедливой конкуренции для хлопчатобумажной текстильной промышленности от 17 июля 1933 г.; Закон о запрещении финансовых сделок с иностранными правительствами, не выполняющими своих обязательств перед Соединенными Штатами от 13 апреля 1934 г.; Закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. (см.: Хрестоматия по новейшей истории. Т. 1. М., 1960), свидетельствовали об усилении преимущественно коллективистских тенденций в экономической функции государства.

³ См.: Анцупов В. В. Экономическая функция государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004; Талапина Э. В. Вопросы правового регулирования экономической функции государства // Государство и право. 1999. № 11. С. 73–79.

том не только заботы правящих здесь сил об общенародных интересах, но и стремления наилучшим образом обеспечить интересы самих правящих групп в западноевропейских странах.

К сожалению, до недавних пор российские правящие круги едва ли понимали эту истину. В противном случае невозможно объяснить плачевную картину уровня жизни очень значительной части трудящихся масс в нашей стране. Так, создатель науки об уровне и качестве жизни населения в России, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Наталья Римашевская писала в 2004 г., что население России ежегодно сокращается примерно на 0,6–0,8 млн чел. Почти каждый третий из умерших был в трудоспособном возрасте. Это в 2–4 раза больше, чем в развитых странах. В 2002 г. на одну тысячу населения приходилось умершими 16,3. Это самый высокий показатель в Европе. В России около 40 % детей уже рождаются больными¹. Более 60 % работников получают зарплату, на которую они не могут прокормить себя и ребенка даже на уровне прожиточного минимума². По данным руководителя секции экономики Российской академии наук академика Дмитрия Львова за все годы реформ лучше стала жить лишь одна и без того обеспеченная группа населения – примерно 20 % россиян. Доходы остальных упали³.

Добавляет мрачные краски в эту картину еще одно обстоятельство. Заработная плата, начисленная по либеральным меркам, своевременно выплачивается отнюдь не всем работникам на предприятиях и в учреждениях России.

По-видимому, непонимание частью российской элиты необходимости обеспечивать нужды трудящихся масс на уровне, требуемом социально ориентированным правовым государством, порождено, помимо других причин, недостаточной образованностью некоторых отечественных должностных лиц, принимающих государственно-властные решения. Ведь право на достойное человеческое существование по меркам социально ориентированного правового государства получило обоснование в отечественной юриспруденции уже век назад. В частности, известный русский правовед П. И. Новгородцев считал обеспечение достойного человеческого существования целью политики.

Ссылаясь на К. Маркса, он писал, что неимение не есть только категория, а весьма печальная действительность в условиях рыночных отношений, так как человек, который ничего не имеет, в подобных обстоятельствах и сам есть ничто, поскольку он «отрезан как от существования вообще, так и еще более того от человеческого существования. ... Неимение ... это пол-

¹ Римашевская Н. Умирает больше, чем рождается // Аргументы и факты. 2004. № 22.

² См.: Римашевская Н. Наш прожиточный минимум очень тощий // Труд-7. 2004. 3 июня. С. 6.

³ См.: Хесина В. Россияне умирают от экономических реформ // Аргументы и факты. 2004. № 24. С. 4.

нейшая недействительность человека и полнейшая действительность нечеловека, это очень положительное имение – имение голода, холода, болезней, преступлений, унижения, идиотизма, всякой нечеловечности и противоестественности»¹. Тяжелые условия труда уродуют рабочего, делая из него получеловека, они отражаются не только на физическом состоянии, но также на умственном и нравственном сознании рабочего класса. Отсюда категория неимения должна замениться противоположной категорией, неимущие должны стать имущими не в смысле корыстного стяжания, а ради достойного человеческого существования.

По мысли автора, общение, от которого удален рабочий, совершенно другой реальности и другого объема, чем политическое общение. То общение, от которого отделяет рабочего его собственная работа, – это сама жизнь, физическая и духовная, это человеческая нравственность, человеческая деятельность, человеческое наслаждение. Полноту человеческой жизни, которой лишен рабочий, и должна принести с собою человеческая эмансипация, которая настолько же выше политической эмансипации, насколько человек бесконечно выше гражданина, а человеческая жизнь бесконечно выше политической жизни. По мнению П. И. Новгородцева, идея достойного человеческого существования, которое должно быть обеспечено для каждого, и составляет ту жизненную правду, которая в новейшее время все более входит в общее сознание. Принцип достойного человеческого существования есть начало, совместимое с условиями рыночных отношений, оно отнюдь не требует социалистической революции².

Ранее отмеченные тенденции в российском правовом государстве, выражающиеся в приобретении им некоторых коллективистских черт, прежде всего проявляются в предоставлении им своим гражданам материальных средств на уровне, превышающем чисто либеральные нормы. В частности, возможно, сюда укладываются введение в Трудовой кодекс юридического правила, согласно которому заработная плата должна быть не ниже прожиточного минимума, то есть, по-видимому, в большинстве случаев выше его³, а также государственные программы жилищного кредитования и предоставления женщинам материнского капитала.

При реализации права на достойное существование российских граждан на указанном уровне социально ориентированного правового государства каждый из них получит возможность продвинуться вперед по двум ранее отмеченным направлениям человеческого прогресса. Во-первых, он сможет в большей степени, чем сейчас, использовать для своих нужд внешнюю природу. Во-вторых, российский гражданин окажется в состоя-

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. С. 519–520.

² Там же.

³ В соответствии со ст. 133 ТК РФ минимальный размер оплаты труда не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного человека.

нии гораздо лучше, чем в настоящее время, контролировать свою собственную человеческую природу опять же для своих надобностей.

В результате все российские граждане станут более достойными, чем сейчас, по критериям возвышения человеческого достоинства во всем мире. А так как Российское государство в этом случае будет состоять из более достойных людей, чем ныне, в итоге предлагаемого преобразования увеличится и его достоинство как государства. Иными словами, оно окажется более влиятельным по сравнению с нынешним его положением в межгосударственном сообществе¹.

Естественно, что для выполнения этой задачи увеличения достоинства как каждого российского гражданина, так и Российской Федерации в целом одной реализации права на достойное существование российского гражданина по предполагаемым меркам, превышающим чисто либеральные нормы, недостаточно. Это преобразование должно быть дополнено рядом других: и относящихся к укреплению в российском государстве его основ как правового государства, и совершенствующих его социально ориентированный характер. Речь идет о следующих мерах.

Во-первых, рассматривая вопрос о воплощении идеи человеческого достоинства в Конституции РФ, нужно обратиться к уже цитированному тексту ее второй статьи. В ней записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Здесь подразумевается человеческое достоинство, сущностью которого как раз и является ценность личности, однако термин «достоинство» не употребляется. Вдобавок во второй части ст. 21 Конституции речь идет о самостоятельных субъективных правах. К ним относятся право на здоровье, на физи-

¹ Еще 15 апреля 2004 г. на заседании Кабинета министров было определено, что для решения назревших социальных проблем необходимо создание жесткой среды, «селекционирующей конкурентно-способные производства», выработка механизма взаимодействия бизнеса и государства, рациональное встраивание России в мировую экономику, а также создание системы управления, позволяющей эффективно реализовывать намеченные стратегические цели, то есть проведение административной реформы. «В рамках админреформы необходимо создать целостную систему управленческих технологий, охватывающих госфинансы, инновационные процессы, территориальное развитие, формирование человеческого капитала, обеспечение безопасности жизнедеятельности населения». На решение этой задачи была направлена и концепция реформирования бюджетного процесса. Предлагалось изменить сам принцип формирования бюджета – рассчитывать его, исходя из целей развития. См.: Ратиани Н., Шведов А. Пять задач Михаила Фрадкова // Известия. 2004. 16 апр. Об этом же см.: Бабаева С. Фрадков провозгласил политику чистых четвергов. Учиться управлять по-новому будут в прямом эфире // Известия. 2004. 17 апр. Стране нужна модель реформ, способная обеспечить прорыв в новое качество в экономике, в духовно-нравственной, социальной и научно-технической сферах. Такой прорыв возможен только при широкой поддержке народа. См.: Кива А. Россия фатально отстала в экономической и социальной сферах за годы радикально-либеральных перемен // Лит. газета. 2004. № 14. Еще 26 мая 2004 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации было отмечено, что основные цели государства – это высокий уровень безопасной, свободной и комфортной жизни в стране, значимый рост благосостояния граждан. Это зрелая демократия и развитое гражданское общество. Это укрепление позиций России в мире. См.: Послание Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2004. 27 мая.

ческую неприкосновенность личности и на неприкосновенность личной свободы человека.

Несомненно, каждому из последних должна быть посвящена отдельная статья Конституции РФ. В то же время необходимо внести изменения в ст. 2 Конституции РФ, прямо указав на категорию человеческого достоинства как высшую ценность и признав защиту достоинства человека, раскрывающегося прежде всего в его достойном существовании, обязанностью государства.

Во-вторых, устранение разрыва между теорией и практикой прав человека должно стать приоритетным направлением российской правовой политики¹. О. В. Мартышин отмечает, что текст нынешней российской Конституции представляет собой «каталог» современных достижений в области демократии и прав человека. Однако «... бросается в глаза слабая обеспеченность всех этих моментов»². И для преодоления последней целесообразно суммировать все необходимые новации социальной политики в Социальном кодексе РФ³.

В-третьих, хотя в теории естественного права в российской философии прав человека уже действует своего рода презумпция достоинства личности⁴, этого недостаточно. Необходимо решить вопрос о приоритете достоинства человека по отношению к целям политики в позитивном праве⁵, предприняв самые широкие исследования норм всех отраслей российского права для выявления и исправления случаев, когда эти правила не обеспечивают приоритет достоинства личности по отношению к целям политики.

В-четвертых, необходимо последовательно проводить в жизнь принцип связи юридических прав и обязанностей личности. Дело в том, что возвышение достоинства человека немислимо без непременно реализации не только его прав, но и юридических обязанностей, которые корреспондируют субъективным правам.

¹ См.: Матузов Н. И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 6–17; Демидов А. И. Мир политических ценностей // Правоведение. 1997. № 4. С. 18–25; Коробова А. П. Некоторые спорные вопросы учения о правовой политике // Правоведение. 1997. № 4. С. 147–148; Соловьев В. В. О понятии и приоритетах современной правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 148–149; Кабышев В. Т. Защита прав человека – главное направление правовой политики России // Правоведение. 1998. № 1. С. 124–125; Мамонов В. В. Защита прав соотечественников – конституционный принцип государственной политики России // Правоведение. 1998. № 1. С. 125–126; Малько А. В., Шундииков К. В. Правовая политика современной России. Цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 15–22; Матузов Н. И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. 2001. № 10. С. 5–12.

² Мартышин О. В. Конституция Российской Федерации 1993 как памятник эпохи // Государство и право. 2004. № 4. С. 15.

³ См.: Форшатов И. А. Право на обслуживание: социальная природа, юридические основы // Правоведение. 1998. № 1. С. 52–58.

⁴ См.: Азаров А. Я. Права человека. Новое знание. М.: Общество «Знание России», 1995. С. 21.

⁵ См.: Лукашева Е. А. Приоритет прав человека по отношению к политике // Права человека. М.: Норма, 2002. С. 234–237.

В-пятых, следует совершенствовать законодательство, воплощающее в жизнь право на гражданское неповиновение¹, которое превращает протест в средство совершенствования демократии посредством использования нравственных, мирных способов решения социально-политических коллизий. Вместе с тем нужно предусмотреть, чтобы право граждан на неповиновение не сопровождалось деструктивными для российского государства процессами социального разрушения.

В-шестых, необходима детальная разработка и законодательное закрепление концепции юридической безопасности человека в Российской Федерации. В этом контексте нужно устранить незаконные ограничения прав человека из конституций и уставов субъектов Российской Федерации².

В-седьмых, необходим регулярный диалог правозащитных организаций и государственных органов по вопросам обеспечения человеческого достоинства. В частности, будет полезно, если Общественная палата, которая создана по предложению Президента РФ, станет более активным участником такого диалога. При этом в его процессе должна быть проведена оценка результатов признания прав человека в демократической России с 1993 г.³

В-восьмых, с целью обеспечения человеческого достоинства этнических, культурных, языковых и религиозных меньшинств в Российской Федерации следует постоянно совершенствовать законодательство об их правах и обязанностях⁴. При этом нужно учитывать ранее отмеченное теоретическое положение, согласно которому предоставление фактически не-

¹ См.: Мартышин О. В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 5–14.

² См.: Дудко И. Г. К вопросу о «правовой системе» субъектов РФ // Государство и право. 2003. № 9. С. 96–99; Кроткова Н. В. Система права субъектов РФ: проблемы становления и развития (межрегиональная науч.-практ. конф.) // Государство и право. 2003. № 7. С. 99–105; Сунгуров А. Ю. Законодательство об уполномоченном по правам человека в некоторых субъектах Российской Федерации: сравнительный анализ // Правоведение. 2002. № 4. С. 115–131.

³ См.: Бойцова В. В. Службы защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. М.: БЕК, 1996; Правозащитное движение в России: состояние, актуальные проблемы // Государство и право. 1997. № 7. С. 107–109; Сальников В. П., Цмай В. В. Современная система защиты прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 82–99; Матвеева Т. Д. Неправительственные органы защиты в механизмах защиты прав человека // Государство и право. 1999. № 1. С. 124–125; Морозова Л. А. Права человека в условиях становления гражданского общества: Междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. 1997. № 10. С. 102–111; Тихомиров Ю. А. Государство: развитие теории и общественная практика // Правоведение. 1999. № 3. С. 3–14; Матузов Н. И. Еще раз о принципе «незапрещенное законом – дозволено» // Правоведение. 1999. № 3. С. 14–32; Серегин Н. С., Шульгин И. Н. Гражданское общество, правовое государство и право. Круглый стол: «Государство и право» и «Вопросы философии» // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50; Калашников С. В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 17–25; Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2002; Левакин И. В. Современная российская государственность: проблемы переходного периода // Государство и право. 2003. № 1. С. 5–12; Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8. С. 87–94.

⁴ См.: Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств в законодательстве зарубежных стран // Государство и право. 2002. № 3. С. 84–93.

равным субъектам равных юридических прав усугубляет неравенство рассматриваемых субъектов.

В-девятых, необходимо уважение международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, когда особо значимой становится защита человеческого достоинства. Речь идет о правах беженцев, военнопленных, насильственно перемещенных лиц и т. д.¹

Наконец, в-десятых, отечественное позитивное право следует дополнить юридическими нормами о субъективном праве, которое условно можно назвать правом гражданина на признание его заслуг перед обществом и государством. Причем в законодательстве нужно предусмотреть механизм гражданско-правовой защиты этого нового субъективного права².

¹ См.: Островский Я. А. ООН и права человека. М., 1968; Мовчан А. П. Международная защита прав человека. М., 1958; Бахин С. В. О классификации прав человека, провозглашенных в Международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2; Дженис М., Кей Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека. (Практика и комментарии) / пер. с англ. М., 1997; Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998; Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. и авторы вступительной статьи В. А. Карташкин и Е. А. Лукашева. М., 1998; Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / пер. с англ. М., 1998; Каламкарян Р. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Воспитание поколений XXI в. : материалы Междунар. симпозиума // Государство и право. 1998. № 7. С. 109–121; Абдулаев М. И. Международно-правовой контроль в области защиты прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 99–106; Бернхардт Р. Европейский суд по правам человека в Страсбурге // Государство и право. 1999. № 7. С. 57–62; Нигматуллин Р. В., Хабиров Р. Ф. Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир : Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 1999. № 11. С. 95–99; Батырь В. А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве РФ. М. : Гендальф, 2000; Даниленко Г. М. Международная защита прав человека. Вводный курс. М. : Юрист, 2000; Абашидзе А., Абдалла И. А. Арабская хартия прав человека // Правоведение. 2000. № 1. С. 196–200; Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 1. С. 87–101; Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. 2001. № 12. С. 5–17; Ледях И. А. Хартия основных прав Европейского Союза // Государство и право. 2002. № 1. С. 51–58; Воскобитова М. Р. Обзор решений Европейского суда по правам человека на предмет приемлемости по жалобам, поданным против РФ // Государство и право. 2002. № 8. С. 24–32; Каламкарян Р. А. Концепция господства права в современном международном праве // Государство и право. 2003. № 6. С. 50–57.

² О. М. Киселева и А. В. Малько писали, что «главными ориентирами для человека должны быть следующие правила: делай больше, чем разрешено, но честно; способствуй укреплению правопорядка и нравственных основ государства; удовлетворяй свои законные интересы и потребности. Все это должно быть направлено на развитие нормальных рыночных отношений, конкуренции, личной инициативы, свободного отечественного предпринимательства, на создание нового хозяйственного механизма» (Киселева О. М., Малько А. В. Институт правового поощрения в России // Правоведение. 1999. № 3. С. 30). См. также: Баталина О. Цена жизни – медаль? Спасение утопающих сегодня заканчивается тем, что спасатель может оставить своих детей сиротами и без средств к существованию // Рос. газета. 1998. 30 июня; Стуруа М. Изнанки и уроки трагедии на Капитолии. «Маленький человек» и в России способен на подвиг, но наверху это вряд ли заметят // Известия. 1998. 5 авг.; Лашко Е. Н. Спасение утопающих становится делом их родственников // Известия. 1998. 12 авг.; Малько А. В. Проблемы наградной политики в России // Правоведение. 1997. № 4. С. 153–155; Лебедева Е. Н. Механизм правового стимулирования социально активного поведения (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; Нырков В. Поощрение и наказание как парные юридические категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; Гущина Н. А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый в предшествующем изложении анализ идеи человеческого достоинства и её воплощения в политико-юридических доктринах и праве позволяет сделать ряд выводов. Они могут быть сформулированы следующим образом.

Идея человеческого достоинства включает в себе требование уважения прав и свобод индивидуума в коллективах, где он живет и, в частности, в независимом политическом обществе. Причем такое требование базируется на признании упомянутыми коллективами ценности и значимости для этих социальных общностей каждого их члена. В независимом политическом обществе указанное признание выражается в наделении его члена определенным кругом юридических прав и обязанностей.

Так как каждый человек имеет достоинство, то можно говорить и о достоинстве человеческих коллективов, в которые люди входят. И среди них о достоинстве главного объединения, которое интересует юристов – независимого политического общества. А чем больше в последнем достойных людей, тем выше достоинство самого этого объединения.

Достоинство независимых политических обществ, из которых состоит человечество, проявляется в той степени, в какой они обеспечивают социальный прогресс: всё большее подчинение своему контролю внешней природы, а также человеческой природы своих членов. И каждое подобное объединение, стремясь увеличить собственное достоинство, вольно делает попытки все в большей мере подчинить своему контролю внешнюю среду и человеческую природу составляющих его людей, используя правовое регулирование. В частности, при этом достигается повышение трудоспособности, поддержание крепкого здоровья, увеличение продолжительности жизни людей, их профессиональное совершенствование.

Исходя из указанной цели обеспечения прогресса, любое независимое политическое общество может предъявлять требования своим членам, выражая их на языке юридически закрепленных прав и обязанностей. После же этого общество в состоянии оценивать достижения своих членов в решении выделенной общей задачи данного коллектива. В результате такой оценки независимое политическое общество имеет возможность наделить разными степенями достоинства составляющих его индивидуумов, закрепляя критерии такой оценки в праве.

Каждое независимое политическое общество есть союз отдельных людей. Следовательно, оно не может приписывать себе достоинства, не наделяя человеческим достоинством всякого своего члена.

Решая такие задачи, независимое политическое общество различает степени человеческого достоинства у отдельных индивидуумов в зависимости от вклада, который они делают в обеспечение собственного достоинства анализируемого социального организма. При этом последний использует специальные юридические средства: поощрения, награды, почести, льготы.

Прогресс независимого политического общества осуществляется как при предоставлении составляющим его лицам свободы реализовывать собственные личные интересы, так и при ограничении этой свободы в силу необходимости осуществлять программы, выгодные всей совокупности членов независимого политического общества, но не каждому из них в отдельности. Указанная свобода воплощается в индивидуалистических теориях. Отмеченные же ее ограничения формулируются в коллективистских доктринах. И индивидуалистические, и коллективистские учения провозглашают разные человеческие качества достойными. Отсюда для прогресса любого независимого политического общества требуется проведение в жизнь посредством правового регулирования сочетания коллективистских и индивидуалистических представлений о человеческом достоинстве. В каждом независимом политическом обществе это сочленение является уникальным. Вот почему для прогрессивного развития любого независимого политического общества нужно закрепление в праве свойственного именно рассматриваемому сообществу сочетания человеческих достоинств, провозглашаемых индивидуализмом и коллективизмом.

Такой комплекс формируется исходя из оценки нескольких вещей: во-первых, недостатков, существующих в конкретном независимом политическом обществе и препятствующих ему двигаться по пути прогрессивного развития; во-вторых, возможных путей преодоления указанных недостатков и, в-третьих, качеств людей, которые требуются, чтобы эффективно устранять недостатки. Правда, имеются характеристики человека, скажем, трудолюбие, здоровый образ жизни, активное участие в делах государства, стремление общаться с себе подобными и делать их лучше по мере своих сил, образование семьи, рождение и воспитание детей, схолическая жизнь, понимаемая как постоянное самосовершенствование лицом собственных ума и тела, обвнение которых достоинствами служит прогрессу каждого упомянутого социального организма.

Существуют две большие группы независимых политических обществ. Одна из них организована преимущественно на индивидуалистических, а другая – в основном на коллективистских началах. Причем суверенам первой группы достойной представляется отчасти по-иному организованная человеческая жизнь, чем правителям второй. Отсюда в течение всей истории человечества в преимущественно индивидуалистических и в ос-

новном коллективистских независимых политических обществах имеет место существование разных типов каталогов юридических прав и обязанностей человека, реализация которых обеспечивает здесь людям их признание в качестве достойных членов рассматриваемых социальных организмов.

Во второй половине XVIII в. цивилизованные преимущественно индивидуалистические независимые политические общества были названы правовыми государствами. Существуют и иные термины, под которыми они известны в современной политической теории. В частности, их именуют открытыми обществами, буржуазно-демократическими государствами, промышленным типом общества. Цивилизованные же преимущественно коллективистские независимые политические общества в современной политической теории, как правило, именуются диктаторскими политическими системами, полицейскими государствами, закрытыми обществами, военными обществами, социалистическими государствами.

В ходе исторического взаимодействия независимых политических обществ, претворяющих в жизнь разные идеи о человеческом достоинстве, формируется международно признанный перечень юридических прав и обязанностей людей. Он обеспечивает признание за отдельным индивидуумом человеческого достоинства со стороны международного сообщества. Этот перечень становится частью международного права.

Всякое конкретное содержание любой идеи человеческого достоинства может утвердиться в политико-юридических доктринах. Затем оно способно находить отражение в праве в ходе решения проблемы материальной справедливости в юриспруденции. Речь идет о полном воплощении этой идеи в правовых нормах. В свою очередь действующее право в состоянии стимулировать возникновение в политико-юридических доктринах новых элементов содержания идеи человеческого достоинства. Последние же могут приводить к еще одному решению проблемы материальной справедливости в праве. Так продолжается на всем протяжении эволюции независимых политических обществ.

Только что сформулированные положения призваны способствовать дальнейшему совершенствованию теоретических представлений о человеческом достоинстве и их воплощению в праве. Причем эту деятельность нужно вести и применительно к нуждам отдельных государств, исходя из потребностей прогресса всего международного сообщества таких социальных организмов. В результате появится возможность обеспечить дальнейшее возвышение достоинства людей в системах внутригосударственных юридических норм и в международном праве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОССИЙСКИЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ И ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека : сб. междунар.-правовых документов. – Минск, 1999.
2. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
3. Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
4. Декларация о праве на развитие // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
5. Декларация прав народов России // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть II (XX в.). – М. : Юристъ, 2006. – С. 28–29.
6. Декларация Временного правительства о его составе и задачах. 3 марта 1917 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007. – С. 273.
7. Декрет о земле Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть II (XX в.). – С. 24–26.
8. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т. М. Лопато. – Пермь, 1903.
9. Итоговый документ Венской встречи 1989 года представителей государств – участников СБСЕ // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
10. Класс и другие против ФРГ. Судебное решение от 6 сентября 1978 года // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – М., 2000. – Т.1. – С. 168–186.
11. Кодекс о Справедливой конкуренции для хлопчатобумажной текстильной промышленности 17 июля 1933 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2. – М., 2002.
12. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // Европейское право. – М., 2002.
13. Конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод Совета Европы // Европейское право. – М., 2002.

14. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
15. Конвенция о правах ребенка // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
16. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
17. Конвенция о свободе ассоциации и защите прав на организацию // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
18. Конституции государств европейского союза // Европейское право. – М., 2002.
19. Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1999. – Т. 9. – С. 44–52.
20. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
21. Международный пакт о гражданских и политических правах // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
22. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Действующее международное право : в 3 т. – М., 1997.
23. Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М., 1998.
24. О ленд-лизе: закон 11 марта 1941 г. // Хрестоматия по новейшей истории. – М., 1960. – Т. 1.
25. Об отпуске помещиками крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных. Указ 20 февраля 1803 // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007.
26. Об оздоровлении национальной промышленности, поощрении здоровой конкуренции, организации полезных общественных работ и достижении некоторых других целей: закон 16 июля 1933 г. // Хрестоматия по новейшей истории. – М., 1960. – Т.1.
27. Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов: закон 17 августа 1915 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007. – С. 270–271.
28. Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений 11 декабря 1905 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007. – С. 257–260.

29. Полное собрание Законов Российской империи : собр. 2-е. Отд. 1. 1837. № 10303. – СПб., 1838. – Т. 12.
30. Положение о военно-промышленных комитетах 27 августа 1915 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007. – С. 270–272.
31. Положение о выборах в Государственную думу 3 июня 1907 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007. – С. 268–270.
32. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (1 января 1864 г.); Городовое положение 16 июня 1870 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. – М. : Проспект, 2007. – С. 237–239, 245–246.
33. Положение об особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства 17 августа 1915 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. – М. : Проспект, 2007. – С. 271.
34. Правосудье митрополичье // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. – М., 1964. – Т. 3.
35. США. Конституция и законодательные акты. – М., 1993.
36. Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. – М. : Прогресс, 1991.
37. Французская Республика. Конституция и законодательные акты. – М. : Прогресс, 1989.
38. Хартия основных прав Европейского Союза // Моск. журн. междунар. права. – 2003. – № 2.

МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, УЧЕБНИКИ

39. Абашидзе, А. Х. Арабская хартия прав человека / А. Х. Абашидзе, И. А. Абдалла // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 196–200.
40. Абдулаев, М. И. Теория государства и права / М. И. Абдулаев. – СПб. : Питер, 2003.
41. Абдулаев, М. И. Международно-правовой контроль в области защиты прав человека / М. И. Абдулаев // Правоведение. – 1999. – № 1.
42. Абросимова, О. К. Взаимодействие права и морали в современном российском обществе / О. К. Абросимова : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
43. Аверинцев, С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры

европейского Средневековья / С. С. Аверинцев // Восток – Запад. – М., 1985. – С. 5–20.

44. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев – М., 1977.

45. Аврех, А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех. – М., 1989.

46. Аврех, А. Я. Распад третьей ионийской системы / А. Я. Аврех. – М., 1985.

47. Аврелий, Марк. Наедине с собой. Размышления / М. Аврелий. – М., 1914.

48. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / отв. ред. В. Г. Хорос. – М., 1996.

49. Агешин, Ю. А. Политика, мораль, право / Ю. А. Агешин. – М., 1982.

50. Административное право / Лекции А. И. Елистратова. – М., 1911. – С. 165.

51. Азаров, А. Я. Права человека. Новое знание / А. Я. Азаров. – М. : Общество «Знание России», 1995.

52. Азми, Д. М. Политико-правовые взгляды Э. Фромма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. М. Азми – М., 2001. – С. 5.

53. Азми, Д. М. Фромм о позитивных и негативных аспектах современной демократии / Д. М. Азми // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 103, 107.

54. Айзенберг, А. М. Правила социалистического общежития, их роль в советском обществе : труды ВЮЗИ. Т. XII / А. М. Айзенберг // Современные проблемы теории государства и права и истории политических учений. – М., 1969.

55. Акчурина, Н. В. Идея органического развития в русском правоведении XIX века / Н. В. Акчурина // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 77.

56. Алексеев, С. С. Мораль и право: «суверенность» и взаимозависимость / С. С. Алексеев // Теория права. – М. : БЕК, 1994. – С. 67–71.

57. Алексеев, С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 1998.

58. Алексеев, С. С. Философия права / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 1998.

59. Алексеева, Т. А. Политическая конституция испанской монархии (1812 г.) / Т. А. Алексеева // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 175–186.

60. Алексеева, Т. А. Байонский статут 1808 года в Испании / Т. А. Алексеева // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 185–196.

61. Андреев, Л. И. Тушинский вор // История России с древнейших времен до 1861 года / Л. И. Андреев ; под ред. Н. И. Павленко. – М. : Высш. шк., 2000. – С. 183–185.

62. Андриченко, Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств в законодательстве зарубежных стран / Л. В. Андриченко // Государство и право. – 2002. – № 3. – С. 84–93.
63. Анисимов, А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации / А. Л. Анисимов. – М. : Владос-Пресс, 2001.
64. Анисимов, А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита / А. Л. Анисимов. – М. : Юристъ, 1994.
65. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс. – М., 1999.
66. Антология мировой философии. – М., 1969. – Т.1. Ч.1.
67. Анцупов, В. В. Экономическая функция государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Анцупов. – Красноярск, 2004.
68. Апринич, М. Л. Охраняемые законом личные неимущественные интересы / М. Л. Апринич // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 124–132.
69. Ардан, Ф. Франция: государственная система / Ф. Ардан. – М. : Юрид. лит., 1994.
70. Аристотель. Политика / Аристотель. – М., 1911.
71. Аристотель. Афинская полития / Аристотель. – М. – Л., 1936.
72. Архипов, И. В. Конкурсный процесс в системе торгового права России XIX века / И. В. Архипов // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 114.
73. Бабаева, С. Фрадков провозгласил политику чистых четвергов. Учиться управлять по-новому будут в прямом эфире / С. Бабаева // Известия. – 2004. – 17 апр.
74. Бабенко, А. Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве / А. Н. Бабенко // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 93–97.
75. Байбаков, С. А. У истоков советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.) / С. А. Байбаков, Т. А. Сивохина. – М., 1993.
76. Байбакова, Л. В. Гровер Кливленд: классический либерализм в тупике / Л. В. Байбакова // Проблемы американистики. Вып. 10. Либеральная традиция в США и ее творцы. – М., 1997.
77. Байтин, М. И. О современном нормативном понимании права / М. И. Байтин // Журнал российского права. – 1999. – № 1.
78. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Саратов, 2001.
79. Бандзеладзе, Г. Д. О понятии человеческого достоинства / Г. Д. Бандзеладзе. – Тбилиси, 1979.
80. Бармашова, Т. И. Диалектика сознательного и бессознательного в учении о Софии, Церкви и соборности С. Н. Булгакова / Т. И. Бармашова // Теория и история. – Красноярск, 2004. – № 1. – С. 40.
81. Барсуков, А. Ю. Правовой прогресс как юридическая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Барсуков. – Саратов, 2004.

82. Баталина, О. Цена жизни – медаль? Спасение утопающих сегодня заканчивается тем, что спасатель может оставить своих детей сиротами и без средств к существованию / О. Баталина // Российская газета. – 1998. – 30 июня.

83. Батырь, В. А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве РФ / В. А. Батырь. – М. : Гендальф, 2000.

84. Бахин, С. В. Всеобщая декларация 1948 года: от каталога прав человека к унификации правового статуса личности / С. В. Бахин // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 3–11.

85. Бахин, С. В. О классификации прав человека, провозглашённых в международных соглашениях / С. В. Бахин // Правоведение. – 1991. – № 2.

86. Бачинин, В. А. Морально-правовая философия / В. А. Бачинин. – Харьков, 2000.

87. Бачинин, В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья / В. А. Бачинин // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 14–20.

88. Бачинин, В. А. Философия права и преступления / В. А. Бачинин. – Харьков : Фолио, 1999. – С. 441–442.

89. Баялджиев, Д. Идея правового государства и функционирование государства в условиях переходного периода / пер. с македон. А. Евстратовой, С. Клейн, А. Осокиной // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 1998. – № 6.

90. Безлепкин, Б. Т. Судебная защита чести и достоинства граждан в охранительных отношениях / Б. Т. Безлепкин // Правоведение. – 1990. – № 1.

91. Белявский, А. Защита чести и достоинства граждан и организаций в Советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Белявский. – М., 1966.

92. Белявский, А. В. Судебная защита чести и достоинства / А. В. Белявский. – М., 1966.

93. Белявский, А. В. Некоторые вопросы применения ст. 7 ГК / А. В. Белявский // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 138–141.

94. Белявский, А. В. Охрана чести и достоинства личности в СССР / А. В. Белявский, Н. А. Придворов. – М., 1971.

95. Беляевская, И. А. Теодор Рульзвельт и общественно-политическая жизнь США / И. А. Беляевская. – М., 1978.

96. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства; Основные начала гражданского кодекса; Основные начала уголовного кодекса / И. Бентам // Избр. соч. Иеремии Бентама. – СПб., 1867. – Т. 1.

97. Бентам, И. Принципы законодательства / И. Бентам. – М., 1896.

98. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М., 1998. – С. 13.

99. Берндт, Р. М. Мир первобытных австралийцев / Р. М. Берндт, К. Х. Берндт. – М. : Наука, 1981.
100. Бернхардт, Р. Европейский суд по правам человека в Страсбурге: новый этап, новые проблемы / Р. Бернхардт // Государство и право. – 1999. – № 7. – С. 57–62.
101. Берхин, И. Б. Первая Советская Конституция РСФСР 1918 г. / Берхин И. Б. – М., 1988.
102. Бессмертный, Ю. Л. Мир глазами знатной женщины IX в. / Ю. Л. Бессмертный // Художественный язык средневековья. – М., 1982.
103. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М. : Библейская лига, 2002.
104. Blankenagel, A. Gentechnologie und Menschenwuerde. Ueber die Strapazierung Von juristischem Sachverstand und gesundem Menschenverstand anlaesslich einesernsten Themas / A. Blankenagel // Kritische justiz. – 1987. – S. 388.
105. Блюмкин, В. А. О чести и достоинстве советского человека / В. А. Блюмкин. – М., 1974.
106. Бобнева, М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – М., 1978.
107. Боботов, С. В. Современная концепция прав и свобод гражданина во Франции / С. В. Боботов, Н. С. Колесова // Государство и право. – 1992. – № 6.
108. Боботов, С. В. Правосудие во Франции / С. В. Боботов. – М. : ЕАВ, 1994.
109. Боботов, С. В. Французская модель правового государства / С. В. Боботов, Д. И. Васильев // Советское государство и право – 1990. – № 1.
110. Божанов, В. А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы / В. А. Божанов. – Минск, 1995.
111. Бойцова, В. В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. – М. : БЕК, 1996.
112. Большой толковый словарь русского языка /сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000.
113. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация, философия, наука, религия / Г. М. Бонгард-Левин. – М., 1980.
114. Борисов, А. Десять заповедей – свод божественных законов для человека / А. Борисов // Российская юстиция. – 2002. – № 3. – С. 43–45.
115. Бражников, М. Ю. К вопросу об отражении средневекового менталитета в нормах обычного средневекового права / М. Ю. Бражников // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 65–66.
116. Bracton, H. On the laws and customs of England / H. Bracton. – London, 1968. – P. 33.

117. Бромхед, П. Эволюция британской конституции / П. Бромхед. – М. : Юрид. лит., 1978.

118. Брусин, А. М. Защита конституционных прав и свобод личности как направление деятельности Федерального Конституционного суда и конституционных судов земель ФРГ: Сравнительно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Брусин. – СПб., 2002.

119. Брусницын, Л. В. Посткриминальное воздействие – угроза правосудию XXI века / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2001. – № 11. – С. 82–89.

120. Брызгалов, А. И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе / А. И. Брызгалов // Государство и право. – 2004. – № 4.

121. Брянцев, М. В. Дворянство и купечество (правовые аспекты отношений) / М. В. Брянцев ; отв. ред. И. А. Тарасова // Право: история, теория, практика. – Брянск : Изд-во Брян. пед. ун-та, 1998. – Вып. 2. – С. 120.

122. Брянцев, М. В. «Третье сословие» в российском законодательстве конца XVIII – первой половины XIX в. / М. В. Брянцев ; отв. ред. И. А. Тарасова // Право: история, теория, практика. – Брянск : Изд-во Брянск. пед. ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 108.

123. Будилина, Т. В. Из политических и правовых воззрений мыслителей Франции XVIII в. / Т. В. Будилина // Дробышевский С. А. Научная мысль в поисках наилучшей политико-правовой системы ; С. А. Дробышевский, С. А. Будилина. – Красноярск, 2000. – С. 30–79.

124. Бузгалин, А. В. Переходная экономика / А. В. Бузгалин. – М., 1994.

125. Бузгалин, А. В. По ту сторону отчуждения / А. В. Бузгалин. – М., 1990.

126. Бузгалин, А. В. По ту сторону царства необходимости / А. В. Бузгалин. – М., 1998.

127. Булдаков, В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть / В. П. Булдаков // История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. – М., 1991. – С. 8–48;

128. Буткевич, О. В. Международное право Древнего Египта / О. В. Буткевич // Государство и право, 2000. – № 5. – С. 75–84.

129. Быков, Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае / Ф. С. Быков. – М., 1966;

130. Валицкий, А. Нравственность и право в теории русских либералов конца XIX – начала XX века / А. Валицкий // Вопросы философии. – 1991. – № 8;

131. Васильев, А. М. Египет и египтяне / А. М. Васильев. – М., 1986.

132. Васильева, Н. И. К истории Манифеста 17 октября 1905 г. / Н. И. Васильева // Правоведение. – 1974. – № 1.

133. Васильева, Н. И. Первая российская революция и самодержавие (государственно-правовые проблемы) / Н. И. Васильева, Г. Б. Гальперин, А. И. Королев. – Л., 1975.
134. Вебер, М. О буржуазной демократии в России / М. Вебер // Социологические исследования. – 1922. – № 3.
135. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
136. Вейш, Я. Я. Религия и церковь в Англии / Я. Я. Вейш. – М. : Наука, 1976.
137. Великобритания: политика, экономика, история. – СПб. : Изд-во КН, 1995.
138. Венгеров, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2002.
139. Верин, В. Б. Н. Чичерин: этическое обоснование метафизики права / В. Верин // Российская юстиция. – 2003. – № 12.
140. Ветютнев, Ю. Ю. Синергетика в праве / Ю. Ю. Ветютнев // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64–69.
141. Взгляды сторонников сочетания конфуцианского и легистского подходов к закону // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Античный мир и Восточные цивилизации. – М., 1999. Т. 1. – С. 515–524.
142. Вилейта, А. П. Личные неимущественные правоотношения по советскому гражданскому праву / А. П. Вилейта. – Вильнюс, 1967.
143. Вильдхабер, Л. Прецедент в Европейском Суде по правам человека / Л. Вильдхабер // Государство и право. – 2001. – № 12. – С. 5–17.
144. Вильнянский, С. И. Защита чести и достоинства человека в Советском праве / С. И. Вильнянский // Правоведение. – 1965. – № 3. – С. 139–141.
145. Владимиров, Г. В. О смысле одного средневекового наказания / Г. В. Владимиров // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 90–92.
146. Волков С. Защита деловой репутации от порочащих сведений / С. Волков, В. Булычев // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 49–52.
147. Волохова, Е. Д. Формирование права на образование в истории России / Е. Д. Волохова // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 249–257.
148. Вольман, Г. Чем объясняется стабильность политического и экономического развития ФРГ / Г. Вольман // Государство и право. – 1992. – № 11.
149. Вольтер. Мемуары и памфлеты / Вольтер. – Л., 1924.
150. Вольтер. Философские сочинения / Вольтер. – М. : Наука, 1996.
151. Воскобитова, М. Р. Обзор решений Европейского Суда по правам человека на предмет приемлемости по жалобам, поданным против РФ / М. Р. Воскобитова // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 24–32.

152. Воскресенский, Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. Редакции и проекты законов. Заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Н. А. Воскресенский. – М. – Л., 1945.
153. Всеобщая история государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / под ред. К. И. Батыра. – М. : Проспект, 2001.
154. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54–62.
155. Гаскарова, М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве / М. Л. Гаскарова // Журнал российского права. – 2002. – № 4.
156. Гегель, Г. Ф. В. Сочинения / Г. Ф. В. Гегель. – М., 1936. – Т. 11.
157. Герасимова, О. В. Конституционно-правовые гарантии охраны человеческого достоинства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Герасимова. – М., 2001.
158. Герасимова, О. В. Конституционные и уголовные гарантии права человека на достойную жизнь / О. В. Герасимова // Право и жизнь. – 2001. – № 42.
159. Герасимова, О. В. Содержание конституционного права человека на достойную жизнь / О. В. Герасимова // Право и жизнь. – 2001. – № 41.
160. Глебов, А. Г. Обычай кровной мести и пережитки родового строя в раннесредневековой Англии / А. Г. Глебов // Вестник Воронеж. ун-та. Сер. I. «Гуманитарные науки», 1996. – № I. – С. 150–157.
161. Глобальная экологическая проблема на пороге XXI века // Российская академия наук : материалы конференции. – М., 1997.
162. Го Мо-жо. Философия Древнего Китая / Го Мо-жо. – М., 1961.
163. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М., 2001.
164. Головистикова, А. Н. Конституционно-правовая охрана жизни в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Головистикова. – М., 2004.
165. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М., 1998.
166. Городецкий, Е. Н. Рождение Советского государства. 1917–1918 / Е. Н. Городецкий. – М., 1987.
167. Горшков, М. К. Общественное мнение: история и современность / М. К. Горшков. – М., 1988.
168. Горячева, М. В. Критика Фридрихом Ницше генезиса и идеалов демократического государства / М. В. Горячева // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 249–256.

169. Государственная Дума 1906–1917 гг. Стенографические отчеты : в 4 т. – М., 1995.
170. Государственное право Германии. Т. 1 : пер. с нем. – М. : ИГП РАН, 1994.
171. Государственный строй Российской империи накануне крушения / О. И. Чистяков, Г. А. Кутьина // Сборник законодательных актов. – М., 1995.
172. Graburn, N. Eskimo Law in the Light of Self – and Group – Interest / N. Graburn // Law Society Review. – 1969. – № 4. – С. 52–59.
173. Гражданское право : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов – М. : БЕК, 2000.
174. Гражданское право : в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – М., 2001.
175. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства / В. Г. Графский. – М., 2003.
176. Графский, В. Г. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) / В. Г. Графский // Государство и право. – 2003. – № 5 – С. 5–33.
177. Графский, В. Г. Политические и правовые идеи XX в. / В. Г. Графский // История политических и правовых учений. – М. : Норма, 2001.
178. Графский, В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода / В. Г. Графский // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119.
179. Графский, В. Г. Тырновская конституция 1879 года: участие русских юристов в подготовке первой болгарской конституции / В. Г. Графский // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 63–67.
180. Гревцов, Ю. И. Очерки теории и социологии права / Ю. И. Гревцов. – СПб. : Знание, 1996.
181. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М., 1956.
182. Губаева, Т. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Т. Губаева, М. Муратов, Б. Пантелеев // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 64–65.
183. Гукасян, Р. Е. Правовая охрана памяти умерших – предмет судебной защиты / Р. Е. Гукасян // Правоведение. – 1973. – № 1.
184. Гулиев, В. Е. Отчужденное государство / В. Е. Гулиев, А. В. Колесников. – М. : Манускрипт, 1998. – С. 172.
185. Гурвич, Г. С. Нравственность и право / Г. С. Гурвич. – М., 1924.
186. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1984.

187. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1981.
188. Гуревич, П. С. Тайна человека // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии, XIX век / П. С. Гуревич ; отв. ред. Фролов И. Т. – М. : Республика, 1995.
189. Гусейнов, А. А. Великие моралисты / А. А. Гусейнов. – М., 1995.
190. Гущина, Н. А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Гущина. – СПб., 2004.
191. Дайси, А. В. Основы государственного права Англии / А. В. Дайси. – М. : Тип. изд-ва И. Д. Сытина, 1907.
192. Дамирли, М. А. Право и история: эпистемологические проблемы. Опыт комплексного исследования проблем предмета и структуры историко-правового познания / М. А. Дамирли. – СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та. – 2002. – С. 242.
193. Даниленко, Г. М. Международная защита прав человека. Вводный курс / Г. М. Даниленко. – М. : Юрист, 2000.
194. Двигалева, А. А. Теория государства и права : курс лекций / А. А. Двигалева. – СПб. : Виктория плюс, 2002.
195. Демидов, А. И. Мир политических ценностей / А. И. Демидов // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 18–25.
196. Дженис, М. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарий) / М. Дженис, Р. Кей, Э. Брэдли ; пер. с англ. – М., 1997.
197. Дженкс, Э. Английское право / Э. Дженкс. – М. : Госюриздат, 1947.
198. Джефферсон, Т. О демократии / Т. Джефферсон. – СПб. : Рес. Гумана, Лениздат, 1992.
199. Дживелегов, А. К. Возрождение / А. К. Дживелегов // Собрание текстов. – М. – Л., 1925.
200. Диас-Мелиан де Ханиш М. В. Основа и природа правовой интеграции / М. В. Диас-Мелиан де Ханиш // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 173–178.
201. Диденко, Н. Г. Право и свобода / Н. Г. Диденко, В. Н. Селиванов // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 4–27.
202. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. IV / Дионисий Галикарнасский // Хрестоматия по истории Древнего мира. – М., 1953. – Т. III.
203. Дмитриев, Ю. А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции / Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 38–43.
204. Дмитриев, Ю. А. Право человека на достойную жизнь как конституционная категория / Ю. А. Дмитриев // Конституционный строй России. Вып. 3. – М., 1996. – С. 54–62.

205. Дмитриев, Ю. А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю. А. Дмитриев, Г. Г. Черемных // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 44–50.

206. Дмитриева, Г. К. Мораль и международное право / Г. К. Дмитриева. – М., 1991.

207. Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / Д. В. Дождев ; под ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 1996. – С. 228–278.

208. Древнеегипетская «Книга мертвых». Слово Устремленного к Свету / сост., пер., предисл. и коммент. А. К. Шапошникова ; поэт. пер. И. Евсье. – М., 2003.

209. Древнеримские мыслители. Свидетельства. Тексты. Фрагменты. – Киев, 1958.

210. Древний Египет. Сказания. Притчи / пер. с др.-египет. И. С. Кацнельсона, Ф. Л. Мендельсона. – М., 2000.

211. Дрейслер, И. С. Советское право и моральный кодекс строителя коммунизма / И. С. Дрейслер. – М., 1964.

212. Дробышевский, С. А. История политических и правовых учений / С. А. Дробышевский. – М. : Норма, 2007.

213. Дробышевский, С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / С. А. Дробышевский ; Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск, 1995.

214. Дробышевский, С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции / С. А. Дробышевский. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1991.

215. Дроздов, А. В. Человек и общественные отношения / А. В. Дроздов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1966.

216. Дудко, И. Г. К вопросу о «правовой системе» субъектов РФ / И. Г. Дудко // Государство и право. – 2003. – № 9. – С. 96–99.

217. Duerig, G. Grundgesetz fuer die Bun desrepublik Deutschland. Kommentar 24 Art. 1 GG in: Maunz-Duerig. Grundges – ez – t kommentar, 4 Aufl. Muenchen Berlin, 1974.

218. Думанов, Х. М. Мононорматика и начальное право (статья первая) / Х. М. Думанов, А. И. Першиц // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 102–103.

219. Дьяконов, И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья / И. М. Дьяконов. – М., 1959.

220. Дюги, Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – М. : Тип. изд-ва И. Д. Сытина, 1908.

221. Дюги, Л. Общество, личность и государство / Л. Дюги. – СПб. : Изд-во «Вестника знания», [Б. г.].

222. Дякин, В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. / В. С. Дякин. – Л., 1978.
223. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 2003. – Гл. 10.
224. Еременко, В. И. Антимонопольное законодательство зарубежных стран / В. И. Еременко // Государство и право. – 1995. – № 9.
225. Ерошенко, А. А. Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности / А. А. Ерошенко // Советское государство и право. – 1980. – № 10.
226. Жакенов, В. А. Личные неимущественные права в советском гражданском законодательстве и их социальное значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Жакенов. – М., 1984.
227. Жидков, О. А. История государства и права Древнего Востока / О. А. Жидков. – М., 1963.
228. Жильцов, С. В. Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I / С. В. Жильцов // Правоведение. – 2002. – № 1. – С. 206–219.
229. Жильцов, С. В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении / С. В. Жильцов // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 47–52.
230. Жуков, В. Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX – начала XX в.: общественно-политическая функция и онтологическая основа / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 99–106.
231. Жучков, В. А. Немецкая философия эпохи раннего Просвещения (конец XVII – первая четверть XVIII в.) / В. А. Жучков. – М., 1989.
232. Закомлистов, А. Ф. Концептуальная сущность юриспруденции / А. Ф. Закомлистов // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 99–103.
233. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М. : Юрид. лит., 1997.
234. Зеленев, Е. И. Египет / Е. И. Зеленев. – СПб., 2004.
235. Зиновьев, А. В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правового государства / А. В. Зиновьев // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 81–96.
236. Золотухина-Аболина, Е. В. Современная этика / Е. В. Золотухина-Аболина. – Ростов н/Д : Март, 2003.
237. Иванец, Г. И. Глобализация, государство, право / Г. И. Иванец, В. И. Червонюк // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 87–94.
238. Иванов, В. Г. История этики средних веков / В. Г. Иванов. – СПб. : Лань, 2002.
239. Иванов, К. Ф. Многоликое средневековье / К. Ф. Иванов. – М., 1996.

240. Иванов, О. И. Общественное мнение и власть / О. И. Иванов // Социально-политический журнал. – 1993. – № 7. – С. 35–44.
241. Иванов, В. Г. Синергетическая природа социальных модернизаций / В. Г. Иванов. – Тверь, 1995. – С. 393.
242. Игнатенко, Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности / Г. В. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 87–101.
243. Ибн Сина. Избранные философские произведения / Ибн Сина. – М., 1980.
244. Изгоев, А. С. Русское общество и революция : сб. статей / А. С. Изгоев. – М., 1910. – С. 80.
245. Илларион. Слово о законе и благодати / Илларион. – М., 1994.
246. Илларионов, А. Основные тенденции развития мировой экономики во второй половине XX в. / А. Илларионов. – М., 1997.
247. Иловайский, Д. И. История России. Царская Русь / Д. И. Иловайский. – М. : Чарли, 1996. – С. 384–386.
248. Ильин, А. В. Отпускной билет воспитанника Александровского Лицея (1906 г.) / А. В. Ильин // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 219–221.
249. Ильинский, Н. И. История государства и права зарубежных стран / Н. И. Ильинский. – М., 2003.
250. Иноземцев, В. За пределами экономического общества / В. Иноземцев. – М., 1998.
251. Иноземцев, В. Пределы «догоняющего» развития / В. Иноземцев. – М., 2000.
252. Иноземцев, В. Расколота цивилизация / В. Иноземцев. – М., 1999.
253. Juan Pablo II. Enchclica Sollicitudo Socialis. N. 26, Storni F. Libertad e Integraciyn Latinoamericana. – Buenos Aires: P. 22I Cid Editor, 1982. – P. 29.
254. Иоффе, О. С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан / О. С. Иоффе // Советское государство и право. – 1962. – № 7.
255. Иоффе, Г. З. Февральская революция. Крушение царизма / Г. З. Иоффе // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 10–11.
256. Ирошников, М. Н. Декреты Великого Октября / М. Н. Ирошников. – М., 1967.
257. Исаев, И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – М. : Юристъ, 2004.
258. Исаев, И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. / И. А. Исаев. – М., 1995..
259. История Востока : в 5 т. / отв. ред. В. А. Яковсон. – М., 1999. Т. 1. Восток в древности.

260. История государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / под ред. Н. П. Крашенинниковой, О. А. Жидкова – М. : Норма, 2001.
261. История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2001.
262. История политических учений / под общ. ред. О. В. Мартышина. – М. : Норма, 2002.
263. История России с начала XVIII до конца XIX в. / Л. В. Милов, П. Н. Зырянов, А. Н. Боханов ; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М. : АСТ-ЛТД, 1998. – С. 538.
264. История средних веков : хрестоматия. Ч. II. – М., 1974.
265. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / под ред. С. М. Стама. – Саратов, 1988. – Т. II.
266. Кабо, В. Р. Первобытная доземледельческая община / В. Р. Кабо. – М. : Наука, 1986. – С. 260.
267. Кабышев, В. Т. Защита прав человека – главное направление правовой политики России / В. Т. Кабышев // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 124–125.
268. Кабышев, В. Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий / В. Т. Кабышев // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 61–70.
269. Казанин, И. Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (октябрь 1917–1919 г.) / И. Е. Казанин // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 198–214.
270. Каламкарян, Р. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Воспитание поколений XXI в. (материалы Международн. симпозиума) / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 109–121.
271. Каламкарян, Р. А. Концепция господства права в современном международном праве / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 50–57.
272. Каламкарян, Р. А. Права человека в России: декларации, норма и жизнь : материалы Междунар. конф., посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 37–50, № 4. – С. 31–41.
273. Каламкарян, Р. А. Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции : по материалам науч.-практ. конф. / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 80–89, № 5. – С. 111–121.
274. Каламкарян, Р. А. Юридические гарантии прав личности в РФ : по материалам круглого стола / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 95–107.

275. Калашников, С. В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества / С. В. Калашников // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 17–25.

276. Калашников, В. Д. Советы и их власть в Московском государстве / В. Д. Калашников // Теория и история. – Красноярск. – 2004. – № 1. – С. 21.

277. Каневский, К. Социальная доктрина католической церкви. Институт государства глазами католиков / К. Каневский // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 69–72.

278. Кант, И. Собрание сочинений / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4.

279. Канторович, Э. Два тела короля: очерк политической теологии Средневековья : пер. на рус. / Э. Канторович // История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С. 142–154.

280. Капицын, В. М. Права человека и механизмы их защиты / В. М. Капицын. – М. : Юркнига, 2003.

281. Капустин, Б. Г. Выступление на «круглом столе» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» на тему «Гражданское общество, правовое государство и право» / Б. Г. Капустин // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 12–50.

282. Кардини, Ф. История средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М., 1987.

283. Карева, М. П. Право и нравственность в социалистическом обществе / М. П. Карева. – М., 1951.

284. Карлейль, Т. Французская революция / Т. Карлейль. – М., 1991.

285. Карманов, Ф. О защите чести и достоинства граждан / Ф. Карманов // Сов. юстиция. – 1987. – № 14. – С. 28.

286. Карпец, И. И. Уголовное право и этика / И. И. Карпец. – М., 1985.

287. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы / Т. В. Кашанина. – М. : Юристъ, 1999. – С. 218, 236, 293.

288. Кашепов, В. П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства её реализации / В. П. Кашепов // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 66–71.

289. Кеннеди, П. Вступая в двадцать первый век / П. Кеннеди. – М., 1997.

290. Кечекьян, С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве / С. Ф. Кечекьян. – М. – Л., 1947.

291. Кибальник, А. Г. О соответствии уголовного законодательства международному стандарту по правам человека / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 42–48.

292. Кива А. Россия фатально отстала в экономической и социальной сферах за годы радикально-либеральных перемен / А. Кива // Литературная газета. – 2004. – № 14.

293. Киреевский, И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / И. В. Киреевский // Московский сборник. – 1852. – Т. 1. – С. 27.

294. Климент Александрийский. Педагог / Климент Александрийский. – М., 1996.

295. Кобрин, В. Б. Образование древнерусского государства и его социальный и политический строй / В. Б. Кобрин // История России с древнейших времен до 1861 года : учебник для вузов / В. В. Кобрин, Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. А. Федоров ; под ред. Н. И. Павленко. – М. : Высш. шк., 2000. – С. 41.

296. Ковалев, А. М. Современное состояние Конституции V республики во Франции (проблемы реформы конституции) / А. М. Ковалев // Государство и право. – 1997. – № 4. – С. 100–102.

297. Ковалевский, М. М. Обособление дозволенных и недозволенных действий / М. М. Ковалевский // Новые идеи в социологии : сб. 4. – СПб., 1913.

298. Кожин, П. М. Традиции в системе этноса / П. М. Кожин // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 6. – С. 3.

299. Ковлер, А. И. Юридическая антропология / А. И. Ковлер. – М., 2002.

300. Ковтунович, О. В. Вечный Египет / О. В. Ковтунович – М., 1989.

301. Козлихин, И. Ю. Позитивизм и естественное право / И. Ю. Козлихин // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5–11.

302. Козулин, А. И. Об источниках прав человека / А. И. Козулин // Государство и право. – 1994. – № 2.

303. Козьменко, И. В. Петербургский проект Тырновской конституции 1879 г. (с приложением протокольных записей и документов) / И. В. Козьменко // Исторический архив. – М. – Л., 1949. – Т. IV. – С. 322–323.

304. Колотова, Н. В. Права человека как сфера взаимодействия права и морали / Н. В. Колотова // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2002. – С. 265–276.

305. Комаров, С. А. Общая теория государства и права / С. А. Комаров. – М. : Манускрипт, 1996. – С. 135.

306. Комарова, В. В. Уполномоченный по правам человека в РФ / В. В. Комарова // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 21–31.

307. Kommers, D. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany / D. Kommers, P. Donald. – Durham and London : Duke University Press, 1989. – P. 443.

308. Конрад, Н. И. «Средние века» в исторической науке / Н. И. Конрад // Запад и Восток. – М., 1966.

309. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. – М. : БЕК, 1998. – Т. 3.

310. Конституционное право зарубежных стран / под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – М. : Норма, 2003. – С. 496–498.

311. Король Артур и рыцари Круглого стола. Рыцарская энциклопедия. – М., 1994.

312. Коран / пер. и комментарии И. Ю. Крачковского. – М., 1963.

313. Корнев, А. В. Правовая мысль в дореволюционной России / А. В. Корнев, А. В. Борисов. – М. : ЭКСМО, 2005. – С. 8.

314. Коробова, А. П. Некоторые спорные вопросы учения о правовой политике / А. П. Коробова // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 147–148.

315. Костюк, В. Д. Нематериальные блага, защита чести, достоинства и деловой репутации / В. Д. Костюк. – М. : Лекс-Книга, 2002.

316. Кравцов, Н. А. Учение Аристотеля о политике и праве / Н. А. Кравцов // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 234–250.

317. Крамер, С. История начинается в Шумере / С. Крамер. – М., 1991.

318. Красавчикова, Л. О. Гражданско-правовая защита чести и достоинства : текст лекций / Л. О. Красавчикова – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1993.

319. Краснова, И. А. Обычай вендетты и коммунальная политика в записках купцов Флоренции XIV–XV вв. / И. А. Краснова // Право в средневековом мире / отв. ред. О. И. Варьяш. – СПб., 2001. – Вып. 2. – С. 58–68.

320. Краткая философская энциклопедия. – М. : Прогресс-Энциклопедия, 1994.

321. Крашенинникова Н. А. История права Востока / Н. А. Крашенинникова. – М., 1994.

322. Кроткова, Н. В. Права человека и стратегия устойчивого развития : круглый стол / Н. В. Кроткова // Государство и право. – 1998. – № 11. – С. 103–119.

323. Кроткова, Н. В. Система права субъектов РФ: проблемы становления и развития (межрегиональная научно-практическая конференция) / Н. В. Кроткова // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 99–105.

324. Крусс, В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В. И. Крусс // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 46–53.

325. Крылова, Н. С. Английское государство / Н. С. Крылова. – М. : Наука, 1981.
326. Кубланов, М. М. Возникновение христианства: Эпоха. Идеи. Искания / М. М. Кубланов. – М. 1974.
327. Кудинов, О. А. Официальные конституционные проекты Российской империи XIX в. / О. А. Кудинов // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 70–78.
328. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М., 1982.
329. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – М., 1987.
330. Куприянов, А. Библейские корни правосознания россиян / А. Куприянов // Российская юстиция. – 1998. – № 1. – С. 59–62.
331. Куприянов, А. Церковное право и его рецепция в российском законодательстве / А. Куприянов // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 68–69.
332. Ламберг-Карловски, К. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика / К. Ламберг-Карловски, Дж. Саблов. – М., 1992.
333. Лаптева, Л. Е. Политико-правовые ценности: история и современность (Симпозиум) / Л. Е. Лаптева // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 84–86.
334. Лашко, Е. Спасение утопающих становится делом их родственников / Е. Лашко // Известия. – 1998. – 12 авг.
335. Ле Гофф Ж. С небес на землю: перемены в системе ценностных ориентаций на Христианском Западе XII–XIII вв. / Ж. Ле-Гофф // Одиссей. – М., 1994. – С. 165–173.
336. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.
337. Лебедева, Е. Н. Механизм правового стимулирования социально активного поведения (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Лебедева. – Саратов, 2002.
338. Левакин, И. В. Современная российская государственность: проблемы переходного периода / И. В. Левакин // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 5–12.
339. Ледях, И. А. Хартия основных прав Европейского Союза / И. А. Ледях // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 51–58.
340. Лейст, О. Э. Право и мораль / О. Э. Лейст // Общая теория права. – М. : МГТУ, 1996. – С. 105–111.
341. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – М. : Зерцало, 2002.
342. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 14. – С. 38.

343. Лимнатис, Н. Манипулирование / Н. Лимнатис. – М., 2000.
344. Липецкер, М. Гражданская ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан и организаций / М. Липецкер // Защита прав личности по гражданским делам. – М., 1966.
345. Липецкер, М. Защита чести и достоинства советских граждан / М. Липецкер // Советская юстиция. – 1967. – № 8. – С. 10–12.
346. Локк, Д. Избранные философские произведения : в 2 т. / Д. Локк. – М., 1960. – Т. 2.
347. Луи, П. Рабочий и государство / П. Луи. – М., 1904.
348. Лукашева, Е. А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашева. – М., 1986.
349. Лукашева, Е. А. Приоритет прав человека по отношению к политике / Е. А. Лукашева // Права человека. – М. : Норма, 2002.
350. Луковская, Д. И. Право, государство, политика (к разработке современной концепции правового государства / Д. И. Луковская, И. Ю. Козлихин // Политико-правовое устройство реформируемой России: Планы и реальность. Вып. 3. – СПб., 1995. – С. 115.
351. Луковская, Д. И. Философия и политика: взаимосвязь теории и практики (Древняя Греция). Из истории развития политико-правовых идей / Д. И. Луковская. – М., 1984.
352. Лунев, Ю. Ф. Проблема государственного устройства в Польше после прекращения династии Ягеллонов / Ю. Ф. Лунев // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 196–203.
353. Лунеев, В. В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму / В. В. Лунеев // Государство и права. – 1998. – № 5. – С. 47–58.
354. Лурье, И. М. Очерки древнеегипетского права. Памятники и исследования / И. М. Лурье. – М., 1960.
355. Любимов, Ю. С. Квасисубъектное образование в гражданском праве // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 98–124.
356. Luhman, N. Ausdifferenzierung des Rechts. Beitrage zur Rechtstheorie / N. Luhman. – Frankfurt am Main, 1981.
357. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер. – М. : Прогресс-Универс, 1993.
358. Майоров, Г. Г. Формирование средневековой философии / Г. Г. Майоров. – М. : Мысль, 1979.
359. Mac Neish, J. H. Leadership among the Northern Athabascans / J. H. Mac Neish // Anthropologica, 1956. – № 2. – С. 151.
360. Маклаков, В. В. Парламент Франции / В. В. Маклаков // Парламенты мира. – М. : ВШ. Интерпракс, 1991.

361. Максимова, В. В XXI век – со старыми и новыми глобальными проблемами / В. Максимова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1998. – № 10.
362. Малахов, В. П. *Философия права* / В. П. Малахов. – М. : Академический проект, 2002.
363. Малевич, Ю. И. *Права человека в глобальном мире* / Ю. И. Малевич. – М. : АСТ, 2004.
364. Малеин, Н. С. *Принципы права, нормы и судебная практика* / Н. С. Малеин // *Государство и право*. – 1996. – № 6.
365. Малеина, М. Н. *Защита личных неимущественных прав советских граждан* / М. Н. Малеина. – М., 1991.
366. Малеина, М. Н. *Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя* / М. Н. Малеина // *Законодательство и экономика*. – 1993. – № 24.
367. Малько, А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А. В. Малько // *Государство и право*. – 2001. – № 5. – С. 5–13.
368. Малько, А. В. *Правовое государство* / А. В. Малько // *Правоведение*. – 1997. – № 3. – С. 137–146.
369. Малько, А. В. *Правовые иммунитеты* / А. В. Малько // *Правоведение*. – 2000. – № 6. – С. 11–22.
370. Малько, А. В. *Проблемы наградной политики в России* / А. В. Малько // *Правоведение*. – 1997. – № 4. – С. 153–155.
371. Малько, А. В. *Стимулы и ограничения в праве* / А. В. Малько // *Правоведение*. – 1998. – № 3. – С. 134–147.
372. Малько, А. В. *Правовая политика современной России. Цели и средства* / А. В. Малько, К. В. Шундигов // *Государство и право*. – 2001. – № 7. – С. 15–22.
373. Мальцев, Г. В. *Новое мышление и современная философия прав человека* / Г. В. Мальцев // *Права человека в истории человечества и в современном мире*. – М., 1989.
374. Мамонов, В. В. *Защита прав соотечественников – конституционный принцип государственной политики России* / В. В. Мамонов // *Правоведение*. – 1998. – № 1. – С. 125–126.
375. Мамонов, В. В. *Становление национальной безопасности Российской Федерации* / В. В. Мамонов // *Правоведение*. – 2001. – № 4. – С. 73.
376. Мамут, Л. С. *Социальное государство с точки зрения права* / Л. С. Мамут // *Государство и право*. – 2001. – № 7. – С. 5–14.
377. *Man the Hunter*. Ed. by R. B. Lee, and I. De Vore – Chicago : Aldine Publishing Company, 1968. – P. 246.
378. Маркс, К. *Из ранних произведений* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956. – С. 562.

379. Маркс К. Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 20. – С. 294.
380. Марочкин, С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации / С. Ю. Марочкин. – Тюмень, 1998.
381. Мартышин, О. В. Конституция Российской Федерации 1993 как памятник эпохи / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 4.
382. Мартышин, О. В. О концепции учебника теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 59–67.
383. Мартышин, О. В. Совместимы ли основные типы понимания права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 15–21.
384. Мархотин, Н. С. Честь и достоинство советского гражданина / Н. С. Мархотин. – Ростов н/Д, 1978.
385. Марцева, Л. М. Социальное наследие научно-технической революции в цивилизационно-информационном резонансе / Л. М. Марцева // Теория и история. – 2004. – № 1. – С. 47–59.
386. Матвеева, Т. Д. Неправительственные организации в механизмах защиты прав человека / Т. Д. Матвеева. – М. : Изд-во РАГС, 1997.
387. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы российской правовой политики / Матузов Н. И. // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 5–12.
388. Матузов, Н. И. Ещё раз о принципе «незапрещенное законом – дозволено» / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 14–32.
389. Матузов, Н. И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 6–17.
390. Матузов, Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 198.
391. Матузов, Н. И. Соотношение права и морали: единство, различие, взаимодействие, противоречия / Н. И. Матузов // Теория государства и права ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2001. – С. 326–342.
392. Матузов, Н. И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969.
393. Матузов, Н. И. Теория и практика прав человека в России / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 22–35.
394. Медушевский, А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский. – М., 1997.
395. Мелори, Т. Смерть Артура / Т. Мелори. – М., 1978.
396. Мень, А. Сын человеческий / А. Мень. – М., 1991.
397. Мережковский, Д. С. Лица святых. От Иисуса к нам / Д. С. Мережковский. – М., 1997.

398. Merton, R. On Theoretical Sociology: Five Essays. Old and New / R. Merton. – N.Y., 1967.
399. Милль, Дж. Ст. Представительное правление / Дж. Ст. Милль. – СПб., 1907.
400. Милль, Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе / Дж. Ст. Милль. – СПб., 1900.
401. Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г. Мачинцев. – СПб., 1993.
402. Михайлова, А. Е. Правовая жизнь современной России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Е. Михайлова. – Саратов, 2004.
403. Мицкевич, А. В. Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму / А. В. Мицкевич // Правоведение. – 1962. – № 3.
404. Мовчан, А. П. Международная защита прав человека / А. П. Мовчан. – М., 1958.
405. Молочков, Ю. В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Молочков. – Екатеринбург, 1993.
406. Монтэ, П. Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / П. Монтэ ; пер. с фр. Ф. Мендельсона. – М., 1989.
407. Монтень М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень. – М., 1979.
408. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М., 1955.
409. Мораль и право в развитом социалистическом обществе. – М., 1979.
410. Морозова, Л. А. Права человека в условиях становления гражданского общества : международная научно-практическая конференция / Л. А. Морозова // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 102–111.
411. Морозова, Л. А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по Российскому законодательству и международному праву / Л. А. Морозова // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 20–42, № 8. – С. 39–70, № 10. – С. 45–62.
412. Морозова, Л. А. Теория государства и права / Л. А. Морозова. – М. : Юристъ, 2004. – С. 185.
413. Муксинов, И. Ш. Развитие конституционного судопроизводства – гарантия становления гражданского общества / И. Ш. Муксинов, Р. А. Рахимов, А. Г. Хабибуллин, В. Е. Сафонов // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 269–276.
414. Муромцев, С. А. Статьи и речи. Вып. V / С. А. Муромцев. – М., 1910. – С. 76.

415. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. – М., 1991.
416. Небратенко, Г. Г. Становление службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX вв.) / Г. Г. Небратенко // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 85–87.
417. Невважай, И. Д. О соотношении естественного и позитивного права / И. Д. Невважай // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 164–166.
418. Неволин, К. А. Полн. собр. соч. / К. А. Неволин – СПб., 1857. – Т. 11. – С. 111.
419. Нерсисянц, В. С. Политико-правовые идеи раннего христианства / В. С. Нерсисянц // История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 2004.
420. Нерсисянц, В. С. Политические и правовые учения европейского Просвещения / В. С. Нерсисянц // История политических и правовых учений. – М. : Норма, 2001.
421. Нерсисянц, В. С. Право и закон / В. С. Нерсисянц // Из истории политических и правовых учений. – М., 1983. – С. 105–120.
422. Нерсисянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма, 2003.
423. Нигматуллин, Р. В. Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир : междунар. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию Всеобщей декларации прав человека / Р. В. Нигматуллин, Р. Ф. Хабиров // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 95–99.
424. Никеров, Г. И. Антимонопольное регулирование в США: 115-летний опыт и его итоги / Г. И. Никеров // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 69–76.
425. Никольский, С. Л. Кровавая месть и наследование в раннесредневековой Скандинавии / С. Л. Никольский // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – М. : Петрозаводск, 1997. – С. 112–113.
426. Нибур, Р. Конфликт между индивидуумом и общественной нравственностью / Р. Нибур // Мораль в политике. – М., 2004. – С. 403–422.
427. Ницше, Ф. Антихрист / Ф. Ницше. Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 646.
428. Новицкая, Т. Е. Реформы Александра II / Т. Е. Новицкая // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1998. – № 6. – С. 38–53.
429. Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
430. Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – СПб. : Лань, 2000.
431. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М. : Пресса, 1991.

432. Новгородцев, П. И. Право и нравственность / П. И. Новгородцев // Правоведение. – 1995. – № 6.
433. Новгородцев, П. И. Право на достойное человеческое существование / П. И. Новгородцев // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 127–131.
434. Новоселов, В. Р. Право на дуэль и социальная репутация во Франции XVI в. / В. Р. Новоселов // Право в средневековом мире / отв. ред. О. И. Варьяш. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 240–252.
435. Нормы советского права. – Саратов, 1987.
436. Нырков, В. А. Поощрение и наказание как парные юридические категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Нырков. – Саратов, 2003.
437. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. – М. : Наука, 1995.
438. Оболонский, А. В. Государственная служба США: история и современность / А. В. Оболонский // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 103.
439. Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1996.
440. Общая теория государства и права : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 1998. – Т.1. Теория государства.
441. Овсепян, Ж. И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции / Ж. И. Овсепян // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 24–36.
442. Огарев, Н. П. «Что бы сделал Петр Великий» / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения. – М., 1956. – Т. 2. – С. 24–30.
443. Огородов, Д. В. Всероссийская студенческая конференция о правах человека в современном мире / Д. В. Огородов // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 287–288.
444. Ойгензихт, В. А. Мораль и право: Взаимодействие. Регулирование. Поступок / В. А. Ойгензихт. – Душанбе, 1987.
445. Омельченко, О. А. Римское право / О. А. Омельченко. – М. : Остожье, 2000.
446. Основы права и государства / под общ. ред. В. М. Шафирова. – Красноярск, 2000.
447. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа / М. Оссовская. – М., 1987.
448. Островский, Я. А. ООН и права человека / Я. А. Островский. – М., 1968.
449. Открытое государство: политико-правовое видение // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 60–68.
450. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М., 1955. – С. 378–380.

451. Памятники византийской литературы IV–IX веков. – М., 1968.
452. Памятники русского права. – М., 1952. – Вып. 3. – С. 426, 429, 440–441.
453. Panikkar, R. Is the Notion of Human Rights a Western Concept? / R. Panikkar // Alston Ph. (ed.) Human Rights Law. – N. Y., 1996. – P. 76–77.
454. Папа Иоанн Павел II. Переступить порог надежды / Папа Иоанн Павел II. – М., 1995.
455. Паренти, М. Демократия для немногих / М. Паренти. – М., 1992.
456. Пашуканис, Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е. Б. Пашуканис. – М., 1980. – С. 111.
457. Пеньков, Е. М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности / Е. М. Пеньков. – М., 1972.
458. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000.
459. Петров, А. А. Очерк философии Китая / А. А. Петров // Китай. – М. – Л., 1940.
460. Петрухин, И. Л. Частная жизнь (правовые аспекты) / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 64–73.
461. Петрухин, И. Л. Человек как социально-правовая ценность / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 83–90.
462. Pieroth, V. Schlink V. Grundrechte. Staatsrecht II. 14, ueberarb. Aufl. – 1998. – S. 89.
463. Плахов, В. Д. Социальные нормы: Философские основания общей теории / В. Д. Плахов. – М., 1985.
464. Плутарх, Сравнительные жизнеописания / Плутарх. – М., 1961. – Т. 1.
465. Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Neptapulus. De ente et uno. A cura di E. Garin. – Firenze, 1942.
466. Погосбемян, Д. Р. Проблемы права и нравственности в первом русском политическом трактате «Слово о законе и благодати» (XI в.) / Д. Р. Погосбемян // Государство и право. – 2002. – № 6. – С. 98–103.
467. Поздняя греческая проза. – М., 1960.
468. Политология для юристов / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 1999.
469. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.
470. Поляков, А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А. В. Поляков // Правоведение. – 2000. – № 2.
471. Поляков, А. В. Рецензия на книгу Баскина Ю. Я., Баскина Д. А. Павел Иванович Новгородцев (Из истории русского либерализма). – СПб., 1997 / А. В. Поляков // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 205–207.

472. Полякова, М. Ф. Реабилитация невиновных: гарантия чести и достоинства личности / М. Ф. Полякова // Советское государство и право. – 1976. – № 10.
473. Попков, В. Д. Лекция № 18. Взаимосвязь права и морали / В. Д. Попков // Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. – С. 323–327.
474. Посошков, И. Книга о скудости и богатстве / И. Посошков. – М., 1842. – С. 45.
475. Pospisil, L. J. Anthropology of Law. A Comparative Theory. – N. Y. etc.: Harper and Row., 1971. – С. 94–95.
476. Поцелуев, Е. Л. Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности? / Е. Л. Поцелуев // Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 154–165.
477. Поэзия и проза Древнего Востока. – М., 1973.
478. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2002.
479. Права человека. История, теория и практика : учеб. пособие / отв. ред. Б. Л. Назаров. – М., 1996.
480. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 89–100.
481. Правозащитное движение в России: состояние, актуальные проблемы // Государство и право. – 1997. – № 7.
482. Придворов, Н. А. Достоинство личности и социалистическое право / Н. А. Придворов. – М. : Юрид. лит., 1977.
483. Придворов, Н. А. Институт достоинства личности в советском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Придворов. – Харьков, 1986.
484. Придворов, Н. А. Общая и специальная гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Придворов. – Харьков, 1967.
485. Приходько, И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. М. Приходько. – Саратов, 2002.
486. Пронина, М. Г. Защита чести и достоинства граждан / М. Г. Пронина, А. Н. Романович. – Минск, 1976.
487. Прянишников, Е. А. Совершенствование гражданско-правовых норм о защите чести и достоинства граждан / Е. А. Прянишников // Советское государство и право. – 1990. – № 3.
488. Пучков, О. А. Антропологическое постижение права / О. А. Пучков. – Екатеринбург, 1999.
489. Пушкарёва, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / И. М. Пушкарёва. – М., 1982.

490. Работяжев, Н. В. Политическая система тоталитаризма: структура и характерные особенности / Н. В. Работяжев // Вестник МГУ. Сер. Политические науки. – 1998. – № 1.
491. Разгон, А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата / А. И. Разгон. – М., 1977.
492. Разумович, Н. Н. Политическая и правовая культура: идеи и институты Древней Греции / Н. Н. Разумович. – М., 1989. – С. 204–220.
493. Рассказов, Л. П. Инструкция зрителю губернского тюремного замка 1831 г. как исток уголовно-исполнительного права России / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 246.
494. Ратиани, Н. Пять задач Михаила Фрадкова / Н. Ратиани, А. Шведов // Известия. – 2004. – 16 апр.
495. Рафиева, Л. К. Условия и порядок гражданско-правовой защиты чести и достоинства граждан и организаций / Л. К. Рафиева // Вестник ЛГУ. – Вып. 1. – 1966. – № 5. – С. 139–144.
496. Рафиева, Л. К. Честь и достоинство как правовые категории / Л. К. Рафиева // Правоведение. – 1966. – № 2. – С. 57–64.
497. Рашковский, Е. Человеческое достоинство и смысл истории / Е. Рашковский // Коммунист. – 1990. – № 8. – С. 25–26.
498. Раянов, Ф. М. От правоведения к юриспруденции / Ф. М. Раянов // Государство и право. – 2003. – № 9. – С. 5–9.
499. Ревякина, Н. В. Вступительная статья / Н. В. Ревякина // Образ человека в зеркале гуманизма. – М. : УРАО, 1999. – С. 5–38.
500. Редер, Д. Г. Законодательство в Древнем Египте / Д. Г. Редер // Культура Древнего Египта. – М., 1986.
501. Ренан, Э. История первых веков христианства. Жизнь Иисуса. Апостолы / Э. Ренан. – М., 1991.
502. Решетников, А. Б. Законодательная база аграрной реформы 1905–1911 гг. в России / А. Б. Решетников // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 92.
503. Рид, Дж. 10 дней, которые потрясли мир / Дж. Рид. – М., 1957.
504. Римашевская, Н. Наш прожиточный минимум очень тощий / Н. Римашевская // Труд-7. – 2004. – 3 июня. – С. 6.
505. Римашевская, Н. Умирает больше, чем рождается / Н. Римашевская // Аргументы и факты. – 2004. – № 22.
506. Riches, D. Northern Nomadic Hunter-Gatherers. A Humanistic Approach / D. Riches. – London : Academic Press, 1982. – P. 132, 136.
507. Ромашов, Р. А. Античный полис как форма социального устройства и государственного правления / Р. А. Ромашов // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 30.

508. Российское государство и право на рубеже тысячелетий : все-российская науч. конф. // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 10.
509. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М. : Юрид. лит., 1994. – Т. 9.
510. Россия в постиндустриальном мире. – М., 2000.
511. Ростовщиков, И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел / И. В. Ростовщиков. – Волгоград, 1997.
512. Руа, Ж. Ж. История рыцарства / Ж. Ж. Руа. – М., 1996.
513. Рулан, Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / Н. Рулан ; пер. с фр. ; отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М., 1999.
514. Руссо, Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми; Общественный договор или принципы политического права / Ж. Ж. Руссо // Трактаты. – М., 1990.
515. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1938.
516. Рыбаков, О. Ю. Политическое отчуждение человека / О. Ю. Рыбаков. – Саратов, 1997.
517. Рыбаков, О. Ю. Человек в политике: пути самореализации / О. Ю. Рыбаков. – Саратов, 1995.
518. Рыжов, В. С. К судьбе государственного управления / В. С. Рыжов // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 22.
519. Савенко, Г. В. Об особенностях кровной мести в муниципальном праве Кастилии в XII – начале XIV вв. / Г. В. Савенко // Российское право в период социальных реформ : сб. науч. тр. аспирантов, соискателей и молодых ученых. – Нижний Новгород, 1998. – С. 57–63.
520. Савенко, Г. В. Традиции и новаторство в изучении историками проблем средневекового государства и права / Г. В. Савенко // Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 241.
521. Савичев, Г. Судебная защита чести и достоинства граждан / Г. Савичев // Советская юстиция. – 1974. – № 2. – С. 8.
522. Салическая правда / рус. пер. Н. П. Грацианского, А. Г. Муравьева. – Казань, 1913.
523. Саломатин, А. Ю. Формирование индустриального общества: США в последней трети XIX века / А. Ю. Саломатин. – Пенза, 1997.
524. Саломатин, А. Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX веке и государственная модернизация / А. Ю. Саломатин // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 196–206.
525. Сальников, В. П. Современная система защиты прав человека / В. П. Сальников, В. В. Цмай // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82–99.
526. Самигуллин, В. К. Право и неправое / В. К. Самигуллин // Государство и право. – 2002. – № 3. – С. 5–8.

527. Самозванцев, А. М. Правовой текст дхармашастры / А. М. Самозванцев. – М., 1991.
528. Сафонов, В. Н. Социальное законодательство в США (историко-правовые аспекты) / В. Н. Сафонов // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 98–105.
529. Святовец, О. А. Проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» / О. А. Святовец. – Правоведение. – № 4. – 1997. – С. 45.
530. Седугин, П. Н. Судебная практика по делам о защите чести и достоинства / П. Н. Седугин // Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964–1965 гг. – М., 1966.
531. Семенов, Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право / Ю. И. Семенов // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 4.
532. Сендеров, В. А. Унижение и достоинство человека. Две трактовки одной темы: Византия и Рим / В. А. Сендеров // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 31–38.
533. Сенцев, А. А. Развитие Российского государства после февральской революции 1917 года / А. А. Сенцев. – Краснодар, 1994.
534. Сергеев, А. П. Право на защиту репутации / А. П. Сергеев. – Л., 1989.
535. Серегин, Н. С. Всероссийская научно-теоретическая конференция «Понимание права», посвященная 75-летию со дня рождения профессора А. Б. Венгерова (1928–1998) / Н. С. Серегин // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 102–133.
536. Серегин, Н. С. Гражданское общество, правовое государство и право. Круглый стол: «Государство и право» и «Вопросы философии» / Н. С. Серегин, Н. Н. Шульгин // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 12–50.
537. Jones, E. L. Growth Recurring. Economic Change in World History / E. L. Jones. – Oxford : Clarendon Press, 1988. – Passim.
538. Сидельников, С. И. Образование и деятельность первой Государственной Думы / С. И. Сидельников. – М., 1962.
539. Сиземская, И. Н. Новый либерализм в России / И. Н. Сиземская, Л. И. Новикова // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5.
540. Сметанников, Д. С. Критические правовые исследования в США / Д. С. Сметанников // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 218.
541. Смирнова, Е. С. Россия и европейские стандарты института гражданства в начале XXI века / Е. С. Смирнова // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 67–74.
542. Соболева, А. Н. Топическая юриспруденция / А. Н. Соболева. – М. : Добросвет, 2002.

543. Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова. – М. : РОССПЭН, 2001.
544. Современный либерализм. – М., 1998.
545. Согрин, В. В. Либерализм в России: перипетии и перспективы / В. В. Согрин // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 1.
546. Соколов, В. С. Средневековая философия // В. С. Соколов. – М., 1979.
547. Соловьев, В. В. О понятии и приоритетах современной правовой политики / В. В. Соловьев // *Правоведение*. – 1997. – № 4. – С. 148–149.
548. Соловьев, В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев. – Минск, 2001.
549. Соловьев, Э. Ю. И. Кант. Взаимодополнительность морали и права / Э. Ю. Соловьев. – М., 1992.
550. Социальная история средневековья / под ред. Е. А. Косминского, Н. А. Удальцова. – М. 1927.
551. Социум XXI века / под ред. А.В. Бузгалина, А. И. Колганова. – М., 1998.
552. Спенсер, Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. – Киев : Ника-Центр, 1997.
553. Сперанский, М. М. Обзорение исторических сведений о Своде Законов / М. М. Сперанский. – СПб., 1833. – С. 118–119.
554. Сперанский, М. М. Основания российского права / М. М. Сперанский // *Правоведение*. – 2001. – № 4. – С. 231.
555. Сперанский, С. И. Практика регионального управления М. М. Сперанского (1816–1821 гг.) / С. И. Сперанский // *Государство и право*. – 2003. – № 5. – С. 82.
556. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза. – М., 1935.
557. Спиркин, А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. – М. : Гардарика, 1998.
558. Стеблин-Каменский, М. И. Мир саги / М. И. Стеблин-Каменский. – Л., 1971.
559. Стуруа, М. Изнанки и уроки трагедии на Капитолии. «Маленький человек» и в России способен на подвиг, но наверху это вряд ли заметят / М. Стуруа // *Известия*. – 1998. – 5 авг.
560. Сунгуров, А. Ю. Законодательство об уполномоченном по правам человека в некоторых субъектах Российской Федерации: сравнительный анализ / А. Ю. Сунгуров // *Правоведение*. – 2002. – № 4. – С. 115–131.
561. Сунгуров, А. Ю. Сравнительный анализ законодательства об Уполномоченном по правам человека в некоторых субъектах РФ / А. Ю. Сунгуров, А. В. Шишлов // *Государство и право*. – 2003. – № 4. – С. 41–47.

562. Сущность категории личной безопасности и ее соотношение с категориями чести и достоинства // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 127–129.

563. Беляевская, И. А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США / И. А. Беляевская. – М., 1978.

564. Тадагава, С. Конституция Японии 1889 г. и «модернизация страны» / С. Тадагава // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 198.

565. Талапина, Э. В. Вопросы правового регулирования экономической функции государства / Э. В. Талапина // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 73–79.

566. Тарановский, Ф. В. Энциклопедия права / Ф. В. Тарановский. – СПб. : Лань, 2001.

567. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас ; пер. с англ. Т. А. Азаркович. – М., 1995.

568. Теоретические проблемы современного российского конституционализма : науч.-практ. семинар / публ. подготовила Т. Я. Хабриева // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 113–114.

569. Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. – М. : Академический проект, 2002.

570. Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова, В. М. Карельского – С. 104–105.

571. Тер-Акопов, А. А. Библейские заповеди: христианство как метаправо современных правовых систем / А. А. Тер-Акопов, А. Толкаченко // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 60–63.

572. Тер-Акопов, А. А. Законодательство Моисея: источники и применение / А. А. Тер-Акопов // Российская юстиция. – 2003. – № 9 ; 2003. – № 10. – С. 39–43.

573. Тер-Акопов, А. А. Законодательство Моисея: система правонарушений / А. А. Тер-Акопов // Российская юстиция. – 2004. – № 1. – С. 40–42 ; 2004. – № 2. – С. 40–42.

574. Тер-Акопов, А. А. Христианство. Государство. Право / А. А. Тер-Акопов. – М. : МНЭПУ., 2000.

575. Тер-Акопов, А. А. Юридическая безопасность человека в РФ (основы концепции) / А. А. Тер-Акопов // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 11–18.

576. Тимошина, Е. В. Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения / Е. В. Тимошина // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 224.

577. Тихомиров, Ю. А. Государство: развитие теории и общественная практика / Ю. А. Тихомиров // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 3–14.

578. Тихомиров, Л. А. Демократия либеральная и социальная / Л. А. Тихомиров // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 4. – С. 248.
579. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М., 1994.
580. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль. – М., 1911.
581. Томсинов, В. А. Политическая и правовая мысль Московского государства / В. А. Томсинов // История политических и правовых учений ; под ред. О. Э. Лейста. – М. : Зерцало, 2002. – С. 200–202.
582. Тоффлер Эдвин. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2002.
583. Тренклер, А. И. Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном суде / А. И. Тренклер // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 190–197.
584. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб. : Лань, 1998.
585. Трубников, П. Я. Защита гражданских прав в суде / П. Я. Трубников. – М., 1990.
586. Трубников, П. Я. Применение судами Закона о печати / П. Я. Трубников // Социалистическая законность. – 1991. – № 11.
587. Трубников, П. Я. Судебная защита чести и достоинства / П. Я. Трубников // Социалистическая законность. – 1989. – № 6.
588. Туманова, А. С. Законодательство об общественных организациях России в начале XX в. / А. С. Туманова // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 84.
589. Тураев, Б. А. Древний Египет / Б. А. Тураев. – СПб., 2000.
590. Тураев, Б. А. История Древнего Востока : в 2 т. / Б. А. Тураев. – Л., 1936.
591. Ульянищев, В. Г. О значении римского права и совершенствовании методологии его преподавания в современных условиях / В. Г. Ульянищев // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 277–278.
592. Упоров, И. В. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. как исток уголовно-исполнительного права России / И. В. Упоров, Л. П. Рассказов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 245.
593. Урсалова, О. В. Из истории правового регулирования коллективных договоров в России / О. В. Урсалова // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 217.
594. Уэйд, Э. К. С. Конституционное право / Э. К. С. Уэйд, Д. Г. Филлипс. – М. : ИЛ, 1950.
595. Файнберг, Л. А. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов / Л. А. Файнберг // История первобытного общества.

Эпоха первобытной родовой общины ; под ред. Ю. В. Бромлея. – М. : Наука, 1986. – С. 220–222.

596. Философия права / под ред. О. Г. Данильяна. – М. : Эксмо, 2006. – С. 53.

597. Философская энциклопедия : в 5 т. – М. : Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2.

598. Философский словарь. – Ростов н/Д : Феникс, 1997.

599. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1981.

600. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика, 2001.

601. Фихте, И. Г. О достоинстве человека. Избранные философские сочинения / И. Г. Фихте. – М., 1916. – Т.1.

602. Форшатов, И. А. Право на обслуживание: социальная природа, юридические основы / И. А. Форшатов // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 52–58.

603. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн. – М., 1992.

604. Фроянов, И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего) / И. Я. Фроянов. – СПб., 1997.

605. Хабибулин, А. Г. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности / А. Г. Хабибулин, Р. А. Рахимов // Государство и право. – 2000. – № 5. – С. 5–11.

606. Хайкин, Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем / Я. З. Хайкин. – М. : Высш. шк., 1972.

607. Hejdensztejna, R. Dzieńje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594 / R. Hejdensztejna // Ksiąg XII. – SPb., 1957. – Т. 11. – S. 119.

608. Хаманева, Н. Ю. Специфика правового статуса Уполномоченного по правам человека в РФ и проблемы законодательного регулирования его деятельности / Н. Ю. Хаманева // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 21–31.

609. Хесина, В. Россияне умирают от экономических реформ / В. Хесина // АиФ. – 2004. – № 24. – С. 4.

610. Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ / К. Хессе. – М. : Юрид. лит., 1981.

611. Хеффнер, Й. Христианское социальное учение / Й. Хеффнер. – М., 2001.

612. Хованская, А. В. Достоинство человека: международный опыт правового понимания / А. В. Хованская // Государство и право. – 2002. – № 3.

613. Холл, Д. Исследования по юриспруденции и криминальной теории / Д. Холл. – Нью-Йорк, 1958.

614. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. – М., 1961.
615. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права : в 2 т. / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. – М. : Юристъ, 2002.
616. Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С. П. Утченко. – М., 1962.
617. Хрестоматия по истории Средних веков. – М., 1961. – Т.1.
618. Хрестоматия по новейшей истории. – М., 1960. – Т.1.
619. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М., 2002.
620. Цапин, А. И. Защита чести и достоинства гражданина / А. И. Цапин // Молодой коммунист. – 1979. – № 5.
621. Ципко, А. Президентская философия. Необходимо конституционно оформить запрет на такую идеологию как «пораженчество» / А. Ципко // Литературная газета. – 2006. – 8–14 февр. – № 5 (6057). – С. 1–2.
622. Цоллер, Э. Защита прав человека во Франции / Э. Цоллер // Государство и право. – 1992. – № 12.
623. Чаттерджи, С. Введение в индийскую философию / С. Чаттерджи, Д. Датта. – М., 1955.
624. Чаттопадхьяя, Д. История индийской философии / Д. Чаттопадхьяя. – М., 1966.
625. Червонюк, В. И. Теория государства и права / В. И. Червонюк. – М. : ИнфраМ, 2003.
626. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрайт – М, 2001.
627. Черменский, Е. Д. Государственная Дума и свержение царизма в России / Е. Д. Черменский. – М. : Мысль, 1976.
628. Черникова, В. В. Регулирование деятельности благотворительных организаций Великобритании: историко-правовые аспекты / В. В. Черникова // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 102.
629. Чернышова, С. А. Защита чести и достоинства граждан / С. А. Чернышова. – М., 1974.
630. Честнов, И. Л. Принципы диалога в современной теории права (Проблемы правопонимания) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Л. Честнов. – СПб., 2002.
631. Честнов, И. Л. Природа и этапы развития государственности / И. Л. Честнов // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 10.
632. Честнов, И. Л. Универсальны ли права человека? (Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека) / И. Л. Честнов // Правоведение. – 1991. – № 1. – С. 73–82.

633. Чечеткина, З. В. Судебная защита чести и достоинства – конституционное право советских граждан : конспект лекции / З. В. Чечеткина. – М., 1980.
634. Чиркин, В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт / В. Е. Чиркин. – М. : Зерцало, 1998. – С. 26.
635. Чиркин, В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5–13.
636. Чистяков, О. И. Развитие Конституции Российской Федерации / О. И. Чистяков. – М., 1980.
637. Чистяков, О. И. Конституция РСФСР 1918 года / О. И. Чистяков. – М., 1984.
638. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – М., 1900.
639. Чуринов, Н. М. Об идеологии и религии в гражданском обществе / Н. М. Чуринов // Теория и история. – Красноярск, 2004. – № 1. – С. 11.
640. Чучаев, А. И. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI–XVII вв. / А. И. Чучаев, А. Ю. Кизилев // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 89.
641. Шаповал, В. Н. Британская конституция. Политико-правовой анализ / В. Н. Шаповал. – Киев : Лыбидь, 1991.
642. Шапп, Ян. О свободе, морали и праве / Ян Шапп // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 85–92.
643. Шафиров, В. М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию / В. М. Шафиров. – Красноярск : ЮИ КрасГУ, 2004.
644. Шелдон, Г. Политическая философия Томаса Джефферсона / Г. Шелдон. – М., 1996.
645. Шестернина, Е. Северная Европа идет направо / Е. Шестернина // Известия. – 2001. – 27 нояб.
646. Шидфар, Б. Я. Ибн Сина / Б. Я. Шидфар. – М., 1981.
647. Шиллер, Ф. Собр. соч. / Ф. Шиллер. – М., 1957. – Т.6.
648. Шнирельман, В. А. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины / В. А. Шнирельман // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины ; под ред. Ю. В. Бромлея. – М. : Наука, 1986. – С. 465–467.
649. Шнирельман, В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей / В. А. Шнирельман // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины ; под ред. Ю. В. Бромлея. – М. : Наука, 1986.
650. Шнирельман, В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) / В. А. Шнирельман // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М., 1982. – С. 91.

651. Штатина, М. А. Развитие административного права в Латинской Америке / М. А. Штатина. // Правоведение. – 2000. – № 7. – С. 30.
652. Шульженко, Ю. Л. О понятии «правовая охрана Конституции» / Ю. Л. Шульженко // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 5–12.
653. Шуцкий, Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Шуцкий. – М., 1960.
654. Эбзеев, Б. С. Теоретические проблемы современного российского конституционализма : науч.-практ. семинар / Б. С. Эбзеев ; публ. подготовила Т. Я. Хабриева // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 114–116.
655. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. – СПб., 1999.
656. Эурипидес Вальдес Лобан. Демократический идеал Хосе Марти и романо-латинская конституционная модель / Эурипидес Вальдес Лобан // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 212, 214.
657. Юань-Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань-Кэ. – М., 1965.
658. Юшков, С. В. Правосудье митрополичье / С. В. Юшков // Избранные труды: к 100-летию со дня рождения. – М., 1989.
659. Якуба, Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме / Е. А. Якуба. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1970.
660. Ялбулганов, А. А. Развитие законодательства о налогообложении земли в дореволюционной России / А. А. Ялбулганов // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 96.
661. Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение / Ян Хин-Шун. – М. – Л., 1950.
662. Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии / Ян Юн-го. – М., 1957.
663. Ярков, В. В. Судебная власть и защита личности в гражданском процессе / В. В. Ярков // Правоведение. – 1992. – № 1.
664. Ярошенко, К. Б. Гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан / К. Б. Ярошенко // Тр. ВНИИ СГСиЗ. – М., 1989. – Вып. 43.
665. Ячменев, Ю. В. Этико-политические ценности русского средневековья / Ю. В. Ячменев // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 208–209.